

МИНИСТЕРСТВО
НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

«Российский государственный гуманитарный университет»

СТЕНЫ И МОСТЫ

Междисциплинарные подходы
в исторических исследованиях

Сборник статей

Москва 2023

УДК 930(063)
ББК 63я431
С79

Ответственный редактор
Г.Г. Ершова

Составитель
Е.А. Долгова

Рецензент
П.А. Алипов, канд. ист. наук, доцент
Российский государственный гуманитарный университет

ISBN 978-5-7281-3297-4

© Долгова Е.А., составление, 2023
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2023

Содержание

Предисловие	
<i>Е.А. Долгова</i>	7

Междисциплинарные практики в изучении всеобщей истории

<i>Г.Г. Еришова</i>	
К вопросу о войне с христианским мировоззрением: неутраченная актуальность	10

<i>Е.В. Бульчева</i>	
Междисциплинарный подход к изучению экономики Афинского полиса в IV в. до н.э.: проблемы и перспективы	36

<i>A. Maldonado Repetto</i>	
El debate de 1550 entre Juan Ginés de Sepúlveda y Bartolomé de Las Casas nociones de interculturalidad como base de cierta interdisciplinarietà	44

<i>И.Н. Косиченко</i>	
Идентичности повстанцев майя в начальный период Войны Каст на Юкатане (1847–1853)	51

<i>Т.С. Молодчикова</i>	
Майя в политическом дискурсе Фелипе Каррильо Пуэрто	60

<i>Е.А. Балкова</i>	
Эпидемия холеры в Пуэрто-Рико в 1855–1856 гг.: аспекты медицинской антропологии	69

<i>А.К. Шабунина</i>	
Стратегии конструирования трансдисциплинарной исследовательской модели (на примере социокультурного феномена голода викторианской Англии)	75

История России в междисциплинарном измерении

<i>Л.Б. Сукина</i>	
Исследование гравированных титулов и входных гравюр старопечатных книг как междисциплинарная задача	89

<i>О.Н. Мухин</i>	
«Галатей» царственного «Пигмалиона»: к проблеме анализа психосоциальной идентичности Екатерины I	99

<i>А.А. Крылова</i> Связи «практического родства» в среде провинциального русского дворянства XVIII – начала XX в.: способы установления и поддержания	111
<i>А.Б. Ляровский</i> Дневник подростка начала XX века: лаборатория модерна	120
<i>Е.А. Долгова</i> Советское научное сообщество в объективе переменного фокусного расстояния: опыт реализации проекта по социальной истории науки	134
<i>М.В. Каиль</i> Московская Патриархия в международном движении борьбы за мир эпохи «Холодной войны»: конфессиональный и политический дискурсы	148
<i>Б.Н. Миронов</i> Междисциплинарный подход к распаду СССР	156
Междисциплинарные аспекты методологии и источниковедения	
<i>М.Ф. Румянцева</i> Междисциплинарный подход к интерпретации исторического источника в «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского	173
<i>Н.Л. Пушкарева, И.М. Пушкарева</i> Методология эмоциональной рефлексивности при анализе текстов, сообщенных мужскими и женскими информаторами	182
<i>Д.В. Лукьянов</i> Коммуникация – полезная категория отечественного исторического и историографического анализа?	189
<i>А.Б. Стрельченко</i> Социальная психотерапия в период деструктивных социальных эпидемий	202
<i>Е.Ю. Калинина</i> Культурально-антропологическая модель в историко-правовой науке: как в мире правовых явлений появился человек	209
Сведения об авторах	217

Предисловие

Сборник объединяет научные статьи, подготовленные на основе докладов IX и X Международной научной конференции «"Стены и мосты": междисциплинарные подходы в исторических исследованиях», состоявшихся в Российском государственном гуманитарном университете в 2021 и 2022 гг.

Конференция направлена на формирование возможно полного и объективного представления о развитии российской исторической науки в части становления ее междисциплинарных связей, определяющих в целом ряде исследовательских направлений современные перспективы развития науки. Прошедшие дискуссии обладали тематическим единством. Тема IX конференции (2021 г.) – «Воображение исследователя: от гипотезы к верификации результатов». Год проведения десятой, юбилейной конференции совпал с важной датой истории российской науки: в 2022 г. отмечался столетний юбилей со дня рождения великого ученого Ю.В. Кнорозова. Сфера научных интересов Ю.В. Кнорозова охватывала изучение важных проблем гуманитарного знания на пересечении проблемных полей истории, археологии, международных отношений, лингвистики, филологии, истории искусств, антропологии, религиоведения, которые объединялись в его исследованиях благодаря междисциплинарному и системному подходам. Таким образом, в центре развернутой двухлетней дискуссии оказалась проблема творческого (научного) воображения исследователя. Особое внимание уделялось не только смелым гипотезам и идеям, но и их реализации на практике – конкретным примерам исследований, строгости методики и особенностям работы с источником.

Эти вопросы, наряду с традиционными исследовательскими сюжетами изучения российской исторической науки в части становления ее междисциплинарных связей (теоретических оснований, истории становления и реализации на практике междисциплинарных проектов), оказались в фокусе внимания докладчиков. К участию были приглашены историки, проводящие междисципли-

нарные исследования, представители иных наук, обращающиеся в своих исследованиях к исторической проблематике.

Работа конференции реализовывалась в разных форматах – пленарного заседания, круглых столов, тематических секций, открытых лекций и презентаций проектов. По итогам научной дискуссии были подготовлены тексты научных статей, объединенные в настоящем сборнике в три тематические рубрики: «Междисциплинарные практики в изучении всеобщей истории», «История России в междисциплинарном измерении» и «Междисциплинарные аспекты методологии и источниковедения».

Книга предназначена для историков и представителей других дисциплин, обращающихся в своих исследованиях к исторической проблематике.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРАКТИКИ
В ИЗУЧЕНИИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

К вопросу о войне
с христианским мировоззрением:
неутраченная актуальность

Аннотация. В настоящее время наблюдается глобальный пересмотр и отрицание традиционных ценностей, лежащих в основе мировой христианской культуры. Это идеологическое давление противостоит сложившейся системе мироустройства, хотя попытки реконструкции и толкования главного евангельского сюжета существуют ровно столько, сколько существует само христианство. Меняются идеологии, религиозные подходы, духовные взгляды, научные знания о мироздании – но история воскресения Христа не утрачивает своей актуальности. При этом уже две тысячи лет тому назад выяснение истинности воскресения Иисуса стало ключевой проблемой в непризнании его книжниками в качестве Мессии. Воскрешение Иисуса, не до конца соответствующее «канонам» текстов, заставило иудеев назвать его лжепророком и в то же время послужило основанием для признания Христа сыном божьим в неиудейском мире¹. А это, в конечном счете, привело к самому первому и значительному шагу в формировании некоего глобального пространства, которое вплоть до XXI в. продолжало определяться как «мир христианской культуры». В настоящее время наблюдается процесс разрушения этого мира за счет массового навязывания так называемой «идеологии глобализма», отрицающей христианские ценности и ориентированной на разрушение культурного единства через формирование фальшивых эрзац-ценностей и «глобальных» объединений, управляемых из единого идеологического центра.

Ключевые слова: история религии, христианство, иудаизм, археoaстрономия, религиозное сознание, картина мира.

*Реинкарнация: общие палеолитические представления
в иудейской традиции*

Ни Ветхий, ни Новый завет нельзя даже сравнивать с известными «Книгами мертвых». Это, безусловно, иные памятники и иные источники. Наконец, иная культурная традиция, существенно переработавшая духовное наследие предшественников. О том, что иудеи не сомневались в существовании мира мертвых и душ умерших, можно судить уже по тому, что в книге Левита, регламентирующей нормы поведения, сказано: «И если какая душа обратится к вызывающим мертвых и к волшебникам, чтобы блудно ходить вслед их, Я обращаю лицо мое на ту душу и истреблю ее из народа ее» (20:6). Как у Левита, так и во Второзаконии неоднократно упоминается, что вызывающих духов предков следует не просто изгонять, а истреблять². Совершенно очевидно, что проблема контактов с душами в ином мире была в те времена чрезвычайно актуальна и вовсе не одобрялась официальной идеологией.

В Пятикнижии упоминается Шеол – потусторонний мир, называемый «нижним миром», куда уходят души умерших. Шеол носит все характеристики антимира и оппозиции «ангельским небесам». Однако в древнееврейских текстах заложена определенная двойственность представлений о Шеоле. С одной стороны, здесь сохраняется божественное присутствие, а также идентичность личности, способность размышлять, чувствовать. Кроме того, души в Шеоле обретают экстраординарные способности. По другим комментариям, Шеол – это страна мрака, разрушения личности, обитель унылого существования подобия тени человека лишённого контактов с богом. Согласно третьей, систематизирующей, версии в Шеол попадают после смерти все души, проходят суд, после чего справедливые и трудолюбивые воспаряют к Творцу, а грешные так и остаются в мрачном антимире. Иудейские представления о воздаянии весьма сходны с зороастрийскими воззрениями³. Эта интерпретация закладывает идею вознесения умерших праведников, дополненного неожиданным телесным воскресением. Ветхозаветные тексты неоднократно, как дело обыденное, упоминают будущее «воскрешение из мертвых» и «грядущий мир». В книге пророка Даниила говорится о посмертном будущем (12:1-3): «...но спасутся в это время из народа твоего, все, которые найдены будут записанными в книге. И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление». И там же (12:13): «А ты иди к твоему концу, и успокойся, и восстанешь для получения твоего жребия в конце дней».

Иудаизм никогда не расценивал смерть как окончание всего: душа человека вечна, она не появляется в момент рождения и не

исчезает в момент смерти. Смерть – это поворотный пункт на пути души человека, и то, как человек относится к смерти, в значительной степени определяет его понимание самой жизни. Согласно Каббале – целостно оформившемуся в Средневековье теософскому учению иудаизма – до рождения человека душа его обитает в Верхних Мирах и воспринимает Божественный свет. Когда человек рождается, душа его опускается в наш мир, чтобы выполнять то, что поручает ей Всевышний. Затем, после смерти, душа снова возвращается в Верхние Миры, где опять наслаждается Божественным светом – в соответствии с тем, насколько хорошо она выполнила порученное ей.

Как и многие другие народы (в том числе и египтяне), иудеи полагали, что носителем души является кровь. И если судить по тому, как они избегали (и до сих пор продолжают) потреблять кровь, идея вселения в живого человека души умершего (пусть даже животного) воспринималась вполне реалистично и навела панический ужас. Естественно, что подобные поведенческие традиции не могли сформироваться отдельно от представлений о реинкарнации душ умерших. «Только строго наблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь есть душа: не ешь души вместе с мясом»; «Не ешь ее: выливай ее на землю, как воду» (Втор. 12:23–24). (Попутно можно заметить, что предложение Иисуса выпить вино в качестве «крови моей» само по себе должно было звучать вызовом по отношению к религиозным основам иудаизма.)

Тема реинкарнации в прямой связи с мессианством постоянно рассматривается теоретиками иудаизма. Так, например, в одной из лекций раввин Меир Левинов⁴ выделяет важный для всякого религиозного учения элемент, а именно – «вопрос о личной награде верующему за праведность». В Пятикнижии (например, Второзаконие) предполагаемая награда, полагающаяся исключительно иудеям, сформулирована в виде доступного земного счастья, которое описывается на конкретных примерах (Втор. 11). Исходная позиция сводится к следующему условию: «Если законы мои будете исполнять, то создам вам возможности для процветания». Далее раскрываются характеристики процветания:

- «овладеете народами, которые больше и сильнее вас» (подавление и подчинение соседей-конкурентов);
- «всякое место, на которое ступит нога ваша, станет ваше» (территориальная экспансия);
- «дам вам дождь и обеспечу урожай хлеба, дам траву и обеспечу скотом» (обеспечение пищей);
- «столько дней ваших и детей ваших, сколько небо будет над землей» (долголетие).

И присутствует антитеза: «Вот я предлагаю вам сегодня благословение и проклятие» (т. е. если не исполнятся законы) (Втор. 11:26). Таким образом, всякое воздаяние по заслугам должно быть получено еще при этой жизни.

Нетрудно заметить, что «обещаний земных благ в Пятикнижии великое множество», тогда как обещания, связанные с потусторонним миром отсутствуют. Тем не менее в талмудической литературе приводится ряд текстов, в которых угадывается намек на «воскрешение мертвых». Начальный трактат Талмуда Берахот (34а) утверждает, что мы не можем знать о Мире Грядущем почти ничего определенного, однако праведники в Мире Грядущем (17а) наслаждаются сиянием Божественного Присутствия, близостью к Всевышнему, и это наслаждение выше всех земных благ.

Как подчеркивает М. Левинов, в иудаистских текстах можно встретить две версии посмертного воздаяния.

Версия первая: «*воскрешение мертвых*» – т. е. придет время, когда покойники восстанут из своих могил, получат новые тела и будут жить вечно. «Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе...» (Исайя. 26:19). Однако, по всей видимости, речь идет все же не о восстановлении праха (если все же фигурирует *новое тело*), а каким-то образом вернется та самая высвободившаяся душа, и именно она и получит другую оболочку. Меир Левинов приводит слова молитвы «18 благословений», которую всякий правоверный иудей должен читать трижды в день: «Ты воскрешаешь мертвых... питаешь живых и воскрешаешь мертвых... Ты исполнишь свое обещание лежащим в прахе... Царь убивающий и воскрешающий...».

Эта версия связана с древнеегипетской традицией и историей Осириса, с которым отождествлялись мертвые, и чье возрождение уже в древности представлялось достаточно непонятным. Как повествует миф, пройдя через муки и смерть, Осирис обрел воскрешение в просветленном теле. Тем самым он победил смерть и стал царем царства мертвых – поэтому к нему обращались с мольбами о жизни вечной. Заупокойные тексты пирамид (глава о «Книгах мертвых») сообщают, что свершенное Осирисом доступно и для конкретного покойника. С состоянием Осириса отождествляется состояние умершего человека, который повторяет путь Осириса. Как вечно живет Осирис, так вечно будет жить и покойник. Осирис почитался египтянами как повелитель мертвых, прообраз воскресения, преемник космического бога Атум-Ра, «Душа, повторяющая жизнь», «Тот, кто снова становится ребенком», «Первородный сын, не имеющий формы», «Владыка времени», «Владыка жизни вечной», «Тот, кто дает жизнь с самого ее возникновения», а «жизнь нисходит

на нас из его разрушения», «зародыш, происшедший из него, обеспечивает жизнь как живых, так и мертвых».

Египтяне сохраняли архаические представления о том, что, поедая плоть и выпивая кровь другого существа, человек вбирал в себя его жизненную силу. Однако в их представлениях (во всяком случае, во времена Царств) подобное выглядело применимым лишь к потусторонней жизни. Мертвый царь мог прибегнуть к данному магическому средству, чтобы достичь вечной жизни, которая считалась исключительно прерогативой богов.

Другим компонентом верований в районе центрального Средиземноморья был чрезвычайно распространенный ритуал принесения в жертву первенца. Судя по финикийским традициям, широко применявшаяся практика умерщвления перворожденных детей была нацелена на обеспечение милости богов ценой самоотверженного поступка. Такая жертва становилась особенно важной в дни тяжелых испытаний и страшных опасностей, грозивших государству. Причем подобные жертвы носили массовый характер – в зависимости от тяжести ситуации. Однако со временем стали возникать «жертвы замещения», когда вместо ребенка убивали и сжигали ягненка, следуя формуле: «душа за душу, кровь за кровь, жизнь за жизнь»⁵.

Версия вторая посмертного воздаяния иудеев – «*Мир грядущий*» – имеет, как считает Левинов, греческое происхождение⁶. Считалось, что после смерти душа покойного попадает в некое прекрасное место, где наслаждается всевозможными благами. Вопрос о том, что происходит с душой после того, как она оставляет тело, до сих пор активно обсуждают неоплатоники в рамках европейской философской традиции.

Таким образом, иудаизм включил в качестве догматов обе версии – «египетскую» и «греческую», тем более что «все начинается с веры в бессмертие души в той или иной степени». Наличие этих двух теологических концепций привело к тому, что и в более поздние времена еврейские мыслители продолжали придерживаться двух линий представлений о том, что ждет человека после смерти. Хотя процесс взаимного проникновения, вытеснения, переосмысления духовных традиций не был прост и однолинеен. Как писал А. Мень, «живя среди египтян, евреи и греки впервые как бы открыли друг друга. Знакомство с эллинской мыслью произвело в иудействе своего рода умственный переворот, который стал прологом к проповеди единобожия среди язычников и к эллинизации иудаизма. Остается лишь пожалеть, что первые этапы этого процесса почти скрыты от нас»⁷. Анализ формирования христианских представлений о смерти на основе сложного культурного субстрата привел В. Гайдук к любопытному выводу: «В результате хрис-

тианская идея смерти предстает перед нами в виде своеобразной “коробки”, форма которой будет греческой, а вот содержание, в большинстве своем, египетским. Кроме того, к подобному сплентению представлений о смерти добавляется также собственно христианская индивидуализация смерти»⁸.

Одно из этих направлений представлял Маймонид, мыслитель XII в., который полагал, что после смерти душа человека попадает в мир грядущий, где предается радостям, которые нам не понять, ибо все доступные нам удовольствия носят материальный характер. Все эти радости не свойственны материальной душе, а связаны с Божественным сиянием. При этом наслаждение Божественным сиянием означало наслаждение, не имеющее аналогов в реальном мире. Воскрешение у Маймонида, хотя и присутствует, но предстает не очень понятным и убедительным.

Другой еврейский мыслитель Нахманид, живший в XIII в., считал, что мир грядущий, это то, что произойдет после воскрешения мертвых. Награда душ и их существование в потустороннем мире называется «Эдемский сад» или «место вверху». После прихода Мессии, наступит Суд и воскрешение из мертвых – и это будет награда и для тела и для души. Это воскрешение и есть главная надежда для всех полагающихся на Господа. В мире грядущем вернуться и душа и тело. При этом душа будет обладать высшим знанием, которое приобретет в Эдеме, благодаря чему будет подниматься в великом постижении, обретя вечное существование. Говоря проще, покойные обретут новые нестареющие тела и станут наслаждаться всеми благами мира.

Но, как бы то ни было, вера в бессмертие души, а также в воскрешение из мертвых всегда являлась неотъемлемым и фундаментальным убеждением иудаизма. Именно поэтому «веру в воскрешение мертвых» Маймонид включил в список 13 догматов веры⁹. Среди евреев в начале нашей эры вера в воскрешение мертвых и представления о высвобождающейся и странствующей душе были уже настолько обыденны, что не требовали специальных разъяснений и обоснований, поскольку эти основы метемпсихоза были давно разъяснены египтянами в своей «Книге мертвых» и философски осмыслены пифагорейцами и орфиками.

В Древней Греции *орфики* (последователи Орфея, якобы оставившего тайное учение) представляли мистическое течение, возникшее за несколько веков до христианства и связанное с экстатическими мистериями Диониса-Загрея. Учение орфиков основано на мифе о возникновении человека, согласно которому андроген Фанет, родившийся из мирового яйца (осколки скорлупы которого – небо и земля), оказался поглощенным всемогущим Зевсом. В результате у Зевса появился наследник,

грядущий повелитель мира – Дионис-Загрей. Но несчастного сына Зевса по недосмотру растерзали и сожрали титаны, за что впоследствии и были убиты молнией Зевса. Однако из их пепла родились люди, которые соединяли в себе злую сущность титанов и благую сущность поглощенного ими Диониса-Загрея. Целью орфиков стало освобождение божественной души из тюрьмы темного тела на личном примере. Для этого посвященным следовало соблюдать особый пост, аскетические предписания и выполнять очистительные обряды. В результате после смерти они обретали вечное блаженство, тогда как нечестивых ждали муки в Тартаре. Схема посмертного воздаяния подкреплялась учением о метемпсихозе. Накануне появления христианства орфики нашли многочисленных последователей в Греции, южной Италии, Риме и были, по свидетельствам современников, чрезвычайно популярны в народе.

Появление Христа

В известной всем европейской религиозной традиции реинкарнационные представления связаны прежде всего с евангельской историей воскресения Христа. Хотя в последнее время совсем не случайно все чаще происходит некое обращение к «подлинным этническим истокам», как правило, в целях развязывания военных агрессий против соседей. Это отчетливо наблюдалось в гитлеровской Германии в прошлом веке, разработавшей собственную идеологию бесчеловечной агрессии. В еще более чудовищном виде эта псевдоэтническая и псевдоязыческая идеология по тем же, только чуть обновленным новыми технологиями моделям была разработана для использования на Украине. И становится возможным наблюдать как отрицающая христианские ценности идеология легко превращает людей в агрессивных, не обладающих минимальной критикой, полуживотных.

Однако вернемся к христианству. Новый завет – удивительный памятник духовной культуры, изобилующий «вечными» сюжетами. Однако не будет преувеличением сказать, что воскресение (ожидание, подготовка и реализация) является главным событием и кульминацией всего повествования¹⁰.

Реальность воскресения упирается в основную дилемму религиозного учения христианства: верить или не верить. И если иудейский мир однозначно не поверил (за небольшим исключением последователей) в воскресение Иисуса ни по одной из версий, то в неиудейском, прежде всего европейском, пространстве эта вера приобрела глобальный характер, благодаря, отчасти, именно наличию греческой философской традиции.

Вопрос о реинкарнации Иисуса возникает в контексте выяснения книжниками подлинности его мессианских притязаний. Следует заметить, что важным условием появления Христа стало привычное ожидание евреями Мессии. «Приход мессии» также вошел в догматический список Маймонида. Слово *Мессия* (ивритская транскрипция – *Машиах*) означает «помазанник». Происхождение слова восходит к обряду, при котором приходешшего к власти царя «помазывали» на царство благовониями, настоянными на оливковом масле (елее). Греческое «христос» является переводом с иврита «машиах». Евангельские тексты используют именно греческое, а не еврейское слово, что косвенно свидетельствует и о тяготении к «греческой» версии воскрешения. Иисус Христос это Иисус Мессия¹¹. Совсем не случайно, что даже язык, на котором писалось большинство христианских сочинений I и II вв., был именно греческим.

Практически любое восстание в Иудее возглавлял тот или иной Мессия под знаменем «возвращения истинного царя Израилева». И поскольку лже-мессии объявлялись в Иудее с пугающей регулярностью, приходилось постоянно проверять их на соответствие религиозным канонам, которые предполагали наличие нескольких обязательных признаков.

Некоторые требования иудеев к Мессии

I. Предвестие появления Мессии:

1. Когда Мессия уже объявился, но еще не завоевал власть, наступает период бед и катастроф, но не апокалипсис (*Хавелей Машиах* – «муки рождения Мессии»).
2. По пророчеству Захарии, Мессии должно предшествовать появление пророка Ильи.
3. Должен появиться и предтеча Мессии – Мессия Бен Иосиф с не очень ясной и не очень удачной судьбой.
4. Расчетные даты прихода Мессии. Хотя таких дат официально не существует, расчеты ведутся постоянно и предлагаются самые разные математические и астрономические варианты.

II. Личность мессии:

1. Мессия должен быть человеком, но помазанником (*Машиах*). Должен быть первенцем.
2. Предусмотрено два способа появления Мессии. Первый – это «всадник на красном коне»¹², что символизирует прямое вмешательство Бога в дела человеческие, когда он решает послать Мессию. Образ взят из первой главы пророка Захарии, где речь идет об ангеле-всаднике на красном/рыжем коне, который просит у Бога и Тот отвечает всаднику, что «будет милостив к Иерусалиму и соорудит в нем Дом свой» (1:8,16).

3. Мессия может появиться «на осле», что подразумевает не прямое вмешательство Бога – через земные действия, открывающие путь Мессии. Об этом говорится в другом пророчестве Захарии (9:9): «Ликуй от радости дочь Сиона... се царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле...».
4. Мессия может быть чудотворцем – но совсем не обязательно.
5. Появление Мессии сопровождается чудесами и знаменьями: землетрясение, гроза, буря, воскресение покойников.
6. Мессия не может погибнуть.
7. Мессия если и умрет, то непременно в течение трех дней телесно воскреснет.

III. Задачи Мессии:

1. Мессия должен одержать победу – над внешними врагами прежде всего.
2. Удача во всем – главный признак. Если удача от него отвернется – то это не истинный Мессия, произошла ошибка.
3. Мессия быстро возведет новый Храм (по крайней мере, заложит основы) в Иерусалиме (для жертвоприношений, которые описаны у Левита).
4. Мессия соберет народ Израиля из изгнания.
5. С приходом Мессии наступает благоденствие и монотеизм – все признают Бога Израиля своим богом. «Ляжет волк рядом с ягненком».
6. Мессия будет признан всеми народами.

Итак, попробуем в соответствии с канонами иудеев ответить: *Мессия или не Мессия?*

	Соответствие канону	Мессия – да / нет
I-1	Период бед и катастроф.	да
I-2	Появление пророка Ильи	да
I-3	Появление предтечи Мессии – Мессия Бен Иосиф	да
I-4	Расчетные даты прихода Мессии.	да
II-1	Человек, первенец	да
II-2	«Всадник на красном коне»	нет
II-3	Бедный, на осле	да
II-4	Мессия может быть чудотворцем	да

II-5	Появление Мессии сопровождается чудесами и знаменами: землетрясение, гроза, буря, воскресение покойников	да
II-6	Мессия не может погибнуть	нет/да
II-7	Мессия если умрет, то непременно в течение трех дней воскреснет	нет
II-8	Воскрешение на третий день должно сопровождаться молнией от горизонта до горизонта и прочими астрономическими и геофизическими аномалиями	нет
III-1	Мессия должен одержать победу	нет
III-2	Удача во всем	нет
III-3	Мессия быстро возведет новый Храм (заложит основы) в Иерусалиме	нет
III-4	Мессия соберет народ Израиля из изгнания	нет
III-5	С приходом Мессии наступает монотеизм, благоденствие и все признают Бога Израиля своим богом	нет
III-6	Мессия будет признан всеми народами	нет

Окончательный вывод: Иешуа из Назарета – лжемессия.

Итак, если бы духовные авторитеты иудеев составили (и, похоже, они это сделали) подобную формальную таблицу «за» и «против» признания Иешуа из Назарета Мессией (Машиахом), она бы убедительно свидетельствовала в пользу отрицательного вывода. Однако если оценить результаты деятельности Иисуса с позиции времени и мировой истории, следует признать, что формализм жестоко подвел иудейских книжников, ориентировавшихся на схему «здесь и сейчас»¹³.

Евангелие как документ, подтверждающий мессианство

Евангельские тексты позволяют почувствовать, как авторы стремились ответить положительно на необходимые канонические пункты, а иногда и «сгладить» отклонения от этих канонов – как если бы ими велся постоянный диалог с саддукеями. Постоянно в новозаветных текстах идет ссылка на то, что «так сказано в Писании», т. е. ветхозаветных текстах. Зачастую эти фрагменты представляют собой почти прямые цитаты или реплики на тексты из Пятикнижия, псалтыря и пророчеств.

Не следует забывать, что евангелисты стремились представить Иисуса как мессию еврейского народа в рамках известной им

восточно-средиземноморской религиозной традиции – ничего другого евангелистам не могло тогда прийти в голову. Подробно описывается рождение Иисуса, где он предстает не просто «первенцем», а, во избежание всяких сомнений, первенцем Девы. Присутствуют астрономические знамения, предвещающие его появление, что позволяет вести календарные расчеты: время и знак появления Иисуса Ирод выведает у волхвов (Мф. 2). Иисус в изобилии творит чудеса, хотя, по канонам, этот пункт не относится к обязательным. Существует и предвестник Мессии – по имени Иоанн (Креститель).

Евангелия не становятся просто набором версий одного текста. Они ведут постоянную дискуссию с ветхозаветными текстами. Эти евангельские аргументы напрочь убирают посыл Ветхого завета, делящий человечество на главных и второстепенных. И именно с этой позиции единства человечества, объединенного новыми принципами жизни, доказывается мессианство Иисуса. Причем, это новое единение человечества получается обращенным в первую очередь к иудеям, оспаривая их убежденность в собственной этнической и религиозной исключительности. Естественно, что подобный посыл смог вызывать самую негативную реакцию со стороны иудейских книжников.

Казалось бы, какое значение может иметь вопрос о том, как появился в Иерусалиме Иисус, если не помнить двух возможных типов иудейского Мессии – посланный богом на красном коне и бедный, «из народа» на необъезженном осленке? Поэтому евангелисты специально для книжников подробно расписывают кажущийся абсолютно незначительным эпизод с ослом при въезде в Иерусалим (Мф. 21:1–11; Лк. 19:28–34). Иисус, до тех пор благополучно ходивший пешком, добирается до Иерусалима. И вдруг, подойдя к Елеонской горе, он посылает двух учеников в селение на поиски осла, причем подробно разъясняет, какого именно: привязанного рядом с ослицей молодого, «сына подъяремной», на которого никто из людей не садился. Те находят осленка, отвязывают его и экспроприируют у изумленных хозяев, которым согласно инструкции дается пояснение: «Он надобен Господу». Осла приводят, покрывая одеждами и усаживают на него Иисуса. И тогда тот явился народу под восхваления учеников, тут же отпраздновав в храм гонять торгашей. Народ восклицает «Осанна сыну Давиду!» и восславляет его как Пророка. Иисус активно исцеляет и пророчествует, вызывая восхищение народа. Как будто без осла его деяния были бы менее эффектными. Наконец, первосвященники устраивают допрос-дискуссию по поводу крещения Иоанном и принимают окончательное решение «погубить Его». На самом деле, расписывая историю с ослом, евангелисты в рамках иудейской догмы доказывают Синедриону, что Иисус соответствует канони-

ческим признакам Машиаха, поскольку появление его на осле воплощает пророчество Захарии и символизирует приход Мессии по «земному» варианту¹⁴.

Есть и другие «интерпретационные» эпизоды. Один – склока между учениками из-за потраченного зря елзя – связан с важнейшим моментом «помазания» Иисуса. Другой – с «омовением ног», что в иудейском, следовавшем египетской традиции, жертвоприношении являлось одним из обязательных ритуалов, когда мылись ноги и внутренности приносимых в жертву первенцев – агнцев и тельцов.

Все эти эпизоды подробно освещаются евангелистами не столько для пересказа истории Иисуса, сколько для группировок книжников, которые вовсе не случайно довольно быстро начинают интересоваться деятельностью новоявленного претендента на роль Мессии. Причем если фарисеи верили в скорый приход Мессии, воскресение мертвых и последний Суд, то саддукеи, составлявшие большинство в Синагогии и принадлежавшие к высшему духовенству, напротив, это отрицали.

Начало расследования фарисеев. Иуда

Саддукеи следуют за Иисусом шаг за шагом – оценивая каждый раз его деяния и выверяя их соответствие канону, и обязательно осуждая по мере обнаружения очередных нарушений. Первое упоминание о книжниках появляется после многочисленных чудес, народных сборищ, проповедей и прихода учеников. Оно связано с моментом, когда Христос возвращается в Назарет, где объявляет, что имеет власть прощать грехи, тем самым освобождая от страданий (Мф. 9:3–11). Похоже, что именно на этом этапе иерархи приступают к расследованию соответствия Иисуса званию Мессии, причем начинают с расспросов учеников. (Интересуются, почему Иисус общается с отбросами общества, исцеляет в субботу, почему ученики не постыятся, не моют рук перед тем, как съесть хлеб, и т. д.)

И где-то в это время рядом с Христом появляется Иуда (Мф. 10:2–4). В перечне учеников он обозначен последним. Если согласиться, что порядок в списке соответствует реальной очередности появления апостолов (Симон-Петр, Андрей, Иаков, Иоанн), то приход последнего – Иуды – совпадает по времени с началом активного расследования и первыми обвинениями со стороны книжников. Возможно, Иуда не случайно оказывается около Иисуса, чтобы вовремя информировать Синагогию о происходящем. Или же Иисус возлагает на него особую миссию. Во всяком случае, официальная роль Иуды в евангельской истории не столь однозначна и наводит на мысль о реализации какого-то весьма сложного замысла, многие детали которого остаются пока тайной¹⁵.

Изложение событийного ряда создает впечатление, что в воскресение Христа в первую очередь верили (опасаясь или ожидая) именно фарисеи, устроившие за ним слежку, – в отличие от учеников и апостолов, которых Иисусу приходилось постоянно убеждать в своей избранныости. Со всей очевидностью: «действует по писанию – не по писанию», «умрет – не умрет», «воскреснет – не воскреснет», следуя каноническим правилам и срокам теологической традиции, которая им была хорошо известна, но явно до этих пор в обозримой реальности не воплощалась. Судьба осужденных вместе с ним разбойников им была глубоко безразлична. Первосвященники настаивали лишь на казни Иисуса – только из-за того, что тот убедительно обещал свое воскресение (Мк. 15:30–32). Не исключено, что на самом деле они намеревались руками римлян использовать Иисуса для осуществления замаскированного жертвоприношения, втайне надеясь, что Иисус окажется Мессией и унесет всеобщие грехи, как обещано в пророчестве Исаяи.

В любом случае, для них важно было отследить подлинность реинкарнации, чтобы удостовериться в истинности его мессианства. Похоже, безрезультатное прошествие трехдневного срока с теологической точки зрения окончательно убедило фарисеев в том, что Иисус все же не являлся Машиахом.

Смерть и воскресение Иисуса

Смерть и воскресение становились главным эпизодом, который должен был доказать право Иисуса на статус Мессии. Более того, воскресение является ключевым моментом всего евангельского повествования. Если следовать текстам, то Христос обещает, что сначала будет замучен (причем, отнюдь не римлянами, а первосвященниками и Синедрионом, рассматривавшим дела лжепророков) и умрет, а затем на третий день воскреснет.

Итак, накануне Пасхи, когда со времен египтян было принято приносить в жертву перворожденных агнцов и тельцов, сын девы Иисус заявляет своим ученикам, что будет распят (Мф. 25:2). Однако молниеносная реакция следует не со стороны учеников (негодующих лишь по поводу траты мира на поливание головы Христа), а со стороны первосвященников и книжников, которые собираются во дворе Кайафы и постановляют на совете «взять Иисуса хитростью и убить» (Мф. 25:4), при этом избежав народных волнений. Более того, именно Кайафа, бывший в тот год первосвященником, «подал совет иудеям, что лучше одному человеку умереть за народ» (Лк. 18:14). Таким образом, духовное руководство заранее выбрало Иисуса для принесения человеческой жертвы – причем решено

было осуществить это под видом обычной казни и руками римлян. И в этом случае становится ясно, что Понтий Пилат, который, естественно, был вне этого заговора, уже никак не мог изменить участь в целом безразличного ему Иисуса, хотя и прекрасно понимал всю сложность ситуации.

Иисус, заявив о своей скорой смерти и не встретив понимания, был явно раздражен бестолковостью и неверием учеников, которые вместо того, *чтобы признать помазанника*, начали обсуждать выгоду продажи миро (принадлежавшего женщине!) для помощи бедным. Он говорит, призывая их к обсуждению темы своей скорой смерти: «Нищих всегда имеете с собой, а меня не всегда. ...Она приготовила меня к погребению» (Мф. 25–11; 12), – и тем самым указывает на то, что действия женщины символизировали помазание и избранничество.

Затем наступает драма Тайной вечери, где тема предательства становится центральной. Христос собирает для празднования Пасхи своих учеников за вечерней трапезой и возвещает: «Один из вас предаст меня». Все забеспокоились, поскольку каждый тут же начал подозревать других или сомневаться в себе. Он передает Иуде хлеб как знак особой любви и тем самым якобы указывает на него как на предателя.

После этого Иисус вдруг почему-то предлагает собравшимся собственную пасху – таинство святого Причастия, благословив хлеб и вино в качестве символа собственной плоти и крови. Это было воспринято учениками с долей удивления, поскольку напоминало им нечто вроде обряда ритуального каннибализма. Отголоски этих архаических практик Передней Азии обнаруживаются у евреев в запрете на поедание сухожилий сустава бедра, что связывается с историей борьбы Иакова-Израиля против духа потустороннего мира¹⁶.

Объяснением Причастия стало то, что плоть и кровь приносятся в жертву ради искупления человечества. Преломление хлебов и причащение вином символизируют *пресуществление* (т. е. передача хлебу и вину субстанции плоти и крови Христа). Это действие Учителя, объявляющего о своей скорой смерти, становится неожиданностью для учеников, так как восходит к мистическим практикам, с которыми обычные иудеи вовсе не были знакомы, а контакты с душами умерших считались колдовством и наказывались смертью.

Христос вышел в Гефсиманский сад, пригласив с собой Петра, Иакова и Иоанна и попросив их бодрствовать, пока он будет молиться. Но те, похоже, проспали. Пришли вооруженные люди с Иудой во главе. Тот поцеловал Христа, сказав: «Радуйся, Учитель». Петр попытался оказать сопротивление, отрубив ухо слуге первосвященника. Остальные тут же отшатнулись от Христа, только Петр какое-то время еще следовал за ним, арестованным. Однако, как

только его спросили, был он вместе с Христом, поспешил отречься, трижды ответив: «Я не знаю этого человека». Пропел петух, Петр вспомнил сделанное накануне предсказание Христа и заплакал. Иуда вернул первосвященникам полученные сребреники.

Арест и суд

Именно в этом разделе появляются сведения о поступках Иуды, странность которых и вызывает постоянные дискуссии вполне в духе новоявленного «евангелия от Иуды». Складывается впечатление, что Иуда не вдруг решил «предать Учителя», а готовился к этому шагу заранее. Выполнял ли он роль, заранее оговоренную с Христом? Или же был он «завербован» Кайафой и специально подослан шпионить под видом ученика?

Не исключено, что, будучи засланным Кайафой, Иуда превратился в сторонника Иисуса и передавал первосвященникам лишь информационные заготовки.

С точки зрения спланированной (неважно, кем) операции, его поступки в событиях становятся вполне логичными: он неотступно следует за Иисусом и, когда тот объявляет о своей скорой смерти, спешит доложить первосвященникам о начале операции. Для обеих сторон важно было соблюсти расчетные условия (праздник, полнолуние), а также избежать появления самозванцев. Затем следует суд, распятие и смерть Христа.

Суд. Кайафа и Понтий Пилат

На суд Понтию Пилату, считавшемуся врагом иудеев, Иисуса привели книжники, организовав арест «лжемессии» и выдвинув обвинения. Понтий Пилат на тот момент совсем не предстает главным злодеем с точки зрения последователей Христа. Да и по текстам следует, что Пилат не видит никакой опасности в несчастном Иисусе и не стремится к его казни. Вместе с тем в текстах евангелий постоянно появляются ссылки на канонические условия: «и сбылось слово Писания: «и к злодеям причтен» (Мк. 15:28). Имеется в виду прежде всего глава 53 из Книги пророка Исаии, полностью воспроизводящая историю Иисуса в виде текста про «презренного раба», «понесшего на себе грехи многих» и за «преступления народа Моего претерпел казнь», будучи причисленным «к злодеям». Таким образом, книжники не могли оставить без внимания пункты писания, но их не устраивала просто гибель Иисуса вне «пророческого» контекста. Поэтому официально в качестве формальных обвинений они выбирают подстрекательство к беспорядкам.

Ученики ожидают от Христа воскресения, но не очень в это верят. Книжники, безусловно, готовы поверить в воскресение, но очень опасаются появления признанного народом Израиля нового духовного лидера с новой идеологией. Понтий Пилат также опасается волнений, но связанных не со смертью Христа, а с тем, что в этой связи могут устроить первосвященники. Пилат отчетливо понимал, что Кайафа ведет свою игру, а в мессианство и воскресение он Иисуса явно не верил – и потому своих воинов отозвал сразу после распятия, разрешив Иосифу забрать тело. Однако связываться с Синедрионом не стал: «имеете стражу, охраняйте, как знаете».

Смерть

Как ни странно, на смерть Христа мы глядим как бы глазами книжников, сверяющихся с текстом Исайи и другими писаниями. И даже отправив Иисуса на казнь, первосвященники, особенно Кайафа, продолжали наблюдать за ним, сначала ожидая, что он действительно воскреснет, а также опасаясь, что в общей сумятице кто-нибудь еще объявит себя воскресшим Христом. Поэтому книжники внимательно следят за наступлением смерти, а затем три дня сторожат у могилы.

В евангелии от Матфея приводятся канонические чудеса, присущие смерти Мессии: в момент смерти Христа раскрылись гробы и воскресли праведники, которые появились затем в городе. Удивительно, но столь неординарное событие не произвело большого впечатления ни на жителей, ни на первосвященников, поскольку никаких деталей больше по этому поводу не сообщается.

Воскресение

Народ, засвидетельствовав смерть Иисуса из Назарета, разочаровался в нем как в Мессии. Ученики также разбрелись, полагая, что ожидать от погребенного тела больше нечего. Но старейшины и книжники продолжали следить, так как пророчество Исайи в отличие от остальных текстов допускало все же смерть потенциального спасителя народа – и потому у Христа оставался шанс быть признанным еврейским Мессией в случае воскресения в трехдневный срок. Но этого не случилось – по крайней мере, в том виде, как этого ожидали книжники.

Если накануне еще кипели и нагнетались страсти по поводу воскресения, а Синедрион опасался народных волнений, то спустя три дня после распятия стало ясно, что по формальным признакам вариант с воскресшим Мессией не прошел – и книжники полностью

утратили интерес к теме. В результате у самих иудеев христианство прижиться так и не смогло.

Все дальнейшее имеет отношение уже только к ученикам и последователям, положив начало вненациональному христианскому движению. Когда в пятницу умщенное и спеленатое тело Христа уложили в гроб, его остались сторожить две Марии (одна из них Магдалина) и Саломия. На третий день после распятия Мария отправляется к гробнице и обнаруживает камень откинутым, а в самой могиле двух ангелов, которые заявили: «Что вы ищите живого среди мертвых? Его здесь нет – он воскрес». Потрясенная Магдалина обернулась и увидела Христа, которого *она сама не узнала* и приняла, было, за садовника. Тот сказал: «*Не тронь меня*», и велел идти к ученикам рассказать о воскресении. По версии Марка, Христос после первого неудачного явления пришел к Марии второй раз в новом обличье. Тем не менее два ученика (один по имени Клеопа) на следующий день отправились в деревню Эммаус. По дороге Христос присоединился к ним – *но и ученики не узнали* своего учителя. Факт *неузнания* (при разных версиях появления воскресшего Христа перед учениками) подтверждают все евангелия. Причем упоминается, что Христос упрекал своих учеников, не признавших учителя, и обвинял их в жестокосердии – что свидетельствует о достаточно серьезном конфликте. По одной из версий, только вечером за едой этот *никем не узнанный* персонаж преломил хлеб и благословил его – и тогда они узнали действия Иисуса. Тут в Галилею пришли остальные апостолы, уже уведомленные о произошедшем. Они явно сомневались в правдивости истории, и Фома решил откровенно проверить свои сомнения. (Сомнения Фомы причем могли относиться как к возможности появления самозванца, так и к тому, что посмертный образ, который не может быть материальным, вдруг обрел телесность.) Христос, который до этого *не разрешал* Марии *к себе прикасаться*, велел ему засунуть пальцы в рану на груди. Затем история почему-то быстро, без комментариев заканчивается – хотя событие явно должно было быть из ряда вон выходящим, и времени проявить себя в конкретных поступках было предостаточно. Однако, кроме трех явлений ученикам, во время которых изгнал из Марии 7 бесов, позволил Фоме проверить раны и отловил 153 рыбины, Христос никак больше себя не проявил и вознесся на 40-й день на небо. В текстах всего лишь кратко сказано, «что много сотворил он». Только Иоанн, как бы компенсируя этот явный событийный пробел, отметил: «Многое и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (Ин. 21:25).

Драматизм этого события возникает в результате противоречия между древней верой в реинкарнацию вообще и отсутствием

конкретных примеров в реальной жизни. Кроме того, в условиях ожидания мессии в рамках религиозной традиции любой переосмотр основополагающих тезисов грозит катастрофой особенно в ситуации чужеродного (римского) присутствия. Фарисеи понимали, что при появлении Мессии, они вынуждены будут ему подчиниться¹⁷. Мессия подтверждает свою избранность реинкарнацией, с реальностью которой книжники так и не согласились, но верили до последнего момента, опасаясь наказания со стороны Бога.

Как показало дальнейшее развитие истории, основная проблема с признанием Иисуса Мессией заключалась прежде всего в том, что пришедший Мессия принес идею любви всего мира, а вовсе не богоизбранности иудеев. Было очевидно, что дела Иисуса вполне соответствовали требованиям к Мессии – но не в частном иудейском варианте, а в глобальном мировом. И если составить ту же таблицу с позиций христианства, то вывод получился бы иным.

Итак, с позиций христианства: *Мессия или не Мессия?*

	Соответствие канону	Мессия – да / нет
I-1	Период бед и катастроф.	да
I-2	Появление пророка Ильи	да
I-3	Появление предтечи Мессии – Мессия Бен Иосиф	да
I-4	Расчетные даты прихода Мессии	да
II-1	Человек, первенец	да
II-2	«Всадник на красном коне»	нет
II-3	Бедный, на осле	да
II-4	Мессия может быть чудотворцем	да
II-5	Появление Мессии сопровождается чудесами и знаменами: землетрясение, гроза, буря, воскресение покойников	да
II-6	Мессия не может погибнуть	да
II-7	Мессия если умрет, то непременно в течение трех дней воскреснет	да
II-8	Воскрешение на третий день должно сопровождаться молнией от горизонта до горизонта и прочими астрономическими и геофизическими аномалиями	да
III-1	Мессия должен одержать победу	да
III-2	Удача во всем	да
III-3	Мессия быстро возведет новый Храм (заложит основы) в Иерусалиме	да(!)

III-4	Мессия соберет народ Израиля из изгнания	да ²⁰
III-5	С приходом Мессии наступает монотеизм, благоденствие и все признают Бога Израиля своим богом.	да
III-6	Мессия будет признан всеми народами	да

Окончательный вывод: Иисус Христос – мессия.

Замысел Иисуса как бы совмещал две идеологические позиции. Одна из них – это идея Мессии, который возведет новый Храм и изменит мир. Он действительно должен быть удачливым победителем. Вторая – идея искупления грехов, о которой и повествуется в 53-й главе пророчества Исайи.

Как уже упоминалось, история Христа воплощает слова Писания про «презренного раба», «понесшего на себе грехи многих» и который за «преступления народа Моего претерпел казнь», будучи причисленным «к злодеям». Похоже, что этот текст посвящен так называемому «козлу отпущения» – племенной традиции принесения жертвы, которая забирает на себя все беды и грехи народа. У Исайи речь идет о рабе, на которого в древности ритуально возлагалась эта миссия. Известно, что у других народов, соседей иудеев по региону, «козлами отпущения» нередко были люди (чаще всего рабы), которым ломали руки и ноги – и оставляли умирать у границ территории. Правда уже египтяне использовали в этих целях быка с особой отметиной, которого умерщвляли и обезглавливали. Древние египтяне призывали на его голову все беды народа, после чего эту голову продавали грекам или выбрасывали в воду. У многих соседей иудеев, в том числе финикийцев, в качестве искупительной жертвы использовался ягненок. У жителей Индии, Ирана, Азербайджана в качестве искупительной жертвы умерщвлялся человек, считавшийся *богочеловеком*. Ему пронзали копьем сердце.

Ветхозаветный раб-человек был заменен ягненком – агнцом, идущим на заклание. (Вариант с закланием человека сохранился только в истории Авраама, который, делая жертвоприношение, вместо ягненка принес в жертву Исаака.) Формально агнец божий – жертвенный ягненок – считается ветхозаветным пасхальным жертвоприношением Богу. Агнца, приносимого в качестве искупительной жертвы, не ели, а перебивали ему конечности.

Можно выделить несколько элементов, которые и позволяют увидеть в Иисусе такого агнца. Во-первых, агнец считается атри-

бутом Иоанна Крестителя, предвестника Иисуса, назвавшего его Агнцем Божьим, искупителем человеческих грехов. Во-вторых, сам тип казни в свете подобного заклания приобретает иное значение – Иисусу прежде всего *перебили руки и ноги*. Собственно говоря, распятие при вколачивании гвоздей – по сути, и есть перебивание рук и ног. Исследователи и раньше подмечали, что процесс распятия не соответствовал римской практике – особенно в том, что касается распятия и перебивания конечностей¹⁹. Тем не менее, евангельские тексты настаивают на этих деталях как несущих признаки мессианства.

Корректировки апостола Павла

Изменение статуса христианского учения, которое после непризнания Иисуса Мессией явно не вписывалось в иудаистскую традицию, требовало корректировки его теоретической части. Апостол Павел, как практический проповедник, прекрасно понимал, что версия национального возрождения евреев не только не представляет интереса для остальных народов, но и никак не может являться сущностью божественного послания, переданного через Иисуса. Идея избранности одного народа представлялась слишком мелочной для Бога-Творца и его глобальных задач преобразования мира. Апостол Павел понял одну из главных заповедей: будущее – не за захватом и подчинением, а за равноправным единением людей. Только в этом случае реализуются божественные заветы.

Павел, свободный от догматизма, преобразовал еврейскую концепцию Мессии в универсальную, вводя в качестве главных универсальные для человечества ценности. Павел ввел понятие первородного греха, которое является единым фактором, объединяющим разные региональные этносы. Христос-Мессия искупляет этот всеобщий грех, что тоже универсально для ранних религий. Павел представляет Иисуса не только как человека – помазанника божьего, но как сына божьего, в котором соединяются две природы – божественная и человеческая. Тем самым воскресение уходит из присущей человеку обыденности и становится фактором божественного начала Христа.

Календарное значение воскресения Иисуса Христа

Сюжет телесного воскресения Христа отчасти восходит к истории Осириса, с которым египтяне отождествляли умерших и

чье возрождение уже в те времена представало достаточно запутанным. При этом о муках, смерти и воскресении Осириса повествуется как о широко известном факте – но нет ни одного завершённого текста на эту тему.

Как ни странно, Христа с Осирисом связывает не в последнюю очередь календарный аспект. Осирис, согласно версии Плутарха, являлся божеством пяти дополнительных дней – т. е. тех самых, которые выпадают после зимнего солнцестояния. Считается, что это божество появляется в качестве Владыки Творений в первый из пяти дней, дополняющих 360-дневный цикл. Тем самым, с одной стороны, в египетской астрономии формируется 365-дневный солнечный год, что означает переход к солнечному календарю. А с другой стороны, Осирис выступает в качестве символа возрождения Солнца после зимнего солнцестояния. К этому же дню совсем не случайно приурочено и рождение Христа.

Христиане, отметив Пасху и связанную с ней смерть Христа, начинают готовиться к Рождеству, которое знаменует начало нового цикла. Каковы бы ни были истоки календарно-религиозных расчетов, но в христианстве к солнечному календарю привязано рождение, а к лунному – смерть и реинкарнация. Таким наглядным образом цикличность детально разработанных и хорошо известных христианских праздников идеально передает идею о повторяемости смерти, которая одновременно является и прошлым и будущим. Есть различные уточнения датировок и прочих обстоятельств рождения Христа.

Однако для нас важен тот неоспоримый факт, что в христианской версии модели мира появление Иисуса действительно связано с солнечным календарем, поскольку приурочено к прецессионному переходу солнца из Овна в Рыбы и, что важно, к зимнему солнцестоянию, так, как это было с Осирисом в Египте. Рождение Христа не случайно привязано именно к этой календарной схеме.

Смерть и реинкарнация представлены в архаическом варианте, поскольку приходятся на Пасху, которая отмечалась в 15-й день Луны – в полнолуние (а не новолуние, как получилось в результате календарных изменений). Причем речь шла о полнолунии (три центральных дня) первого месяца нисана, который стал считаться первым, максимально приблизившись к весеннему равноденствию еще в Вавилоне. Первым месяцем нисан продолжал оставаться только до III в. до н. э. и уже во времена Христа считался намеренной архаикой.

Первый месяц Ниппурского календаря примерно соответствует марту-апрелю (21.03 – 20.04), и его начало совпадает с весенним равноденствием. В это время у многих народов мира начинается праздник проводов старого года. Тогда уничтожались старые постройки и старый царь, а также избирался новый царь и возводились новые святилища. Хорошо известны новогодние ритуалы вавилонян и хеттов, сопровождавшиеся рецитацией мифов о победе молодого бога (бога грозы, Мардука) над престарелыми божествами Хаоса (змеем Иллуянкой, чудовищем Тиамат). Вавилоняне и евреи праздновали нисан (от шумерского *nesang* – «жертва»), на 14-й день которого приносились богу первые плоды и перворожденные ягнята (белой шерсти), что, по всей видимости, заменяло человеческие жертвы в более ранних традициях. Ритуальным символом хеттского весеннего праздника антахшум (в апреле) также был ягненок. Овечья шкура (руно) использовалась как средство защиты магической силы городов, а божеству Зерна жертвовали особого ягненка из города Касайи.

Кроме того, важной составной частью формирования христианского календарно-религиозного цикла (в первые века христианства) является опосредованный культ Митры (Мифры), связанный с культом Великой Матери. Культ Митры был привязан к зимнему солнцестоянию, символизируя возрождение жизни вместе с возрождением Солнца 25 декабря (7 января по юлианскому календарю). Митра, имеющий зороастрийское (возможно, и индоарийское) происхождение, стал наиболее распространенным в Древнем Риме восточным божеством, претендуя накануне христианства чуть ли не на роль главного бога. Дж. Фрэзер полагал, что именно культ Митры в первые века христианства уже на территории Рима внес в догматическую и обрядовую часть календарную идею рождения Христа²¹.

Таким образом, календарность христианского цикла отражает принадлежность его к двум моделям мира – архаической, построенной на лунном календаре, подразумевающей цикличность реинкарнационных возвращений, и модели современной для начала нашей эры, отразившей переход к солнечному календарю и линейному восприятию времени.

Как известно, раннее христианство, следуя основополагающему тезису иудаизма, развило идею о том, что Мессия является провозвестником новой эпохи. И видимо, не случайно, что эта эпоха является астрономически детерминированной – она ознаменована

переходом к солнечному календарю в момент прецессионного перехода из Овна в Рыбы. Именно поэтому можно предположить, что эсхатологические пророчества, сделанные в IV в. до н.э. и отразившиеся в Апокалипсисе Исайи, были приурочены к периоду прецессионного прохода последней яркой звезды – Овна, расположенной чуть выше эклиптики, что немаловажно для наблюдений за восходом. До перехода в Рыбы и начала христианской эры, т.е. вероятного первого Богоявления, оставалось около 350 лет. Как известно, ничего особенно катастрофического на рубеже нашей эры не произошло, и потому Судный день был перенесен ко второму Пришествию, а оба Богоявления слились в одно.

В 325 г. на Никейском церковном соборе произошло первое формальное утверждение христианских догм. Тут-то и установили догмат о втором пришествии Христа, когда живые и мертвые предстанут перед Страшным судом. Ангелы своими трубами должны разбудить мертвых (изображаются души, выбирающиеся из открытых гробов). Праведники отправляются вверх справа от Христа, а грешники вниз.

Видимо, не случайно прогнозы относительно «конца света» в рамках христианской парадигмы носят по преимуществу миллениаристский или прецессионный характер. В 1373 г. византийский ученый Исаак Аргир, вслед за Никифором Григором понявший необходимость исправления юлианского календаря (и правил расчета пасхалий) из-за несоответствия весеннего равноденствия 21 марта, считал тем не менее это мероприятие бесполезным. Он был уверен, что в 1492 г. должно наступить «светопреставление», поскольку исполнится 7000 лет со дня «сотворения мира». Естественно, что уточнение календаря в этих условиях уже не имеет для человечества принципиального значения. В качестве исторического парадокса следует привести тот факт, что именно в этом «последнем» для мира году – 1492 – была открыта Америка, что на самом деле существенно расширило жизненное пространство европейцев.

Итак, следует признать, что древние иудеи, утверждавшие «богоизбранность» своей этнорелигиозной общности, «не сумели» правильно понять и оценить собственные Писания. Тем не менее, именно это духовное начало превратилось в мощный стимул некоего сверхгосударственного объединения людей. С точки зрения семиотики, новое человечество возникает с осознания ошибки буквального подхода к интерпретации текста. И весь пафос первых христи-

анских мучеников и проповедников именно в том, что они пытаются убедить остальных, что главное – это не обрядовые действия, связанные с попытками физически прорваться к богу, а духовность и стремление к свету путем преодоления самого себя и единения с другими. Этой базовой позицией определяются и главные общехристианские ценности, которые задали идеологическую канву для последующего развития мира.

В настоящее время мы наблюдаем полный отход так называемым «коллективным Западом» от универсальных христианских ценностей, с подменой их некой тоталитарной идеологией с полным приоритетом именно обрядовых условностей, лишенных духовного содержания. И на протяжении последнего времени эта идеология нацелена на травлю и разрушение неугодных государств, оправдывает военное вмешательство, развал опасных для носителей идеологии государственных систем, считает допустимой самую бесчеловечную жестокость по отношению к странам и людям, отказывающимся подчиняться этой идеологии.

Примечания

¹ Прекрасный анализ текстов и истории Христа принадлежит Александру Меню: *Мень А.* Сын человеческий. М.: Вита, 1991.

² См.: *Тантлевский И.Р.* Введение в Пятикнижие. М.: РГГУ, 2000. Разд. 4.

³ Там же. С. 255–263.

⁴ В разделе использованы тексты лекций Меира Левинова, размещенные на сайте еврейского культурно-религиозного центра «Маханаим» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.machanaim.org>

⁵ См.: *Циркин Ю.* Мифы Финикии и Угарита. М.: РИК Русанова [и др.], 2003. С. 247–249.

⁶ Впрочем, некоторые авторы (например, И.Р. Тантлевский) стремятся доказать, что и эти представления греки, а именно учитель Пифагора – Ферекид, заимствовали через финикийцев у иудеев. См.: *Тантлевский И.Р.* Введение в Пятикнижие...

⁷ Цит. по: *Светлов Э.* На пороге Нового Завета. Брюссель: Жизнь с Богом, 1983. С. 286.

⁸ *Гайдук В.Л.* Феномен «Бессмертных» в различных культурах. [Рукопись].

⁹ 1. Вера в существование Творца Благословенного, которое первично и является источником существования всего. 2. Вера в абсолютное единство Бога, которое не имеет подобия. 3. Вера в нематериальность Бога и в то, что Он не подвержен физическим изменениям. 4. Вера в вечность Бога. 5. Уверенность, что только Ему нужно служить, а не ложным божествам. 6. Вера в то, что Бог открывается людям через пророков. 7. Вера в превосходство пророчества Моше Рабейну (Моисея). 8. Вера в божественное происхождение Торы (Пятикнижие)

Моисея). 9. Вера в неизменность Торы. 10. Вера во всезнание Бога и в божественное провидение. 11. Вера в божественное вознаграждение и наказание за поступки. 12. Вера в приход Машиаха (Мессии) и в наступление эры Машиаха. 13. Вера в воскрешение мертвых.

¹⁰ Как известно, евангельским текстом считаются четыре официальные версии: от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Повествования отличаются в деталях и объеме изложения. Так, например, евангелие от Матфея содержит 28 глав; от Марка – 16; от Луки – 24, и от Иоанна – 21 главу. Сюжетов, которые встречаются только в одном из евангелий, не так уж и много. Основная тема – вечера, распятия и воскресения – занимает во всех версиях всего по 2-3 заключительные главы.

¹¹ М. Булгаков использует в романе имя, которым звали Иисуса иудеи, не признавшие его машиахом: Иешуа Га-Ноцри. См.: *Булгаков М.А. Мастер и Маргарита*. М.: Эксмо, 2022.

¹² Видимо, свое видение этого сюжета отражает Петров-Водкин в картине «Купание красного коня». Сюжет становится предвестием новой эпохи (1908 г.). Ангел появляется обнаженным, поскольку любая одежда «делает» человека, привязывая его к тварному миру – социальному, историческому, статусному и т. д. Ангелы, как в свое время Адам и Ева, должны быть наги.

¹³ Неслучайно средневековые теоретики иудаизма разделились в этом вопросе. Маймонид выступал за то, что мессия будет признан всеми народами после побед и завоевания страны Израиля. Абарбанель же настаивал на том, что мессия будет признан всеми еще до того, как сделает шаг к завоеванию Земли.

¹⁴ М. Булгаков неслучайно вводит эпизод с ослом в сцену допроса Иисуса Понтием Пилатом, где Иисус отрицает весь этот пассаж как нелепый. См.: *Булгаков М.А. Мастер и Маргарита*. М.: Эксмо, 2022.

¹⁵ Кстати, неслучайно именно образ Иуды вызывает наибольшее количество толкований в апокрифической литературе, в средневековых мистериях и современных произведениях (например, «Оправдание Иуды Искариота» С. Михайлова). И появление «Евангелия от Иуды» – будь это непризнаваемый подлинник или фальсификация – свидетельствует лишь о том, что логика поведения Иуды не укладывается в канонические рамки банальной «продажности» этого любимого ученика Христа. См.: *Михайлов С.М. Оправдание Иуды, или Двенадцатое колесо мировой колесницы: Апокрифическое исследование*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.skrjaji.ru/>

¹⁶ Подробно см.: *Тантлевский И.Р. Введение в Пятикнижие...* С. 366–369.

¹⁷ Нечто подобное произошло в древней Мексике, у индейцев майя. В качестве жертвы богам был сброшен в колодец некий Хунак Кеель, который каким-то образом в течение трех дней выбрался и стал претендовать на власть. Жрецы, которые прекрасно понимали сомнительность возврата от «бога», тем не менее формально не могли опровергнуть его притязаний и уступили власть.

¹⁸ *Фрэнсер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии*. М.: Политиздат, 1980. С. 634.

¹⁹ Об этом, в частности, писал В. Налимов, анализируя высказывания

Р. Бульмана. См.: *Налимов В.В.* Разбрасываю мысли. М.: Прогресс-традиция, 2000. С. 226–227.

²⁰ В конечном счете, благодаря именно христианским странам стало возможным появление государства Израиль.

²¹ *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь...

Е.В. Булычева

Междисциплинарный подход
к изучению экономики
Афинского полиса в IV в. до н. э.:
проблемы и перспективы

Аннотация. Автор характеризует возможности и ограничения применения междисциплинарного подхода при исследовании экономики Афин в IV в. до н. э., выделяя конкретные исследовательские проблемы. В их числе - проблема корректного применения знаний из разных областей социально-гуманитарных наук для изучения экономического развития афинского полиса; использование археологического и эпиграфического материала при исследовании данного вопроса; кроме того, поднимается проблема важности применения навыков социологического исследования в целях комплексного анализа экономического развития Афин IV в. до н. э.

Ключевые слова: Афины, экономика, полис, проблемы, подход, исследование, наука, общество, развитие, кризис.

В современной историографии существует большое количество работ, посвященных истории афинского полиса. Особое внимание исследователей привлекает период с начала до середины IV в. до н. э., который считается временем кризиса афинского полиса. При этом среди учёных постоянно возникают споры о том, что считать предпосылками и сущностью кризисных явлений, насколько кризис затронул ту или иную сторону жизни полиса или был всеобъемлющим и охватил все сферы жизни Афин¹. Одни авторы напрямую связывают кризис полиса с экономической ситуацией, возникшей в Афинах после завершения Пелопоннесской войны². Другие, напротив, отмечают, что в системе экономических отношений в афинском полисе IV в. до н. э. проявляется позитивное развитие, стабилизация и увеличение производительности труда,

стремление работников к улучшению результатов³. При этом, ещё в XIX в. в науке утвердилось мнение о том, что для лучшего понимания развития экономики афинского полиса в IV в. до н. э. необходимо всестороннее изучение этого вопроса с привлечением знаний из разных научных отраслей, т. е. междисциплинарный подход. В связи с этим цель настоящей статьи – охарактеризовать возможности и ограничения междисциплинарного подхода при изучении экономики афинского полиса IV в. до н. э. При этом автор не ставит перед собой задачу комплексно исследовать проблему, поскольку это может стать предметом отдельного исследования, а пытается представить основные проблемы и перспективы применения междисциплинарного подхода при изучении экономики Афин в IV в. до н. э.

Изучая экономическое развитие Афин IV в. до н. э., исследователь прежде всего сталкивается с проблемой корректного использования данных социально-гуманитарных дисциплин (социологии, экономики, политологии) при изучении экономического развития афинского полиса. Впервые о необходимости использования знаний наук социально-экономического цикла при изучении экономического развития Афин в IV в. до н. э. заявил немецкий исследователь А. Бёк в начале XIX в.⁴ А. Бёк собрал подробный эпиграфический материал о состоянии землевладения в Аттике IV в. до н. э. и пришёл к ряду интересных выводов, которые он основывал на современных экономических знаниях XIX в. На основе этого материала он выдвинул интересную, так называемую модернизаторскую концепцию о развитии аграрных отношений в Афинах. Взгляды А. Бёка стали развивать его последователи: Ю. Белох, Э. Мейер, Р. Пёльман⁵. В своих трудах они обратились к аналогии с современным им капиталистическим хозяйством, применяя для анализа афинской экономики IV в. до н. э. терминологию и приёмы экономики, социологии и философии своего времени. Безусловно, они старались опираться на археологический, эпиграфический материал, сведения античных авторов, но при этом постоянно подчёркивали, что в античной экономике (как и в современной им) господствовало товарное производство, велась борьба за рынки сбыта, имело место конкуренция крупного и мелкого производства. В отечественной историографии эта концепция также нашла поддержку в начале XX в., когда стали появляться работы А.И. Доватура, Я.А. Ленцмана, в которых авторы также старались представить экономику афинского полиса как товарное капиталистическое производство⁶. При этом они обращали особое внимание на эксплуатацию рабского труда, сравнивая её с наёмным капиталистическим производством, используя концепцию К. Маркса. Безусловно, заслуга всех этих учёных заключается в том, что они опирались на

достаточно обширный источниковедческий материал, но, к сожалению, старались комментировать его с помощью экономических, социологических и политических терминов, вошедших в науку в XIX и XX вв. В 50-е гг. XX в. появляются работы М. Финли⁷, в которых автор обращает внимание на некорректное использование терминов из разных областей социально-гуманитарных наук при изучении экономики афинского полиса. На такое своеобразное применение терминологии своими коллегами указывает отечественный исследователь В.Н. Андреев, занимавшийся проблемами аграрного развития афинского полиса⁸. В.Н. Андреев подвергает критике модернизаторские приёмы сравнения Афин с капиталистическим товарным производством, применение таких терминов, как, например, конкуренция крупного и среднего производства, беднейший имущественный класс⁹. В начале XXI в. в работах современных учёных также сохраняется употребление подобных понятий, хотя и в меньшей степени, по сравнению с их предшественниками. Так, в статьях Р. Осборна, посвящённых земельным сделкам в Аттике IV в. до н. э., можно встретить такие термины, как сельский класс в отношении земледельцев или литургический класс применительно к крупным землевладельцам¹⁰. Американские авторы, говоря об афинском обществе, его политике и экономике по-прежнему используют термины, явно заимствованные из современной социологии и политологии, такие как «железный закон олигархии» или «великий принцип равенства», «афинская революция» и «политический ландшафт Греции»¹¹. Несмотря на некоторые проблемы, связанные с использованием актуального социально-гуманитарного тезауруса при изучении экономики афинского полиса в IV в. до н. э., корректный подход к применению этих знаний имеет большие перспективы. Прежде всего, следует учитывать тот факт, что в современной экономике и социологии имеются разнообразные методы и подходы, которые возможно использовать при изучении различных экономических сделок, в частности, земельных, на территории афинского полиса и его области Аттики. Так, например, при изучении складных операций и сделок по купле-продаже земли в Афинах в V–IV вв. до н. э. можно выявить закономерности, которые характерны и для современных экономических сделок¹². Кроме того, в ряде случаев с участников сделок взимался однопроцентный налог и присутствовали специальные уполномоченные лица, проводилось межевание, как и в случае ведения земельных операций в наши дни¹³.

Изучение экономического развития афинского полиса невозможно представить без привлечения археологического и эпиграфического материала, поскольку именно эти данные являются основным источником по этому вопросу. Раскопки археологов

дают возможность представить состав земель, следы межевания земельных участков, характер ремесленной продукции¹⁴. Благодаря археологическим раскопкам, в распоряжение исследователей поступает эпиграфический материал. Как правило, это надписи на каменных стелах, представляющие собой договоры об аренде и продаже земельных участков, рудников, а также различные экономические контракты. В.Н. Андреев в 70 гг. XX в. отмечал, что, к сожалению, многие вопросы, связанные с экономикой афинского полиса в IV в. до н. э., долгое время были мало изучены, поскольку исследователи в качестве источников применяли исключительно сообщения античных авторов, в произведениях которых содержится немного информации по данному вопросу, т.к. они в основном освещали события военно-политического характера¹⁵. С введением в научный оборот большого количества эпиграфического материала, найденного в ходе археологических раскопок, появляется возможность более подробно изучить ряд важных проблем, связанных с развитием аграрных отношений в полисе, изменениями, происходящими в области ремесла и торговли¹⁶.

Так, М. Финли ряд своих исследований основывал на изучении содержания так называемых закладных камней – *hōgoi*, благодаря чему он пришёл к важным выводам о том, что займы под залог земли имели часто непродуктивный характер и к ним прибегали преимущественно состоятельные люди, а не беднейшие слои населения, как до этого отмечалось в современной ему историографии, опиравшейся преимущественно на сообщения античных авторов¹⁷. В.Н. Андреев впервые в отечественной историографии ввёл в научный оборот большое количество надписей об аренде и продаже земли в полисе, которой распоряжались демы, филы и другие организации, а также привлекал к исследованию многочисленные надписи об аренде частных земель, домов и другого имущества. На основании подробного анализа текста договоров, посвящённых экономическим сделкам, В.Н. Андреев заключает, что никакие источники не подтверждают для этого времени массового обнищания крестьянства и интенсивной концентрации земли в руках крупных землевладельцев¹⁸. При этом исследователь прекрасно сделал вывод о том, что афинское сельское хозяйство оставалось натуральным и, поэтому, его развитие не могло определяться товарным производством и конкурентной борьбой¹⁹. В наши дни при изучении экономики Афин IV в. до н. э. продолжается постоянная работа над эпиграфическим материалом, что даёт весьма успешные результаты. В США издаётся специальный научный журнал школы американских классических исследований в области археологии – *Hesperia*, в котором постоянно публикуются найденные в Афинах и других областях Греции надписи. Этот сборник весьма помогает при изу-

чении экономического развития полиса²⁰. Из зарубежных исследований, посвящённых экономическим проблемам Афин, основанным на эпиграфическом материале, следует выделить труды М. Уолбэнка и Р. Осборна²¹. Тщательное изучение эпиграфики позволяет более плодотворно проанализировать проблемы финансового развития Афин в IV в. до н. э. Исследование эпиграфики даёт возможность подробно изучить проблемы, связанные с различными видами финансовых обязательств, литургий в Афинах IV в. до н. э.²² Тщательное изучение эпиграфического материала, в частности, различных надписей, содержащих отчёты о финансовых операциях в Афинах, позволило В. Габриэльсону прийти к важным выводам о том, что в IV в. до н. э. около 1600 афинян ежегодно были связаны с выполнением определённых литургических повинностей перед государством²³. Опираясь на эпиграфический материал, исследователи более подробно рассматривают вопросы, связанные с системой афинского налогообложения в этот период²⁴. Сведения эпиграфики дают возможность тщательно изучить вопрос, связанный с уплатой в афинском полисе чрезвычайного налога эйсфоры²⁵. При этом долгое время исследователи привлекали к изучению этой проблемы надписи, посвящённые непосредственно уплате эйсфоры частными лицами, приходя к выводу о внесении чрезвычайного налога исключительно физическими лицами²⁶. Использование при изучении дополнительного эпиграфического материала, в частности, договоров о сдаче в аренду священных земель (теменосов) позволяет говорить о том, что эйсфора уплачивалась в полисную казну Афин не только частными лицами, но и целыми коллективами, сообществами²⁷.

Большое значение для изучения экономического развития Афин в IV в. до н. э. имеет привлечение просопографического материала. В этом плане большой вклад сделан Дж. Дэвисом. Опираясь на большой просопографический материал, исследователь характеризует знаменитые афинские семьи, обращая внимание на их участие в политической и экономической жизни полиса²⁸. Он отмечает, что состоятельные граждане активно участвовали в различных экономических сделках не только ради обогащения, но и исполняли свой гражданский долг, поддерживая экономическую жизнеспособность коллектива. В его работах содержатся важные данные об экономических сделках, которые проводили представители различных знаменитых афинских семей. Большое внимание автор уделяет вопросам, связанным с участием граждан демов в земельных операциях, в частности, об аренде ими рудников, хозяйственных помещений и театров²⁹. Дж. Дэвис на основе анализа просопографического материала обращает внимание на то, что наличие богатства определяет положение гражданина в Афинах, его право на участие в

распоряжении государственной, частной и общественной собственностью.

Подробное изучение социально-экономического развития древней Греции на основе просопографического материала проводится М. Уолбэнком. На протяжении ряда лет он исследует эпиграфические сведения, содержащие просопографический материал, и подробно анализирует социальное и политическое положение граждан на основе их имён. М. Уолбэнк подробно изучил социальный состав арендаторов и арендодателей различных видов земель в Афинах IV в. до н. э.³⁰ Исследователь подробно анализирует аттическую просопографию, на основе чего приходит к выводу о том, что большинство арендаторов и поручителей в сделках по аренде храмовой земли – люди весьма известные и состоятельные. В связи с этим возникает вопрос о мотивах их участия в арендных операциях. М. Уолбэнк полагает, что следует говорить о социальных причинах участия состоятельных и известных граждан в аренде священных земель, поскольку путём вклада в аренду они оказывали поддержку земельному фонду храмов³¹.

Изучение античности, в частности, экономики афинского полиса, невозможно представить без лингвистического анализа, что, безусловно, связано с различными проблемами, но весьма перспективно для изучения ряда вопросов. Так, при исследовании аграрных отношений в полисе весьма важно понимать, что в древнегреческом языке не существовало одного единственного термина для обозначения земельных участков, поскольку, как показывает изучение эпиграфики, существовало большое количество земельных участков, которые весьма отличались между собой по статусу их владельца, уровню плодородия почв и т. д.³² При этом одно и то же слово могло использоваться в разных значениях, что весьма важно учитывать при анализе эпиграфического материала или сообщений античных авторов. Так, например, слово *eshatia* могло обозначать удалённые земли, расположенные на окраине или окраинные, малоплодородные земельные участки³³. В ряде источников наряду с земельными участками часто в аренду или продажу поступает «ойкопедон». Это слово также могло иметь совершенно различные значения. В.П. Яйленко, подробно изучавший надписи, посвящённые выведению греческих колоний, отмечает, что этим термином могли обозначаться комплексы жилых и хозяйственных построек³⁴. В тоже время ойкопедон мог употребляться как техническое понятие, представляя собой площадь, отведённую под начинающееся строительство³⁵. Подробный лингвистический анализ также требуется при изучении финансовых операций в полисе. Современный исследователь, анализируя разные виды финансовых обязательств в полисе, обнаруживает, что существует большое

количество терминов, значение которых весьма сложно объяснить. Например, в научной литературе на протяжении ряда лет существует дискуссия по поводу объяснения смысла слова проэйсфора, которое изначально представляло финансовую обязанность, возлагаемую на наиболее состоятельных граждан полиса, занимающихся взиманием чрезвычайного налога эйсфоры. В историографии также существует немало споров по поводу понимания значения ряда древнегреческих слов, употребляемых античными авторами в отношении различных видов финансовых повинностей граждан полиса.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Изучение экономического развития Афин в IV в. до н. э. невозможно представить без применения междисциплинарного подхода. Благодаря привлечению знаний из разных областей науки, историк может более подробно и углублённо изучить интересующую его проблему, связанную с особенностью афинской экономики IV в. до н. э., и прийти к определённым выводам в отношении проблемы кризиса афинского полиса.

Примечания

¹ *Глускина Л.М.* Проблемы кризиса полиса // Античная Греция. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 10; *Андреев В.Н.* Аттическое общественное землевладение V–III вв. до н. э. // Вестник древней истории. 1967. № 2. С. 58; *Finley M.I.* Studies in land and credit in ancient Athens 500-200 B. C. New Brunswick, 1952. P. 100–109.

² *Кошеленко Г.А.* Полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 235.

³ *Андреев В.Н.* Аграрные отношения в Аттике V–IV вв. до н. э. // Античная Греция. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 247.

⁴ *Бёк А.* Государственное хозяйство Афин. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1917.

⁵ *Meyer E.* Geschichte des Altertums. Stuttgart, 1893; *Pöhlmann R.* Grundriss der griechischen Geschichte nebst Quellenkunde. München, 1909; *Beloch K.J.* Griechische Geschichte. Strassburg, 1912.

⁶ *Доватур А.И.* Рабство в Аттике VI–V вв. до н. э. Л.: Наука, 1980; *Леницман Я.А.* О хлебной торговле с о. Делос // Вестник древней истории. 1946. № 2. С. 89–96.

⁷ *Finley M.I.* Studies in land and credit in ancient Athens 500-200 B. C. New Brunswick, 1952; *Idem.* Land, debt and the man of property in classical Athens. Political Science. Quarterly, 1953. LXVIII. № 2. P. 243–268.

⁸ *Андреев В.Н.* Аграрные отношения в Аттике в V–IV вв. до н. э. // Античная Греция. Т. 1. М.: Наука, 1983. С. 247–316.

⁹ Там же. С. 186, 301.

¹⁰ *Osborne R.* Social and economic implications of the leasing of land and property in classical and hellenistic Greece // Chiron. 1988. Bd. 18. P. 298.

¹¹ *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989. P. 9, 12; *Дэвис Дж.* Демократия и классическая Греция. М.: РОССПЭН, 2004. С. 61, 74.

- ¹² Бульчева Е.В. Древняя Аттика в конце V–IV вв. до н. э. Распоряжение общественной землёй в полисе. М.: РГГУ, 2018. С. 15–16.
- ¹³ Там же. С. 158–159.
- ¹⁴ Там же. С. 20–21.
- ¹⁵ Андреев В.Н. Указ. соч. С. 143.
- ¹⁶ Finley M. Op. cit. P. 148–169.
- ¹⁷ Ibid. P. 268–269.
- ¹⁸ Андреев В.Н. Аттическое общественное землевладение II // Вестник древней истории. 1972. № 4. С. 15–17.
- ¹⁹ Там же. С. 16.
- ²⁰ Бульчева Е.В. Указ. соч. С. 11.
- ²¹ Osborne R. Op. cit. P. 288–304; Walbank M.B. Leases of sacred properties in Attica // Hesperia. 1983. 52. P. 161–201.
- ²² Бондарь Л.Д. Афинские литургии в V – IV вв. до н. э. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2009.
- ²³ Gabrielsen V. The Athenian Trierarchy. Odense, 1991. P. 70–71.
- ²⁴ Gabrielsen V. Financing the Athenian Fleet. Public Taxation and Social Relations. Baltimore, 1994.
- ²⁵ Thomsen R. Eisphora. A Study of Direct Taxation in Ancient Athens. Copenhagen, 1964.
- ²⁶ Глускина Л.М. Эйсфора в Афинах IV в. до н. э. // Вестник древней истории. 1961. № 2. С. 26–34.
- ²⁷ Бульчева Е.В. Эйсфора в договорах об аренде священных земель в Аттике (IV в. до н. э.) // Экономика, право, власть в древнем мире: памяти В.И. Кузицина. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2021. С. 38–46.
- ²⁸ Davies J.K. Athenian Propertied Families. 600-300. B. C. Oxford, 1971.
- ²⁹ Idem. Wealth and the power of wealth in classical Athens. New York, 1981.
- ³⁰ Walbank M.B. Leases of sacred properties in Attica // Hesperia. 1983. 52. P. 161–202.
- ³¹ Idem. Op.cit. P. 195.
- ³² Бульчева Е.В. Организация продажи общественной земли в Аттике в IV в. до н. э. Объекты и условия продажи // Труды Историко-архивного института. М.: РГГУ, 2012. Т. 39. С. 292–306.
- ³³ Бульчева Е.В. Древняя Аттика в конце V–IV вв. до н. э. Распоряжение общественной землёй в полисе. М.: РГГУ, 2018. С. 142.
- ³⁴ Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М.: Наука, 1982. С. 100–102.
- ³⁵ Бульчева Е.В. Древняя Аттика в конце V – IV вв. до н. э... С. 144.
- ³⁶ Jones A.H. Athenian Democracy. Oxford, 1964. P. 27.

A. Maldonado Repetto

El debate de 1550 entre Juan Ginés de
Sepúlveda y Bartolomé de las Casas:
nociones de interculturalidad como base
de cierta interdisciplinariedad

Resúmen. El presente documento parte de dos líneas de contenido que pueden seguirse de manera paralela, entendiendo estas como los aspectos históricos de un período de contacto y choque cultural, que dieron lugar a formas de reorganizar el mundo. En este sentido a la par que tratamos determinados puntos del debate entre Juan Ginés de Sepúlveda y Las Casas, presentamos como, bajo la superficie, esa discusión intercultural, fue resultado de una hibridación para intentar redefinir la sociedad. No es de extrañarse entonces que lo interdisciplinario aparezca entonces de inmediato, cuando entre los propios académicos y autoridades del período de Carlos V tuvieron que entrecruzar la jurisprudencia, la filosofía escolástica y la cultura grecolatina con un Nuevo Mundo que escapaba, por sus propios orígenes, de esto. Las políticas de la corona española en el Nuevo Mundo entonces establecerían una serie de estrategias que se irían adaptando a los cambios y necesidades históricas del momento, pasando de un poder brutal inicial a otro necesariamente más institucional y estable. En este sentido, el debate entre Sepúlveda y Las Casas, se inserta en dicha dinámica, devolviendo a Sepúlveda el lugar que le corresponde como humanista.

Palabra clave: Conquista española, humanismo renacentista, Junta de Burgos, Juan Ginés de Sepúlveda, Bartolomé de Las Casas, Junta de Valladolid.

Introducción

Para contextualizar lo anterior debidamente, es importante recordar que la conquista de América en sus diferentes regiones,

especialmente durante las primeras fases, fue un hecho brutal que se consumó únicamente cuando, por la fuerza de las armas, colapsaron las formas de organización tanto de lo que fue el llamado imperio azteca en lo que sería la Nueva España, como en el Perú de los incas. Este poder que podemos denominar “duro”, por sus características y formas de ejercerse presenta divisiones claras, una estructura y jerarquía definida, así como una movilidad social y libertad que se entiende en términos de clases sociales y/o castas (a modo de bloques), por lo que suele tratarse de un poder basado en la disciplina y formas de obediencia, compromiso y responsabilidades.

Este poder “duro” fue capaz de resquebrajar la organización social de las formas de poder de las ciudades-estado indígenas, a veces también llamados imperios por sus características, tanto por el uso e implementación de tecnología desconocida en el Nuevo Mundo, como por el hecho de que establecieron de inmediato alianzas con una creciente mayoría de grupos indígenas inconformes y reprimidos. Es importante entender este dato básico, en tanto las nuevas formas de poder que se generarían en los siglos venideros se basarían en esta especie de “contrato social” que daría lugar a un mestizaje, que actualmente predomina en distintas formas desde América del Norte hasta el Sur del continente americano.

La violenta conquista española en este sentido logró su objetivo de apoderarse de recursos naturales y territorios pero no lograría de manera alguna garantizar la colonización efectiva de las ciudades capitales nacientes y/o refundadas. Ya en sus albores desde el principio del éxito de los exploradores, capitanes españoles y conquistadores segundones se vio que la corona española no estaba dispuesta a ceder, o a garantizar, a longevidad sus títulos, ni privilegios, sino a costa de nuevos compromisos por asumirse. El caso, quizás más representativo al respecto es el del propio Cristóbal Colón quien habiendo sido partícipe de las Capitulaciones de Santa Fe, firmado en abril de 1492, se le declara almirante, virrey y gobernador general de los territorios que descubriera así como supuestamente le daría derecho a la décima parte de los beneficios de manera vitalicia. Todo ello le sería revocado gradualmente hasta quedar como otro ejemplo más de esto.

Poder, conquista y colonización del Nuevo Mundo

Una manera pragmática de entender la conquista y colonización del Nuevo Mundo es tomar nota de la aplicación de las estrategias de un poder “duro” propio de la conquista hacia la transición de una necesidad administrativa basada más en un poder “suave”. Esto significó generar nuevas formas de organización, o de relaciones sociales. Algo que caracteriza al poder suave es que las fronteras no siempre son claras, hay

posibilidad de movilidad social, hay sentido de libertad o de cambio (no vamos a discutir qué libertad es esta, ni qué cambios), y en su aplicación se hace más bien uso de la persuasión y el deseo, o incluso de ciertas formas de seducción y atractivo (si uno piensa en la implementación de la tecnología al respecto y/o en el mundo contemporáneo)

En la conquista y colonización de América estas formas de poder, en los territorios bajo la corona española se manifestaron bajo la figura de los conquistadores y de la iglesia católica, dos entidades claramente distintivas cuya interrelación fue necesaria para darle forma y gobierno a las diferentes regiones. El debate entre Ginés de Sepúlveda y Bartolomé de Las Casas ilustra esto claramente partiendo de varios puntos que fueron discutidos y empleados por el mismo Carlos V y Felipe II para justificar sus políticas en diferentes períodos. En este sentido no hablamos de categorías puras (suave/duro, conquistadores/iglesia) sino que con frecuencia se cruzaron las líneas de influencia mutuamente, especialmente a nivel del papado. El ejemplo más característico:

“En España las discusiones de la Junta de Burgos, constituida en 1512, se encauzaron a justificar la conquista en la donación papal. Los juristas y teólogos que elaboraron los principales informes (Palacios Rubios y Matías de la Paz) argumentaron sobre los títulos del Papa para llevar a cabo tal donación, quitando tierras a los infieles y entregándolas a los reyes cristianos. Los dominicos sin embargo, no estuvieron conformes con esa tesis que, sin embargo, como luego se verá, fue la que asumió el rey Fernando y dominó como justificación de la conquista durante muchos años”¹.

Vemos en este sentido de qué manera la corona española utilizó tanto a la iglesia como a los conquistadores de manera estratégica para consolidarse, lo que en último instancia se reflejó en la gobernanza incuestionable de Carlos V, “en cuyo imperio nunca se ponía el sol”.

La necesidad de producir y administrar los nuevos territorios debidamente, obligó a la corona española a gestionar tanto el poder suave como duro, limitando sus áreas de competencia y durante la vida del virreinato el conflicto jurídico refleja buena parte de esta dinámica². Cuando la figura del conquistador ya no fue necesaria la propia corona les comenzó a retirar títulos y rentas, en contraposición a determinadas órdenes monásticas, franciscanos y dominicos, que gradualmente tuvieron una mayor influencia. Esto no fue en absoluto casual, en tanto no se puede colonizar una región a largo plazo mediante el solo uso exclusivo de la violencia que solo daría lugar a una mayor inestabilidad regional. Al respecto precisamente la inserción de la encomienda fue un mecanismo casi orgánico que fungió como transición del poder de los conquistadores hacia una creciente influencia de la iglesia católica. Algo de esto ya habían argumentado juristas como Palacios Rubios, quien desde 1512 señalaría que los indígenas no estaban sometidos a la esclavitud,

pues en su estado natural eran libres, incluso siendo infieles y era para el caso de su evangelización que se encomendaban a un príncipe cristiano y si se oponían a ello entonces se determinaba hacerles la guerra. Todo lo cual debía informarse a los nativos bajo orden de un requerimiento. En este sentido la donación pontificia del Papa (a los reyes católicos) estuvo condicionada desde su nacimiento a la predicación de la fe y la mejora de la civilidad de los indígenas americanos.

Esta base legislativa inicial derivada de la donación pontificia papal daría como resultado que las principales líneas argumentativas fueran de tendencia escolástica, en tanto Tomás de Aquino habría sido el núcleo de la filosofía en todas sus vertientes para la época. Consecuentemente no es de extrañar que muchas de las preguntas que se hicieron con el descubrimiento del Nuevo Mundo fueran de tendencia naturalista y aristotélica haciendo un énfasis en si se trataba de otros seres humanos, si tenían alma, si se trataba de verdaderas urbes, etc.,

Un argumento perfecto, como reflejo de lo anterior, lo presentó el cardenal Cayetano en la *Summula Caietani*, (c. 1530) en donde aborda parcialmente algunos problemas del Nuevo Mundo. Para él habrían habido – siguiendo la tendencia de la lógica escolástica – tres tipos de infieles, según fueran infieles *de iure* o *de facto*, siendo la población indígena correspondiente según Cayetano a estos últimos, por lo que la toma de posesión territorial debería haber sido función más bien “no de soldados armados sino de predicadores santos” en palabras del propio cardenal.

El problema de los infieles

El desarrollo y uso del concepto de infieles en la discusión sobre la población indígena del Nuevo Mundo es particularmente interesante cuando es abordada desde el punto de vista teológico y jurídico, en tanto ello era lo que garantizaba la serie de derechos y reconocimiento social. Irónicamente desde el principio Palacios Rubios por ejemplo declaró que los indígenas eran libres pero al ser infieles (por desconocimiento del dogma cristiano) debían ser sujetos al proceso de evangelización. La serie de categorías del cardenal Cayetano parece haber sido más completa, en tanto suponía todas las combinaciones posibles siendo estas *de iure* o *de facto*, lo que justificó intelectualmente la primera etapa de conquista y la segunda de evangelización dando lugar al período colonial. En el caso de Juan Ginés de Sepúlveda podemos apreciar de manera mucho más clara que el concepto de infiel no se aplicaba en modo alguno de manera casual, pues se trata de un sistema de coordenadas culturales de carácter medieval aplicado al Nuevo Mundo. Para entender esto debemos recordar que Ginés de Sepúlveda se formó académica e intelectualmente pasando por Alcalá de Henares (Complutense), después en el Real Colegio

de España en Bolonia, integrándose al círculo de Clemente VII (de Médicis) y después del saqueo de Roma por mediación de este pasando a formar parte de la corte de Carlos V y Felipe II. Es importante entender en el contexto adecuado lo anterior porque cuando habla de bárbaros e infieles Ginés de Sepúlveda, lo hizo partiendo de la *Exhortación* (1529) que dedicó a Carlos V para frenar la avanzada turco-otomana, momento en el que los propios Erasmo y Lutero, abiertos pacifistas, se verían obligados a retractarse. Esta misma discusión Ginés de Sepúlveda la retomaría bajo los mismos supuestos y razones al tratarse de la población indígena Nuevo Mundo, pero argumentando (1535-1545) contra la escolástica del cardenal Cayetano (1530).

A diferencia del prodigioso carácter intelectual de Ginés de Sepúlveda, Bartolomé de Las Casas fue por un breve período explorador y conquistador (recibiendo indígenas en tutela y encomienda) hasta ordenarse como religioso a los 23 años. Sus primeros escritos de denuncia se fechan hacia 1514-1516, período durante el cual renunció a su encomienda y heredad. Siguiendo la línea de los dominicos en el Nuevo Mundo, denunció los abusos y atrocidades cometidas por los conquistadores y sobre eso estableció su carrera.

La discusión establecida entonces debe entenderse en dos momentos, *Sobre las causas de la guerra justa*, nos hablaría precisamente de la necesidad histórica de la conquista del Nuevo Mundo, en tanto la *Brevísima Relación de la Destrucción de las Indias*, señala la imperante necesidad de la evangelización en su lectura más moderada y en su interpretación más radical también implicaría la falsa legitimidad de la presencia española. Con frecuencia se ha entendido esto como una discusión facciosa cada parte representada debidamente con sus argumentos jurídicos, teológicos y filosóficos, pero bajo la mirada histórica queda claro que se trató de una estrategia de poder que la corona española supo manejar para consolidar su poder en el Nuevo Mundo.

El Emperador, propuso el debate formal entre los argumentos de Las Casas y Sepúlveda en 1550 el 7 de julio en Valladolid. Para dicha Junta la conformación de esta fue directamente favorable a Las Casas, no por casualidad ante lo cual el propio Sepúlveda habría de protestar en una carta dirigida al Emperador mediante el canciller Granvela.

En este sentido la Junta de Valladolid no tuvo ninguna consecuencia real inmediata en tanto la ocupación continuaría (y se expandiría), al igual que la defensa de los nativos y los justos títulos simplemente se incorporarían como algo ya dado sin cuestionamiento real (independientemente de los términos en los que esto se cumpliera o no) o la pacificación de regiones, que se sublevaran, mediante el uso de la fuerza. Por supuesto esta polémica influiría a largo plazo, pero como algo que habría ido asimilándose gradualmente incluso hasta nuestros días.

El equilibrio de poderes parecería haber sido el tema central de dicha polémica, en tanto la Monarquía (con sus distintos linajes), la Iglesia Católica (con sus diferentes órdenes eclesiásticas), la nobleza (de diferentes casas) y los súbditos (de diferentes reinos) tenían una mecánica muy particular (cada cierto tiempo sujeta a disrupciones y quiebres) que se vio profundamente alterada con el descubrimiento de América y su colonización (que crearían nuevas formas de poder y de relacionarse con este).

La interculturalidad, en términos históricos, da lugar a nuevas formas de poder y conflictos, al igual que a mecanismos aparentemente más flexibles, adaptativamente hablando. Curiosamente el debate intercultural también nos habla de la necesidad de un conocimiento interdisciplinario, no solo desde el punto de vista de la ciencia (o el arte) sino de la toma de decisiones para la implementación de políticas públicas, que son la esencia del poder.

Conclusiones

La polémica entre Ginés de Sepúlveda y Las Casas, fue un reflejo de la transición de un poder duro a sus formas suaves, o manifestaciones de esto, para legitimar la posición de la Corona Española en el Nuevo Mundo, ya no para hablar de conquistas sino de colonias y virreinos.

Desde un punto de vista pragmático, la Corona buscaba limitar el poder de los conquistadores y encomenderos, tomando como centro de esto a la población indígena, para lo cual el discurso de Las Casas tuvo esa función.

La figura del conquistador se volvería, en poco tiempo, caduca y anacrónica en tanto se necesitaban de nuevas formas de poder que se consolidarían con las Repúblicas de Indios, el Consejo de Indias, la Casa de la Contratación de Sevilla, y la dinámica virreinal.

La historia del “Nuevo Mundo” y su colonización occidental, no trató solo de descubrimientos sino de una serie de ocultamientos. Este es otro concepto que podría abordarse de diferentes formas, habiendo sido tanto Carlos V como Felipe II particularmente estrictos, en el manejo de la información, al interior de sus cortes.

El biopoder que reclamaba de Las Casas no fue un caso de filantropía humanitaria sino de estrategias de poder que aplicó la Corona para administrar y limitar a los encomenderos, sin afectar el mercado negro de esclavos (que inundaría las Antillas y buena parte del continente americano) a la par que declaraba la condición de súbditos de los indígenas del Nuevo Mundo y en este sentido sujetos a una legislación tributaria.

La figura de Ginés de Sepúlveda fue vilipendiada hasta la censura, erróneamente, contrario a esto sostenemos que su obra es consustancial al humanismo renacentista.

Bibliografía

¹ *Muñoz Machado S.* Sepúlveda, cronista del Emperador / S. Muñoz Machado. Madrid: Edhasa, 2012. 356 p.

² *Ershova G.G., Knórosov Yu.* Diego de Landa como fundador del estudio de la cultura maya // *Anales del Museo de América*. 1994. No 2. P. 21-32.

Идентичности повстанцев майя в начальный период Войны Каст на Юкатане (1847–1853)

Аннотация. Война Каст на Юкатане (1847–1901), крупнейшее восстание коренного населения в Латинской Америке XIX в., привела к беспрецедентной по своим масштабам мобилизации индейцев. Со времен завоевания Юкатана Франсиско де Монтехо в XVI в. индейцы майя оказались совершенно отстранены от тех уровней иерархии и идеологии, которые находились выше уровня общины. Повстанческим войскам, объединявшим до нескольких десятков тысяч человек из тысяч общин, требовалось выработать свои собственные модели мобилизации и самоидентификации. Статья посвящена эволюции этих моделей, наблюдавшейся в начальный период Войны Каст.

Ключевые слова: Америка, Мексика, Юкатан, майя, Война Каст, коренные народы, идентичность, религия, синкретизм.

Война Каст началась в июле 1847 г. как продолжение политических конфликтов между федералистами и централистами в штате Юкатан, бушевавших с восстания Сантьяго Имана в 1839 г. Крестьяне, преимущественно индейского происхождения, обманутые в своих ожиданиях креольскими политическими элитами, массово, целыми общинами, привлекавшими их на свою сторону в качестве рядовых бойцов, выплеснули свою ярость на всех, кто попадался им на пути¹. К началу 1848 г. восстание прокатилось от Тихосуко и Тепича на юго-восточной границе плотно заселенных территорий практически до столицы штата – Мериды².

Люди, желавшие мести за 300 лет колониального правления, за фиксированные церковные налоги, за невыполнение обещаний республиканскими политиками, называли себя *macehualob* (в ед. ч. – *macehual*). Чуждое слово, происходящего от науа *macehualtin*, принесли на Юкатан центрально-мексиканские союзники конкистадоров³. Слово это обозначало (и обозначает) простого человека,

крестьянина-общинника, как правило (но не обязательно) индейского происхождения, живущего в рамках традиционной майяской культурной и социально-экономической модели. Далее речь пойдёт об идентичностях индейских повстанцев, подразумевая именно *tacehualob*, т. е. не обязательно этнических майя.

Упершись в естественные границы своего распространения, восстание начало быстро отступать, преследуемое юкатанским ополчением под командованием генерала Себастьяна Лопеса де Льерго. К середине 1849 г. юкатанскому правительству удаётся стабилизировать обстановку в регионе боевых действий и вернуть контроль над удалённым аванпостом в Бакаларе, на границе Британского Гондураса (современный Белиз). Воодушевление и ярость первых месяцев восстания развеялись, а перед его лидерами встала насущная проблема объединения и мобилизации разрозненных отрядов.

Т. Рагли отмечает, что охваченный восстанием юго-восток полуострова Юкатан, практически совпадающий в своих границах с нынешней территорией штата Кинтана-Роо, представлял собой специфический регион, в котором идея единой идентичности распространялась быстрее за счет большей социальной мобильности и, следственно, появления среди местного населения обширных региональных связей⁴. Постоянные контакты странствующих торговцев и новых мигрантов заложили в массовом сознании жителей юго-востока полуострова идею отдельного региона, находящегося в оппозиции правительству. Главными факторами, сыгравшими роль в складывании этого феномена, были:

1. торговый путь между Бакаларом и Тихосуко;
2. миграционные процессы в направлении северо-запад – юго-восток;
3. удалённость от центров государственного управления штата Юкатан.

Несмотря на это, местные общинники не располагали «инструментами», необходимыми, согласно концепции «воображаемых сообществ» Б. Андерсона⁵, для построения идентичности, способной стать основной государства-нации эпохи модерна, таких как периодическая печать и модели вертикальной иерархии. Как показал в своей монографии Р. Датт, предельным понятием индейской власти среди майя был касик, лидер общины, в то время как контакты и юридические споры между общинами урегулировались при посредничестве неиндейских чиновников: мировых судей (*jeuz de paz*) и, в последствии, политического головы (*jefe político*)⁶.

В процессе формирования моделей идентичности повстанцев явно выделяются два основных периода: до второй половины 1850 г., т. е. появления культа говорящих крестов, и первые годы

его формирования. Для изучения этого феномена основным источником стала корреспонденция повстанцев, захваченная правительственными войсками в боевых действиях 1849–1851 гг. и ныне хранящаяся в Историческом архиве Секретариата национальной обороны Мексики. Некоторые из них, относящиеся к первому периоду, были переведены с юкатанского майя на испанский священником Хосе Кануто Вела, служившим в то время при кафедральном соборе в Мериде и занимавшим должность председателя церковной комиссии, обеспечивавшей посредничество при переговорах между представителями правительства и повстанцев⁷. Переводчики, работавшие с более поздними письмами, к сожалению, остались неизвестны.

Письма, содержащие информацию практического свойства, касающиеся поставок военных припасов или организации боевых отрядов для каких-либо операций, в основном, принадлежат периоду 1849–1850 гг. В них уже появляются черты объединяющей риторики: она используется для привлечения командиров мелких групп повстанцев посредством апелляций к той или иной модели идентичности. Большая часть захваченных писем происходит из юго-восточной части Юкатана, бывшей основным районом военных действий, хотя имеются также экземпляры, захваченные к востоку от Вальядолида, и одно письмо, захваченное на юго-западе полуострова в регионе Ченес.

Что касается писем, относящихся ко времени возникновения культа говорящих крестов, то речь идет о ряде сообщений, подписанных неким Хуаном де ла Крус из Балам-На, в которых отражаются идеи, которые должны были объединить повстанцев, продолжающих участие в боевых действиях, посредством ярко и четко выраженной объединяющей риторики. Между этими двумя примерами источников имеется существенная разница в целеполагании: первые содержали информацию практического свойства и прибегали к риторике идентичностей для обоснования мобилизации групп индейцев на конкретные и ограниченные акции. Письма Хуана де ла Крус преследуют иную цель: распространить между разобщенными группами крестьян унифицирующую модель идентичности и установить вертикальную иерархию, выраженную в понятных командирам и рядовым участникам восстания понятиях.

После знакомства с моделями базовой социальной и воинской организации в результате участия в политических конфликтах Юкатана в 1839–1847 гг., к концу 1849 г. лидеры восставших, такие как Флорентино Чан, Венансио Пек и Бонифасио Новело, явно демонстрировали желание установить систему государственного управления, заимствуя практику европейской модели. Стремление к этому оставило много следов в корреспонденции этого периода.

Например, в ряде писем, датированных с 26 октября 1849 г. до 4 февраля 1850 г., захваченных силами Войскового корпуса восстановления юго-востока, переведенных Хосе Кануто Вела и попавших, в итоге, в Военное министерство в Мехико, рассылалась информация о необходимости проведения переписи – *padrón* – во всех населенных пунктах, находящихся под контролем повстанцев⁸. Сохранившиеся описания этих переписей показывают, что по меньшей мере те командиры, что приняли указания всерьез, посылали не просто именные списки жителей территорий под своим контролем, но и отдельные списки солдат с описью вооружения⁹.

Лидеры, претендовавшие на централизованный контроль над всеми силами восставших, осознавая, вероятно, свою неспособность установить какую-либо вертикальную иерархию, замкнутую на них самих, апеллировали к авторитету британской администрации в Белизе для того, чтобы заставить командиров низших уровней предоставить необходимую информацию¹⁰. В этой корреспонденции, циркулировавшей в основном на нижнем и среднем уровне командования, появляются некоторые формы выражения идентичности, представляющиеся довольно интересными, которые, вероятно, в скорости привели к появлению культа говорящих крестов.

Самая существенная деталь – это отсутствие в корреспонденции повстанцев ярко выраженной оппозиции «белый» – «индеец». Как же называли себя авторы этих писем? Дважды используется слово «индеец» (*indio*) – так, вероятно, Кануто Вела перевел майяское *macehual* (простой человек, крестьянин-общинник); трижды используется слово «христианин» (*cristiano*) – в оригинале, вероятнее всего, было фонетическое заимствование.

Некий капитан Аусебио Акé в конце 1849 г. писал «главнокомандующему» Паулино Печу, сетуя на продвижение правительственных войск и прося прислать хотя бы какие-то подкрепления: «...во имя Бога истинного прошу тебя перекрыть эти дороги, отец, потому что много христиан погибло на этих ранчо...» [перевод с испанского здесь и далее мой – И.К.]¹¹. В другом письме от того же месяца, также направленном Паулино Печу, некий Хуан Пабло Пат, сообщая о проведении переписи людей под своим контролем, писал: «...пишу Богу истинному и твоей милости, сеньор, чтобы сообщить тебе о том, что я готовлю перепись этих христиан, которыми я правлю»¹². Ещё в одном письме, уже от февраля 1850 г., захваченном войсками полковника Томаса Пениче Гутьерреса из IV батальона Национальной гвардии Юкатана к востоку от Вальядолида, так говорилось о правительственных войсках: «...говорят, что они рвут на части тех христиан, которые не сдаются»¹³.

Во всех случаях, относящихся к периоду 1849–1850 гг., речь

шла, в основном, о гражданском населении, в то время как слово «индеец» использовалось лишь один раз в значении «солдат»: «... тотчас как получите сей циркуляр, соберёте индейцев, чтобы идти в Кочé, и лошадей, и припасы, потому что придут много солдат [правительственных]»¹⁴, писал 13 декабря 1849 г. Венансио Пек из деревни Махас. Другое письмо говорило об индейцах в общем: «Должно убивать только врагов, и никаким образом не должны мы, индейцы, убивать друг друга или вредить друг другу»¹⁵, – послание за коллективной подписью Флорентино Чана, Венансио Пека и Бонифасио Новело от 26 октября 1849 г.

Во всех остальных случаях речь шла просто о «солдатах» или «людях», и не появилось никакой выраженной риторики, объединяющей по этническому или социальному признаку. Последний пример – письмо, направленное всем восставшим индейцам «находящимся на востоке и юге», – даёт явное представление о степени разложения, которое наблюдалось среди восставших после стабилизации ситуации в зоне конфликта в 1849–1850 гг.

Таким образом, внутренняя корреспонденция повстанцев содержит мало информации об использовавшихся ими объединяющих образах. Из изученной корреспонденции следует, что на базовом уровне, уровне лидеров маленьких отрядов или общин, фундаментом идентичности было христианство, прочно вошедшее в индейскую ментальность за три века, прошедшие после евангелизации. В то же время, попыток идентифицировать себя через социальные или этнические понятия не наблюдается.

Ещё одним важным аспектом любого военного конфликта является образ врага. Позитивные объединяющие факторы могут не сработать среди групп, имеющих слабые горизонтальные связи и широкий спектр идей и интересов, в то время как общий враг может оказаться в этом отношении более действенным. Изученный комплекс писем в большинстве случаев говорит о противнике просто как о «враге» (*enemigo*). Понятие «белые» (*los blancos*) встречается лишь один раз – в письме от 27 декабря 1849 г., направленном Хуаном Чаблэ Флорентино Чану и другим главным вождям восстания¹⁶. О противнике обычно говорилось как о «враге», «войсках» (*tropas*), «солдатах» (*soldados*).

Интересными представляются два примера, имеющие прямую связь с религиозностью. Собирая повстанческие отряды, Флорентино Чан писал 30 декабря 1849 г.: «...и посмотрим, хотя и говорят, что дьяволы должны победить, не позволит истинный Бог, чтобы они нас победили...»¹⁷. Хосе Альбино Май, извиняясь перед Флорентино Чаном за то, что не посетил его штаб, писал 24 февраля 1850 г.: «...совершенно не дают времени эти дьявольские враги...»¹⁸. Логичным образом, врагами христиан должны быть демоны, или

же речь идёт об эмоциональной оценке? К сожалению, точно этого установить не представляется возможным.

Однако обращает на себя внимание то, насколько в массовом сознании повстанцев уже этого периода присутствует религиозность и образы христианской религии. Речь идет не только о словах, использующихся для самоопределения, для определения противника, но и о частоте прямых апелляций к Богу в самих письмах. Последнее может относиться как к некому установленному формату официальной корреспонденции, так и быть выражением религиозности, но для выявления этого, к сожалению, имеющегося материала недостаточно. Самое удивительное, идентификация противника как «испанцев» (*españoles*) появилась лишь в одном письме – в прокламации, захваченной при отражении атаки повстанцев на гарнизон Болончель в регионе Ченес¹⁹.

Письма периода 1849–1850 гг. позволяют взглянуть на различные аспекты идентичности индейских повстанцев. Выделяется отсутствие ярко выраженной оппозиции «индеец – креол / метис», «бедный – богатый», «общинник – помещик» и т. д. Практически все обнаруженные примеры выражения идентичности имеют связь с христианскими мотивами. Интересно также отношение к божественной сущности в представлении индейцев: к Богу относятся как к чему-то очевидному, всегда находящемуся рядом, его можно призвать в свидетели, например, в письмах часто повторяется формула: «...говорю нашему Господу Богу и твоему высокому сиятельству...». Некоторые из писем начинаются формулой «Да будет благословен святейший, что стоит на алтаре святой церкви!» – и так начинается письмо, например, от 26 октября 1849 г., несомненно до того, как «заговорили» кресты Балам-На²⁰.

Подводя итог истории идентичности повстанцев до появления культа говорящих крестов, можно сделать вывод о явном отсутствии попыток мобилизации через социальные и этнические понятия. Попытки установить собственную систему государственного управления адаптируя модели гражданского ополчения и гражданских бюрократических практик, таких как перепись населения, были вынуждены опираться на какой-либо внешний авторитет, в рассматриваемом случае – авторитет администрации британского Гондураса. Это не давало восстанию объединиться вокруг единого руководящего центра.

Причиной такого провала на начальном этапе восстания представляется отсутствие опыта установления вертикальных иерархических связей вне общины. Не имея его из-за чрезвычайно длительного периода испанского посредничества, они не могли построить эти связи на гражданских и светских основаниях. Касики, возглавившие восстание, воспринимали друг друга как равных и не имели

выработанных механизмов установления гражданского и военного управления, понятных индейским массам. Действенность инструментов социальной мобилизации для касика заканчивалась на уровне его клиентелы, т. е. на уровне его общины.

Письма, касающиеся идеологических оснований культа говорящих крестов, были получены в результате взятия Чан-Санта-Круса (Балам-На) отрядом Национальной гвардии Юкатана под командованием полковника Хуана Мария Новело 23 марта 1851 г. Коллекция содержит 11 писем, датированные с 11 декабря 1850 г. по 22 марта 1851 г. Два письма подписаны Хуаном де ла Крус из Ш-Балам-На или просто Балам-На. Эти два письма, очень объемные, фактически представляют собой программу или даже основополагающий документ культа. Прочие были подписаны Хосе Марией Баррера (ему приписывается создание культа) и Мануэлем На²¹, называемом «хранитель» (*patrón*) – чревовещателем, бывшим голосом крестов в первый год существования культа. Эти документы радикально отличаются от писем предыдущего периода: они тщательно проработаны и содержат образы и слова, понятные и воодушевляющие для индейских масс.

Явно выделяется попытка разрешения очевидной проблемы разложения восстания. Появляются следующие формы мобилизации: жесткая дихотомия «индеец – белый» и исходящая из неё оппозиция «бедный – богатый» приносят в конфликт четкие этнические и социальные мотивы²². Христианство, в своей адаптированной синкретической версии, стало основой этих изменений. Постулаты, оглашенные от имени божественной сущности, обрели большую устойчивость и притягательность.

Посредством своего эпистолярного «аватара» Хуана де ла Крус лидеры восстания провозгласили индейских крестьян единственными истинными и верными божьими сынами²³. Очевидно, истинные божьи дети не должны были убивать или вредить друг другу, что подразумевало окончание междоусобиц среди восставших. Появляется интересный мотив ещё одной оппозиции – «верный – неверный»: «...вы не будете убивать ради убийства других тварей [господних], таких же как вы, если они преклонят колени и поднимут руки чтобы от своего сердца умолять произносятся имя отца моего, и лишь так будет разоружен враг, явившийся добровольно, и должно разделить их, белых и негров, мулатов и индейцев или кто-либо ещё, пока они творения [господни]»²⁴.

Сама война становится санкционированной Богом: «ещё одну вещь скажу вашим ушам, мой возлюбленный христианский народ, должны вы знать, что семь раз в день и семь раз за ночь вхожу с моим любимым Отцом и с моей Госпожой сладкой девой Марией в священной славе Отца моего в царство небесное, чтобы получить

лицензию на ведение войны [выделение моё – И.К.] против белых моими любимыми индейцами...»²⁵. С этого момента речь уже не шла просто о восстании, это был крестовый поход, который верные христиане вели против тех, кто таковыми не был.

Так была решена проблема долгосрочного сохранения этнической и социальной идентичности. Бог, который был на стороне бедных, на стороне индейцев, повел свой народ в последнюю битву против белых, обещая им защиту от пуль и штыков юкатанских солдат²⁶. Скрывавшееся за божественным аватаром новое поколение лидеров – прагматичных метисов, с помощью культа говорящих крестов достигло того, чего предыдущее поколение вождей-касигов, активных участников региональной политики, не смогло достичь более светскими методами.

В заключении необходимо сказать о том, что религия неслучайно вышла на первый план и дала повстанцам общность, необходимую для ведения войны. Традиционное общество, разрозненное по бесконечному множеству мелких автономных общин, которые не имели устоявшихся традиций вертикальной гражданской иерархии, как и времени и инструментов для их создания, было вынуждено прибегнуть к тем методам, которые соответствовали моменту.

Если искать аналоги общества индейских общинников начального этапа Войны Каст, возможно, имеет смысл обратиться к европейскому средневековью, в котором религия иногда играла роль фактора формирования идентичности там, где феодальные административные институты не могли объединить большое количество социальных групп для достижения единой цели. Примерами такого объединения могут послужить Крестовые походы, испанская Реконкиста или религиозные конфликты в центральной Европе. Майяский крестовый поход, начавшийся 170 лет назад, до сих пор является фундаментальным фактором идентичности майя штата Кинтана-Роо.

Примечания

¹ *Solveig P.P.* Enajenación de la tierra e impuestos: origen de la guerra de Castas // Expresión del sureste mexicano [Электронный ресурс]. URL: <http://revistaexpresiones.wordpress.com/2012/07/31/enajenacion-de-la-tierra-e-impuestos-origen-de-la-guerra-de-castas/>

² Archivo Histórico de la Secretaría de Defensa Nacional (ADN). Exp. IX/481.3/2820. F. 4.

³ *Dumond D.E.* El machete y la cruz. La sublevación de campesinos de Yucatán. México: UNAM, 2005. P. 188.

⁴ *Rugeley T.* Rebellion Now and Forever: Mayas, Hispanics, and caste war violence in Yucatán, 1800–1880. Stanford: Stanford University Press, 2009. P. 52.

- ⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
- ⁶ *Dutt R.* Maya caciques in early national Yucatan. Norman: University of Oklahoma Press, 2017. P. 8.
- ⁷ ADN. Exp. IX/481.3/2914. Т. 1. F. 216.
- ⁸ Ibid. F. 217.
- ⁹ ADN. Exp. IX/481.3/2914. Т. 2. F. 313.
- ¹⁰ ADN. Exp. IX/481.3/2914. Т. 1. F. 217.
- ¹¹ ADN. Exp. IX/481.3/2914. Т. 2. F. 317.
- ¹² Ibid. F. 313.
- ¹³ Ibid. F. 315.
- ¹⁴ ADN. Exp. IX/481.3/2914. Т. 1. F. 217.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ ADN. Exp. IX/481.3/2914. Т. 2. F. 318.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid. F. 315.
- ¹⁹ ADN. Exp. IX/481.3/2914. Т. 1. F. 53.
- ²⁰ Ibid. F. 217.
- ²¹ Exp. IX/481.3/3257. F. 41.
- ²² Ibid. F. 39.
- ²³ Ibid. F. 36.
- ²⁴ Ibid. F. 39.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Ibid.

Т.С. Молодчикова

Майя в политическом дискурсе Фелипе Каррильо Пуэрто

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены характерные черты образа майяского прошлого в официальном политическом дискурсе, прежде всего, отраженного на страницах печатного органа Социалистической партии Юго-Востока Tierra, а также проанализирован процесс трансформации майяской идентичности в рамках этнополитического проекта Ф. Каррильо Пуэрто в Юкатане в 1922–1924 гг. В результате проведенного исследования удалось показать, что актуализация наследия майя в Юкатане происходила как в физической, так и в символической форме и служила, с одной стороны, для легитимизации власти нового социалистического правительства, а с другой стороны, выступало в качестве модели для конструирования региональной идентичности, во многом противоположной национальному проекту федеральной власти.

Ключевые слова: Юкатан, майянизм, Фелипе Каррильо Пуэрто, социализм в Юкатане, региональная идентичность.

Введение

Ключевым моментом новейшей истории Мексики с уверенностью можно назвать Мексиканскую революцию 1910–1917 гг., результатом которой стал проект создания единого национального пространства посредством интеграции всех элементов мексиканского общества. Важным пунктом интеграционной политики государства являлось распространение культурных ценностей одной социальной группы на другую. Этот вопрос разрабатывался в рамках социологической теории конструирования социокультурных пространств, а в мексиканском интеллектуальном поле был частью антропологической теории. Штат Юкатан, исторически рассматривающийся как периферийный регион мексиканского госу-

дарства, в 1920-е гг. пережил череду важных трансформационных процессов, одним из которых был «социалистический эксперимент» 1922–1924-гг., привнесший идею «маяяского возрождения» и конструирования региональной идентичности на основе индейского субстрата.

Эта тема может быть исследована в рамках феномена региональной идентичности, которая в общем виде определяется как сознательное отношение группы людей к определенной территории, к ее образу и ее символам¹. В этом смысле можно выделить разнообразные подходы к изучению региональной идентичности: географический, исторический, социокультурный, этнический, политический, экономический. Не менее важной темой является процесс конструирования региональной идентичности, отраженный в официальном политическом дискурсе. Современные региональные исследования показали, что «регион» является такой же политической конструкцией, как и «нация», только меньшего масштаба². Как будет продемонстрировано ниже, в штате Юкатан целью регионального дискурса было создание некоего «мы» в коллективном сознании, которое являлось опорой местной политической власти и противопоставлялось другим региональным идентичностям.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу конструирования юкатанского регионализма в 1922–1924 гг., необходимо представить этносоциальную структуру штата Юкатан накануне прихода к власти социалистического правительства Ф. Каррильо Пуэрто.

Согласно общей переписи населения 1921 г., общее число жителей штата насчитывало 358 221 человек, из них к индейскому населению относились 155 155 человек (43.3%), к смешанному 121 189 (33.83%) и к белому населению относились 78 249 (21.85%)³. В то же время языковая статистика показывает, что порядка 60% населения Юкатана были майяговорящими, и только 26% населения штата считались испаноговорящими. Этот социокультурный контекст необходимо учитывать при анализе политической системы в этом регионе, а также интеллектуального и политического становления будущего губернатора Юкатана.

Фелипе Каррильо Пуэрто родился в Юкатане, в городе Мотуль в 1874 г. в семье мелкого торговца, и, следует отметить, не имел индейских предков. Вероятнее всего, его семья принадлежала к обедневшему креольскому классу⁴. Согласно многочисленным биографам уже с раннего возраста молодой человек начал проявлять интерес к социальному положению индейского населения в Юкатане. Регион, где родился и вырос будущий губернатор, был зоной асьенд, на которых трудились индейцы,

и неудивительно, что уже с ранних лет Ф. Каррильо Пуэрто сам прекрасно понимал и говорил на юкатекском майя⁵.

В ранний период своей жизни Ф. Каррильо Пуэрто работал журналистом в оппозиционном издании *Revista de Mérida*, а также был главным редактором *Heraldo de Motul*, в котором освещал злоупотребления владельцев асьенд по отношению к индейскому населению. Настоящая политическая карьера Ф. Каррильо Пуэрто началась в 1917 г., когда его избрали президентом Социалистической партии Юкатана, которая в 1921 г. была переименована в Социалистическую партию Юго-востока (*Partido Socialista del Sureste*). 6 ноября 1921 г. Ф. Каррильо Пуэрто одержал победу на губернаторских выборах в качестве кандидата от социалистической партии.

Некоторые исследователи полагают, что выбор губернатором в качестве главного объекта своей политики майяского населения было результатом стратегического политического расчета, а вовсе не по причине огромной симпатии к бедным индейцам⁶, как это традиционно принято представлять. Этот прагматизм не должен интерпретироваться негативно, особенно, если принять во внимание социальную структуру юкатанского общества в первой трети XX в., о чём было сказано выше. Действительно, именно этнический компонент стал базой социалистического проекта Ф. Каррильо Пуэрто, который основывался на трех основных идеях: восстановление социальной справедливости, реконкисты утраченного прошлого и создание нового социокультурного пространства при активном участии майяского населения.

Идея восстановления социальной справедливости

Еще на заре своей политической карьеры Ф. Каррильо Пуэрто начал использовать язык майя как основной при произнесении официальных речей, что выгодно отличало молодого политика от его предшественников. В 1917 г. в Вальядолиде Ф. Каррильо Пуэрто обратился к толпе со следующими словами:

«Приготовьте ваши мачете и ружья, потому что, если Карлос Кастро Моралес (*кандидат от социалистов, курсив мой – Т.М.*) не победит, вы убьете всех белых в этом городе. Белые издевались над вами, сейчас у вас есть возможность отомстить. У вас есть право на все: если они отказываются продавать вам товары за ту стоимость, которую вы можете заплатить, возьмите их силой»⁷.

Учитывая недавние события Войны каст, самого крупного этнического конфликта на полуострове Юкатан⁸, характер этой речи выглядел весьма опасным, и для молодого политика дело закончилось судебным процессом.

Стоит отметить, что Ф. Каррильо Пуэрто также был первым губернатором, произнесшим свою приветственную речь на языке майя, в которой, свойственно всем социалистическим правительствам, призвал рабочих бороться за свои права, а крестьянам – за свои земли⁹. Тот факт, что речь была произнесена на языке майя обозначала призыв не столько к классовой борьбе, сколько к этнической, так как социальные классы в Юкатане определялись в большей степени через этническую принадлежность, чем профессиональную.

Один из немногих документов, написанных самим Ф. Каррильо Пуэрто, который проливает свет на его политическое видение нового социального порядка в Юкатане, является переписка с видным аргентинским интеллектуалом 20-х гг. Хосе Инхеньеросом:

«По моему мнению, отличительная черта юкатанского социализма заключается в возрождении майяской расы. Все крестьяне Юкатана принадлежат к ней. До Конкисты они были единственными хозяевами этих земель, их рабство было порабощением всей страны, а поэтому их возрождение станет возрождением Юкатана. Тем не менее, остался след, порожденный годами рабства и унижения ... они еще не осознали, что могут быть активными участниками политического процесса наравне со всеми остальными. Самое сильное средство для пробуждения этой идеи – потому что она была у них – это превозносить величие прошлого этого народа, глубоко изучать ее цивилизацию, ее достижения, ее искусство, короче говоря, все, что в истории представляет реальную и позитивную ценность»¹⁰.

То, что отличает позицию Ф. Каррильо Пуэрто по отношению к индейскому населению, это признание его политической субъектности, общественной значимости и равноправия. Эти идеи резко контрастировали с патерналистским характером политики мексиканского федерального правительства того времени. Очевидно, что Ф. Каррильо Пуэрто, употребляя термин «юкатанский социализм», создавал не просто социалистическую утопию в отдельно взятом регионе, а полноценный этносоциальный проект развития юкатанского общества, основой которого должно было стать индейское население. В связи с этим, возрождение культуры майя в 1922 г. приобрело еще большее значение.

Реконкиста утраченного прошлого

Хорошо известно, что историческое прошлое использовалось для легитимизации многих политических режимов XX в., и в этом смысле стратегия новых постреволюционных правительств в Мексике придерживалась той же линии. Доколумбовое прошлое пред-

ставлялось как свидетельство высокого материального и культурного уровня развития мезоамериканской цивилизации. Главная проблема же заключалась в «актуальных» индейцах, которые, по мнению мексиканских интеллектуалов, пребывали в состоянии упадка¹¹ и были обречены на интеграцию в большую мексиканскую семью, сохраняя лишь некоторые «позитивные» культурные черты¹². В этом общем контексте Юкатан представлял своего рода исключение, хотя индейское население штата в эти годы отличалось пассивностью и практически не участвовало в революционных событиях 1910–1917 гг.¹³

Главным источником, в котором можно проследить формирование политического и идеологического дискурса вокруг индейского населения Юкатана, является печатный орган Социалистической Партии Юго-Востока – *Tierra*, в котором публиковались различные пропагандистские тексты, речи социалистических лидеров, новости и карикатуры, стихи и художественные тексты. В 1922 г. из газеты он становится еженедельным журналом, что смещает характер публикуемых материалов в сторону аналитических и теоретических статей. В частности, в каждом номере журнала была рубрика, посвященная истории и культуре майя. Это могла быть публикация исторических текстов, например, фрагментов «Истории Юкатана» историка XVII в. Лопеса де Когольюдо, освещающих те или иные аспекты культуры майя (так называемые «страницы Когольюдо»), публикации майяского календаря с подробными объяснениями¹⁴, заметки об археологических находках. Помимо текстов образовательного характера, в журнале публиковались литературные рассказы, основными темами которых были мифы и легенды майя. Эти тексты должны были зачитываться во время ассамблей, организованных лигами сопротивления¹⁵, и таким образом интегрироваться в общественное сознание¹⁶.

В риторике правительства Ф. Каррильо Пуэрто также делался акцент на важности наследия в формировании «нового человека». Среди многочисленных текстов, опубликованных в *Tierra* на эту тему, обращает на себя внимание статья под названием «Влияние предков майя», в которой говорится,

«...что самые яркие культурные проявления в первобытной Америке принадлежат именно майя, и что майя создали одну из четырех самых известных форм красоты в мире, а их влияние в Америке такое же как греков в Европе. Последние исследования показали преобладание различных культурных эпох, и ожидается, что изучение руин Ушмаля и Чичен-Ицы позволит шаг за шагом и камень за камнем проследить все фазы цивилизации майя вплоть до ее начала»¹⁷.

В этом пассаже наблюдается четкая тенденция выделять именно прошлое майя, делая его центральным и наиболее важным

с культурной точки зрения, из общего индейского доколумбового наследия. На страницах журнала неоднократно упоминается, что народ майя – избранный, имевший к тому же и своего «пророка». Различным общественным учреждениям присваивались имена великих предков майя. Например, одной из так называемый «социалистических библиотек» было присвоено имя Цамна (*Tzamna*)¹⁸. Как следует из текста заметки, это имя следует ассоциировать не с божеством майя (в этом явно прослеживается неприятие социалистическим правительством любых форм верований и суеверий), а со своеобразным «сверхчеловеком», родоначальником майяской цивилизации – «майяским раввином»¹⁹.

Нельзя не согласиться с тем фактом, что обращение к историческому прошлому как части процесса поиска собственной идентичности и реализации этнического самосознания в особой мере характерен для народов, переживших процесс колонизации²⁰. Однако, актуализация дискурса о доколумбовых майя было лишь одним из инструментов конструирования региональной идентичности в Юкатане. Важная роль принадлежала физическим пространствам, вновь открытым, или созданным с нуля, призванным соединить прошлое и настоящее.

Создание нового социокультурного пространства

В качестве главного связующего элемента между прошлым и настоящим майя были выбраны археологические пространства, активно изучавшиеся в 20-е гг. американскими специалистами из Института Карнеги²¹. Когда речь идет об археологических зонах основная трудность связана с их труднодоступностью, именно поэтому повсеместное строительство дорог заняло одно из центральных мест в общественной политике правительства Ф. Каррильо Пуэрто в 1922–1924 гг.²²

В июле 1923 г. губернатор штата на церемонии открытия дороги, ведущей в древний город Чичен-Ицу, перед 5-тысячной толпой рабочих произнес следующую речь на языке майя:

«Я должен заявить вам, что это было наше намерение привести сюда наших индейцев, чтобы они пообщались с этими руинами и почувствовали себя более сильными и гордыми за свой народ, чем тот, кто их создал. И поэтому дорога в Чичен-Ицу, больше, чем материальная конструкция, она представляет для меня социальный мост между великолепным прошлым майя и нынешними условиями их потомков»²³.

Юкатанское правительство преследовало вполне понятную цель: дать индейскому населению пространство для идентификации со своими этническими и культурными корнями, и в то же

время представить Ф. Каррильо Пуэрто как настоящего лидера майя (для этого была тщательно разработана сценография мероприятия – губернатор обращался к толпе на языке майя с вершины археологической структуры). Следует отметить, что этот прием отнюдь не нов: политическая элита майя и в доколумбовые времена успешно использовала прошлое и память о нем для создания коммеморативных программ²⁴.

Помимо открытия археологических памятников доколумбовой эпохи, создавались новые пространства для актуализации культуры майя и ее распространения на все юкатанское общество. 1 марта 1923 г. губернатор подписал циркуляр, согласно которому всем муниципалитетам штата предписывалось использовать «майяскую стилистику»: официальные бланки, печати, картины, украшения, здания, памятники и т. д.²⁵

Одним из самых ранних символических сооружений в майяском стиле стал памятник воинов Войны Каст в Канасине, который нес не только художественную нагрузку, но также социальную и политическую. Ф. Каррильо Пуэрто, лично присутствовавший на открытии памятника, подчеркивал героизм лидеров майяских революций Хасинко Канека и Сесилио Чи, «которые во время колониальной тирании и в последующем, продемонстрировали высшую храбрость и дали призыв к возмездию на восточных землях»²⁶.

В своей пропаганде Ф. Каррильо Пуэрто использовал различные символы – молния, красная пирамида, золотой диск. Этот новый символизм был призван заменить религиозную символику предыдущего периода, например, красный треугольник должен был заменить крест, а гражданский брак – религиозное венчание²⁷. Таким образом мы видим, что создаваемое новое социокультурное пространство совмещало в себе как майяские, так и социалистические символы.

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало, что основой политического дискурса социалистического правительства в Юкатане в 1922–1924 г. было возрождение «майяской расы», в котором выделяются три основных сюжета – восстановление социальной справедливости, реконкиста потерянного прошлого и актуализация доколумбового наследия майя. «Майяское возрождение» состояло в создании линии преемственности между прошлым майя и их настоящим: посредством создания как физических пространств (открытие археологических зон, создание архитектурных памятников, включение элементов индейского искусства в различные

сферы жизни общества), так и символических (распространение культурного наследия майя и его соединение с социалистическими символами).

Этносоциальная структура юкатанского общества, основой которого являлись майяские крестьяне, а также необходимость легитимизации нового социального и политического порядка в 1922–1924 гг. превратили майянизм в идеологическую базу социалистического проекта в Юкатане. В отличие от интеграционной политики федерального правительства, центральной идеей которого было «мексиканизировать индейца», социалистический эксперимент в Юкатане (слишком короткий для того, чтобы продемонстрировать значительные результаты) основывался на идее использования всего майяского в качестве модели для конструирования региональной идентичности. Для наглядной демонстрации этого тезиса следует процитировать один из последних текстов, написанных Ф. Каррильо Пуэрто, и опубликованный уже после его расстрела, под названием «Новый Юкатан»²⁸:

«Юкатан – это майя... В других частях Мексики метисы подражают белым, а в Юкатане они носят нашу одежду и поют наши песни. Завоеванные индейцы завоевали своих завоевателей».

Примечания

¹ Докучаев Д.С. Региональная идентичность: понятие, структура, функции // *Философия и культура*. 2012. № 12 (60). С. 16.

² Nuñez Norieda G. Cultura regional/identidad regional: una historia de poder // *Antropología de la identidad e historia en el Norte de México* / Ed. Moctezuma J.L., Villalpando M.E. Hermosilla: Centro INAH Sonora, 1999. P. 67.

³ Censo General de Habitantes. 30 de noviembre de 1921. Estado de Yucatán. [Электронный ресурс]. URL: <https://inegi.org.mx/app/biblioteca/ficha.html?urc=702825411398> (01.09.2022)

⁴ Sierra Villareal J.L. La Revolución en Yucatán. 1897–1925. Mérida: Edición Dante, 2018. P. 225.

⁵ Sarkisyanz M. Felipe Carrillo Puerto: Actuación y muerte del Apóstol “Rojo” de los Mayas. México: Mesa Directiva LVIII Legislatura H. Cámara de Diputados, 2003. P. 91-97; Moreno Acevedo E. Redescubriendo a Felipe Carrillo Puerto ¿Apóstol de los mayas, ideólogo del socialismo yucateco, intelectual no reconocido? // *Revista de la Universidad Autónoma de Yucatán*. 2005. № 233. P. 13.

⁶ Savarino F. El legado ancestral en un régimen político revolucionario: Yucatán, 1922-1924 // *Academia XXII*. 2017. №16. P. 33.

⁷ Joseph G.M. Revolución desde afuera. Yucatán, México y los Estados Unidos, 1880-1924. México: Fondo de Cultura Económica, 1992. P. 146.

⁸ Косиченко И.Н. Историография одного конфликта: Война Каст в исторических трудах XIX - XXI вв. // Стены и мосты - VIII: Исследователь в междисциплинарном коллективе: Сборник трудов Международной научной конфе-

ренции. Москва, 23–24 мая 2019 г. / Отв. ред. Г.Г. Ершова, Е.А. Долгова. М: РГГУ, 2021. С. 64–72.

⁹ El Popular. 1 de febrero de 1922. P. 6.

¹⁰ *Mantilla Gutiérrez J.* Los mayas en el pensamiento político de Felipe Carrillo Puerto // Revista de la Universidad Autónoma de Yucatán. 2005. № 233. P. 36.

¹¹ *Molina Enríquez A.* Los grandes problemas nacionales. México: Ediciones Era, 1981. P. 97.

¹² *Gamio M.* Forjando patria. México: Ediciones Porrúa, 1916. P. 316; *Caso A.* Definición del indio y de lo indio // América Indígena. 1948. Vol. VIII. № 4. P. 243.

¹³ *Joseph G.M.* Op. cit. P. 24.

¹⁴ Tierra. 6 de mayo de 1923. P. 18-19.

¹⁵ Общее название организационных ячеек Социалистической партии Юго-Востока.

¹⁶ *Leyva Loría D.* La revista Tierra y el Partido Socialista del Sureste // La Revolución en Yucatán. Nuevos ensayos / Ed. F.J. Paoli Bolio. Mérida: Secretaría de Educación-CEPSA Editorial, 2012. P. 224.

¹⁷ Tierra. 1 de mayo de 1923. P. 23-24.

¹⁸ Tierra. 6 de mayo de 1923. P. 10.

¹⁹ Ibid. P. 10

²⁰ *Ершова Г.Г.* Реконструкция исторической памяти как залог сохранения устойчивости этнического самосознания майя // Мир психологии. 2018. № 3. С. 188.

²¹ Tierra. 6 de mayo de 1923. P. 24.

²² Informe rendido por el gobernador constitucional de Yucatán, C. Felipe Carrillo Puerto, ante la H. XXVII Legislatura del Estado, el 1o. de enero de 1923. Mérida: Imp. y Lit. Gamboa Guzmán, 1923. 120 p.

²³ Tierra. 22 de julio de 1923. P. 5-10.

²⁴ *Хохрякова (Висканта) С.А.* Ритуальные пещерные комплексы древних майя как места памяти // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. №1. С. 83.

²⁵ AGEY. Sección: Secretaría general de Gobierno. Serie: Ayuntamientos. Vol. 714. Exp. 3. Foja 2.

²⁶ Tierra. 1 de mayo de 1923. P. 27.

²⁷ *Urías Horcasitas B.* El poder de los símbolos / los símbolos en el poder: teosofía y “mayanismo” en Yucatán (1922-1923) // Relaciones Estudios de Historia y Sociedad. 2008. № 29(115). P. 196.

²⁸ The Survey. 1 de mayo de 1924. P. 138-142.

Эпидемия холеры в Пуэрто-Рико в 1855–1856 гг.: аспекты медицинской антропологии

Аннотация. В XIX в. холера являлась серьезной проблемой для всего мира, в том числе для стран Латинской Америки. Статья посвящена восприятию данного заболевания, в первую очередь его медицинскому аспекту, современниками эпидемии на острове Пуэрто-Рико в 1855–1856 гг. Анализ базируется на материалах периодических изданий, в частности на опубликованных в них методах лечения и профилактики холеры. Целью данного исследования является попытка установить, как современник эпидемии воспринимал данное заболевание через призму медицинских представлений, существовавших в XIX в.

Ключевые слова: Пуэрто-Рико, история, медицинская антропология, эпидемия, холера.

Пуэрто-Рико – остров в Карибском море, который в рассматриваемый период являлся частью Испанской империи и находился в непрерывном сообщении с метрополией, а также иными островами и странами. Контакты Пуэрто-Рико с другими регионами важно иметь в виду по той причине, что эпидемия холеры в Карибском бассейне 50-х гг. XIX в. началась с Кубы, где первые случаи смерти от данного заболевания были зафиксированы в 1850 г. Властям Пуэрто-Рико же удавалось предотвращать начало эпидемии на своих территориях вплоть до 1855 г. По мнению исследователей, занимающихся данной проблематикой, это стало возможно благодаря комплексу своевременных принятых мер¹, а именно помещению в лазареты людей и предметов, прибывающих из зараженных тер-

© Балкова Е.А., 2023

Статья подготовлена в рамках проекта РГГУ «Латинская Америка XVII–XX вв.: социально-экономическая история» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

риторий, системе санитарных патентов для кораблей и санитарным кордонам. Данные типы мер рассматриваются в работе Хине и Партагаса², и хотя названная работа не посвящена непосредственно эпидемии холеры в Пуэрто-Рико, та систематизация, которая в ней приведена, сходится с теми мерами, которые встречаются в источниках периода эпидемии холеры 1855–1856 гг.

Даже почта, попадающая на остров, проходила дезинфекцию (вероятно, уксусом), как то было принято в период эпидемии желтой лихорадки³. Эту меру нельзя назвать эффективной, однако она еще раз демонстрирует щепетильность, с которой современники эпидемии подходили к вопросу своей безопасности. Но, несмотря на это, в ноябре 1855 г. в городе Нагуабо, расположенном на восточном побережье Пуэрто-Рико, от холеры скончался первый заболевший.

Холеру, как и другие болезни, можно рассматривать в качестве явления достаточно стабильного по таким «внутренним» характеристикам, как симптомы заболевания, его течение, контагиозность и т. д. Болезнь фактически остается неизменной, в то время как от общества к обществу, от века к веку меняется ее восприятие. Поиск ответа на вопрос о том, каким было это восприятие раньше, поможет лучше понять общества прошлого, которым приходилось противостоять эпидемиям. Поэтому данное исследование посвящено восприятию холеры, в первую очередь его медицинскому аспекту, современниками эпидемии 1855–1856 гг. в Пуэрто-Рико. Анализ базируется на материалах периодических изданий, в частности на опубликованных в них методах лечения и профилактики холеры.

Первым из трех источников являются номера Правительственной Газеты Пуэрто-Рико, выходившие три раза в неделю в период с середины ноября 1855 г.⁴, когда началась эпидемия, и до начала мая 1856 г.⁵ – месяца, когда появилось последнее сообщение об окончании эпидемии в одном из городов Пуэрто-Рико. Данный источник представляет интерес с той точки зрения, что в нем, благодаря частоте издания, своевременно фиксировались изменения эпидемиологической ситуации. К тому же, в XIX в. газеты являлись важным средством передачи информации и фактически неотъемлемой частью жизни некоторых слоев населения. Таким образом, в прошлом газета могла формировать представления человека о реальности, донося до него информацию.

Также были использованы источники, содержащие информацию о методах лечения холеры, но созданные не в рамках периода, рассматриваемого в данной работе. Первый из таких методов лечения, разработанный Королевским Высшим Правительственным Советом по Медицине и Хирургии, был опубликован в Мадридской газете в 1833 г. Предполагалось, что он будет использоваться на территории Индий⁶.

Автором второго метода лечения является французский врач А. Де Гран-Булонь, прославившийся тем, что в период с 15 июля по 15 сентября 1865 г. вылечил от холеры 941 больного. Его метод лечения приобрел широкую популярность во Франции и был заимствован Испанией, где бушевала эпидемия. Данный документ представляет собой выдержку из научной публикации 1865 г. без указания издания, в котором она была опубликована⁷.

Документы 1833 г. и 1865 г. не относятся к периоду эпидемии 1855–1856 гг. Однако указанные в них методы схожи между собой и пересекаются с методами, которые публиковались в Газете Пуэрто-Рико в период эпидемии. Таким образом, они отображают медицинскую реальность на протяжении тридцати двух лет, в которой находились как врачи, так и больные.

Общей для источников 1833 г. и 1865 г. является рекомендация давать больному обильное питье в различных вариациях – настои (мяты, ромашки, шалфея, сорго лимонного), воду с добавлением опиума или серного эфира, лед или талую ледяную воду, алкоголь, рисовую воду, чай, зельтерскую воду⁸. Также в воду рекомендовалось добавлять сахар. Важно отметить, что холера и по сей день может быть вылечена без применения антибиотиков, но с тщательным восстановлением гидробаланса. Действенность обоих методов лечения зиждется именно на этом.

Также оба источника советуют горчичники и припарки. В источнике 1833 г. данная мера мотивирована «необходимостью разогнать застоявшуюся кровь»⁹. Вероятно, она была обоснована не только представлениями того времени о «дурной крови», берущей начало в античном учении о гуморах, но и являлась попыткой бороться с нарушением гемодинамики из-за обезвоживания организма, которую наблюдали врачи у больных холерой. И если припарки можно оценить как безвредные меры, то кровопускание, как еще одну меру, призванную бороться с нарушением гемодинамики, можно охарактеризовать как наносящую вред. Пускать кровь «из яремной вены или височной артерии, чтобы как можно скорее избавиться от плохой крови» предписывает источник 1833 г.¹⁰ Информация о кровопусканиях также содержится в тарифной сетке на медицинские услуги, опубликованной в Газете Пуэрто-Рико в марте 1856 г. Данная мера также, скорее всего, была связана с представлениями о гуморах и о том, что избавление пациента от «дурной», «застоявшейся» крови способствует его излечению.

Также встречаются другие меры. Среди них можно выделить регулярное употребление небольших порций коньяка и воздержание от пива¹¹. Помимо этого, источники рекомендуют увеличивать двигательную активность больного для того, чтобы тот пропотел, а также применять клизмы, рвотный корень, различные

мази¹². Данные методы лечения, хотя и не относятся к рассматриваемому периоду напрямую, отображают медицинскую реальность, существовавшую на протяжении тридцати двух лет.

Обращаясь же к тем мерам, которые применялись непосредственно в 1855–1856 гг., нужно сказать, что в одном из выпусков Газеты Пуэрто-Рико¹³ было опубликовано письмо Парижской академии медицины, где рекомендовалось проветривать жилище несколько раз в день, не переохлаждаться и носить достаточно теплую одежду, т. к. «холод способствует развитию болезни». Это, вероятно, перекликается с актуальными тогда представлениями о миазмах. В выпуске этой же газеты от 4 декабря было опубликовано распоряжение правительства о мерах против холеры в отношении рабов на асьендах¹⁴. В нем рекомендовалось обеспечить рабов таким жильем, которое бы располагалось не на земле, а на небольшой возвышенности. Владельцам асьенд рекомендовалось не допускать скопления большого количества рабов в одном помещении, также рекомендовалось тщательно следить за их гигиеной. Здесь можно наблюдать соединение, с одной стороны, врачебного наблюдения и опыта, а с другой стороны, вероятно, уже упомянутых представлений о миазмах.

Возвращаясь к ноябрьскому выпуску этой же газеты, необходимо отметить, что в качестве меры профилактики в нем рекомендовалось вести в целом привычный, но желательно «сдержанный» образ жизни, под которым понималось воздержание от некоторых видов алкоголя, переедания, жирной пищи и переутомления. Там же можно встретить уже упомянутые выше средства для разогревания конечностей (в данном случае это ванночки для ног с горчицей, постельное тепло, усиленное применением грелок из горячего песка или воды, горчичники, обертывания конечностей тканью, пропитанной раствором камфоры, теплые ванны). Данная рекомендация вновь перекликается с представлениями о «дурной крови», которое появлялось как в газете 1833 г., так и в газете 1865 г. Также рекомендуется регулярное восстановление гидробаланса больного (питье рисовой воды с добавлением аравийской камеди, травяных настоев, чая, кофе) и диета¹⁵.

Общая схожесть рассмотренных методов лечения позволяет сделать вывод о том, что на протяжении всех этих лет на территории Испанской империи санитарная ситуация была стабильной, прорывов в лечении холеры не наблюдалось, а лечение основывалось на наблюдениях прошлых лет. Также важно отметить, что поиск действенных методов лечения холеры не замыкался на Испании или Индии. Рекомендации создавались с применением опыта специалистов других стран, также столкнувшихся с необходимостью бороться с данной инфекцией.

С точки зрения медицинской антропологии можно говорить о том, что методы лечения в рассматриваемом периоде основывались, с одной стороны, на врачебном наблюдении и опыте, например, как в случае с «вливанием» в человека воды – когда стало понятно, что при сильном обезвоживании пациент буквально «высыхает» и умирает, врачи стали пытаться предотвратить это. С другой стороны, методы основывались на классических представлениях о том, как необходимо оказывать врачебную помощь. Эти представления происходили из идей, выдвинутых еще в античности. Соединение данных представлений, подкрепленных практическим опытом, помогало лечить пациентов, хотя и не так эффективно, как это позволяет делать современная медицина.

Примечания

¹ Kiple K.F. Cholera and Race in the Caribbean // Journal of Latin American Studies. 1985. № 1. P. 168.

² Giné y Partagàs J. Curso elemental de Higiene Privada y Pública. Barcelona, 1871. P. 148.

³ Kiple K.F. Op. cit. P. 169.

⁴ Gaceta del Gobierno de Puerto Rico. 1855. 15 de noviembre (№ 139). P. 1. [Электронный ресурс] URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/2013201074/1855-11-15/ed-1/seq-1/> (дата обращения 17.12.2020).

⁵ Gaceta del Gobierno de Puerto Rico. 1856. 10 de mayo (№ 57). P. 1. [Электронный ресурс] URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/2013201074/1856-05-10/ed-1/> (дата обращения 17.12.2020).

⁶ Suplemento de «La Gaceta de Madrid» publicando un oficio de la Real Junta Superior Gubernativa de Medicina y Cirugía en el que se explica el método curativo a adoptar para el tratamiento del cólera morbo-asiático. [Электронный ресурс]. URL: <http://pares.mcu.es/ParesBusquedas20/catalogo/description/6296379?nm> (дата обращения 03.02.2021).

⁷ Recorte de una publicación, sin que se indiquen datos de su título, que contiene un artículo científico acerca del «cólera-morbo», escrito por el doctor A. de Grand-Boulogne. [Электронный ресурс]. URL: <http://pares.mcu.es/ParesBusquedas20/catalogo/description/4025164?nm> (дата обращения 02.03.2021).

⁸ Ibid.

⁹ Suplemento de «La Gaceta de Madrid»... URL: <http://pares.mcu.es/ParesBusquedas20/catalogo/description/6296379?nm> (дата обращения 05.02.2021).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Recorte de una publicación... URL: <http://pares.mcu.es/ParesBusquedas20/catalogo/description/4025164?nm> (дата обращения 02.03.2021).

¹² Suplemento de «La Gaceta de Madrid»... URL: <http://pares.mcu.es/ParesBusquedas20/catalogo/description/6296379?nm> (дата обращения 05.02.2021).

¹³ Gaceta del Gobierno de Puerto Rico 1855. 15 de noviembre (№ 139). P. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/2013201074/1855-11-15/ed-1/seq-1/> (дата обращения 17.12.2020).

¹⁴ Gaceta del Gobierno de Puerto Rico. 1855. 4 de diciembre (№ 145). [Электронный ресурс]. URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/2013201074/1855-12-04/ed-1/> (дата обращения 02.05.2021).

¹⁵ Gaceta del Gobierno de Puerto Rico. 1855. 15 de noviembre (№ 139). P. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/2013201074/1855-11-15/ed-1/seq-1/> (дата обращения 17.12.2020)

Стратегии конструирования
трансдисциплинарной исследовательской модели
(на примере социокультурного феномена
голода викторианской Англии)

Аннотация. Анализ ролей социокультурных практик в контексте изучения специфики повседневно-бытовой стороны жизни индивидуумов и общества в целом на современном этапе развития исторической науке обосновывает для исследователя задачу синтеза эпистемологических подходов для моделирования междисциплинарный исследовательских моделей и их специфичного вида – трансдисциплинарных построений. Наиболее перспективными направлениями междисциплинарных научных школ сейчас могут быть признаны интердисциплинарные и трансдисциплинарные исследования, реализуемые на основе одноименных подходов. В избранном для статьи контексте голод предстает и интерпретируется как социокультурное явление, становящееся предметом социальной стигмы и вписанное в рамки викторианской морали. Сконструированная исследовательская модель изучения голода как фактора социокультурного пространства может расширить свои границы за счет эпистемологической реструктуризации инструментария историка при использовании многомерности трансдисциплинарного подхода и дальнейшего расширения границ исследования.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, междисциплинарность, интердисциплинарность, исследовательская модель, голод, викторианская Англия, социокультурная история, новая социальная история.

Фиксируемая тенденция, которая начала реализовываться на рубеже XX–XXI вв., к сближению естественнонаучного и гуманитарного, в том числе – исторического, меняет методiku подбора исследовательских медолов и выдвигает на передний план задачу

конструирования исследовательской модели, специфика построения которой в большей степени вызывается не узкой предметной областью, а характерными особенностями предмета изучения, которые влияют на подбор и выбор исследовательского инструментария, а сама роль и гносеологическое расположение исторических дисциплин, как и самого историко-знания, находится под влиянием расширения в науках актуальных и все более востребованных принципов междисциплинарности, которые на современном этапе развития гуманитарного знания преимущественно реализуются в своем интердисциплинарном и трансдисциплинарном модусе, что соответствует научному поиску в рамках постнеклассической научной парадигмы.

На сегодняшний день, когда создание и развитие инновационных стратегий изучения прошлого концентрируется в пространстве, выходящем далеко за пределы дисциплинарных границ в общей системе научного знания, теоретическая база социально-гуманитарных исследований обретает новое качество в моделях постановки и решения трансдисциплинарных задач. Актуальные историко-теоретические исследования успешно используют и демонстрируют эвристический потенциал междисциплинарных подходов и учитывают перспективы последующего развития концептуальных оснований различного уровня междисциплинарного синтеза. В этом контексте большую актуальность получает сложный процесс «состыковки» теоретических оснований, методов, исследовательских технологий и понятийно-терминологических систем взаимодействующих дисциплин, но также – не в меньшей степени – их адаптации к процедурам исторической критики и интерпретации источников.

Методы интерпретации минувшего считаются определяющим моментом процесса исторического знания, и для историка абстрактное познание вместе с практическим освоением новейших стратегий и моделей изучения – базисное условие и действенный инструмент умножения познаний о минувшем на материалах, извлеченных из исторических источников. Поиск и концептуализирование оптимизированных аналитических моделей, новые разработки в эпистемологическом и методологическом поле делают возможным акцент историка на ранее не находившиеся в центре внимания явления и события, выявить их связи и взаимодействия. Трансдисциплинарная эпистемология содействует в разработке методик практической композиции и обоюдной корректировки микро- и макроаналитической возможностей в определенных исторических исследовательских работах при создании частных исследовательских моделей, связанных со спецификой исторического источника.

Кризисное явление в современной науке и задача преодоления условий постмодерна все больше актуализирует вопросы создания новых концептуальных форм реализации обновляемых эпистемологических оснований исторического знания. Отечественное историческое сообщество, которое с конца XX в. находилось в условиях рефлексии и переосмысления разрыва как с марксистской, так и классической научной традицией, сейчас реализует научно-методологический поиск новых эпистемологических оснований и методических форм, оформление которых в единые исследовательские практики становится ответом на социальный запрос в ситуации глобальных вызовов человечества и может предложить перспективные направления развития гуманитарного знания, сформировать новые типы научной кооперации в рамках междисциплинарного синтеза.

Осознавая потребность создания новой научной парадигмы, историки находят ее основания в междисциплинарном поле сотрудничества, что позволяет создать обновленные методологические основания. Наиболее перспективными направлениями междисциплинарных научных школ сейчас могут быть признаны интердисциплинарные и трансдисциплинарные исследования, реализуемые на основе одноименных подходов. Следуя за работами философов науки и философии синергетического научного знания (прежде всего необходимо отметить работы В.И. Аршинова, В.Г. Буданова, А.А. Крушанова, Т.А. Лукьянова, В.С. Мокия и др.), в отечественной историографии разрабатываются в настоящее время собственные модели междисциплинарного синтеза. При их конструировании идет одновременно два процесса: с одной стороны, размываются картезианские границы строгих дисциплинарных рамок, с другой стороны, в центр построения модели помещаются потребности частного исторического исследования, специфика комплекса подобранной и доступной источниковедческой базы, тогда как особенности реализации того или иного метода строго внутри одной науки отодвигаются на второй план.

Интердисциплинарные исследования в истории сейчас выступают новой ступенью интеграционных процессов в кросс-дисциплинарном подходе (современная историография интердисциплинарности может быть представлена работами Ю.В. Бушмакиной, Д.Б. Вершининой, А.В. Лубского, А.А. Сидорова, А.В. Хазиной и др.). В этом ракурсе ученый работает в рамках границ исторической науки и приобщает к своему исследованию метод и/или данные социальных и гуманитарных наук, снижая строгость дисциплинарных границ, а сама цель исследования формируется на стыке истории и выбранной, в данном случае, субдисциплины.

Таким образом, в интердисциплинарных исследованиях формируется своеобразная среда социально-гуманитарного знания, где методы приобщаемых дисциплин реализуются в хронотопах прошлого и ретроспективном анализе. Трансдисциплинарный подход (весомый вклад в изучение которого внесли отечественные историки-методологи О.В. Воробьева, Л.П. Репина, К.В. Хвостова) в меньшей степени зависит от методологических основ классического исторического знания и, если позволяет источниковая база, переориентирует исследование на необходимость казуального рассмотрения выбранного историком факта или процесса, создавая индивидуальную модель исследования где специфика предмета изучения очерчивает предполагаемый круг дисциплин, практикоориентированный инструментарий которых, в свою очередь, согласуется с целью исследования и приобщается к корпусу привлекаемых методов. Единство метода, сконструированного историком в своем частном исследовании с использованием принципа трандисциплинарности является продолжением идеи о метанауке (Э. Ласло), способной помочь в преодолении кризиса постмодернистского научного дискурса.

Методологическая трандисциплинарная модель изучения повседневно-бытовых практик может быть сконструирована на базе подбора и иерархизации прежнего «традиционного» инструментального комплекта, подобранного для задач определенного единичного исследования с учетом специфичности источниковой базы и феноменологических параметров самого объекта изучения. Подобная трандисциплинарная методологическая модель станет представлять собой «высшую ступень»¹ реализации кросс-дисциплинарного синтеза. Однако, необходимо отметить, что выдвижение единственной исследовательской модели подразумевает внедрение синхронизированного и согласованного концептуального категориального аппарата, а также интеграцию конкурентных подходов для всеохватывающего разрешения исследовательской проблемы.

Описанная стратегия конструирования исследовательской модели для определенного казуального исторического изыскания приводит, с одной стороны, к размыванию пределов предметной области и границ отдельных областей дисциплин, с другой стороны, формирует для исследователя возможность применять различные методологические интерпретации рассматриваемых процессов. Интегрированная модель может иметь как однородный, так и асимметричный характер. В первом случае модель строится на основе структуризации набора отдельных методов, в которых ни один из них не является доминирующим. Создается поле однородной выборки (первое синтезирование) исследовательских

инструментов, оказывающих – каждый в своем сегменте – пропорциональное к другим методам влияние, что позволяет рассмотреть изучаемый исторический процесс, как и отдельное событие, через многофакторную методологическую призму. В таком случае полученные результаты каждой отдельной исследовательской операции создают своеобразный kaleidoscope выводов, теоретическое осмысление которого также будет требовать синтеза (второе синтезирование) для аргументации и представления единого исследовательского результата. Однако, такая одномерность является скорее идеальным случаем построения исследовательской модели. Уже на этапе знакомства с корпусом исторических источников по заданной теме, становится очевидным, что одномерное применение методов зачастую оказывается невозможным из-за специфики подобранных источников. Для отдельно взятой исследовательской задачи рациональнее использовать какой-то один доминантный метод или подход, тогда как другие выбранные методы будут выступать скорее его спутниками, корректирующими общую траекторию движения системы. Однако эту ситуацию нельзя представить как иерархию и соподчинение методов, выделяя части из них как вспомогательные и менее значимые. Трансдисциплинарность здесь предлагает использование именно системной модели, где множество элементов создают единство и определенную целостность структуры. Происходит интеграция разноразмерных методологических элементов в единую асимметричную исследовательскую структуру, предлагающую обобщенный результат, отвечающий на заданный историком познавательный запрос.

Переживая эпистемологические следствия прагматического и антропологического поворотов, современная историография стремится к сопряжению качественного разнообразия социальных процессов с деятельностью акторов, с присущим им культурными стереотипами, поведенческим паттернам, вариативности и изменчивости идентичности, мотивацией и ценностями. Для прагматической эпистемологии, фундамент которой связан с трансдисциплинарным способом проблематизации различных социокультурных практик, в круг актуальных проблем попадают вопросы формирования, функционирования и трансформации ценностей, влияющие на социальные и культурные нормы, которые становятся императивом для образа мыслей и поведения исторического человека, что становится особенно заметным в областях, связанных с ними и сформировавших их социальных практик, при практическом воссоздании которых реализуются, институционализируются и могут переопределяться социальные границы, модели взаимоотношений и паттерны взаимо-

зависимости причин и следствий на макроисторическом уровне. Нормативно зафиксированные, социально регламентируемые и детерминированные поведенческие модели на бытовом уровне, рутинизируясь, становятся привычными, постоянными, рядовыми и, что важнее «правильными» повседневными практиками, становятся нормой, которая выступает манифестацией традиции или обычая, образа жизни внутри той или иной культуры². В таких практиках через воспроизведение социальных паттернов реализуются культурные стереотипы, поддерживаются и заново определяются границы допустимого, приемлемого и одобряемого культурой сообщества. В этом контексте актуализируются методы социальной психологии, которая в социокультурной исторической ретроспективе позволяет осветить вопросы, связанные с различиями, соотношением и взаимосвязью между культурными практиками (традициями, нормами, моралью) и культурными ценностями, которые, в процессе реализации, фиксации и повторения могут пережить рационализацию социумом, адаптацию и последующую культурную трансформацию с последующим включением в иерархию системы ценностей, порождая новые границы «допустимого», одобряемого и порицаемого. Особенно интересно здесь рассматривать повседневные практики социокультурной истории конфликтных переломных эпох, одной из которых стал XIX в., общество которого переживала мощнейшие трансформационные процессы, импульсом для развития которых стала промышленная революция и культурное переживания ее социальных следствий.

Наиболее остро потребность построения трансдисциплинарных теоретических моделей ощущается в таких точках исследовательских полей, где находит свое пересечение социокультурные и культурно-бытовые практики, которые единично, внутри себя включают полидисциплинарными построениями предыдущих поколений историков, чей научный поиск совпал со временем развития актуальных научных направлений социальной истории. Однако, определяя место трансдисциплинарных моделей в системе исторических исследований, необходимо упомянуть емкое определение М. Фуко о историческом человеке, как «человеке, который живет, трудится и говорит, так как любое содержание истории получает свой импульс отправления от психологии, социологии, науках о языке. И обратно, так как человеческое существо становится полностью историческим, никакое анализируемое гуманитарными науками содержание не может оставаться замкнутым в самом себе ...история образует среду гуманитарных наук»³. Таким образом, изучение многообразия социокультурного поля и вопросов связанных с частной

жизнью индивида в исторической ретроспективе позволяет, а на современном этапе развития науки и требует, привлечения всего спектра исследовательского методологического арсенала из различных областей знания.

Качественно изучение частно-бытовой жизни в контекстах социокультурного ракурса выдвигает фронтальной задачей проблему переосмысления роли ментальности и ценностей, ее влияние на историю повседневности. Конструируя исследовательскую трансдисциплинарную модель изучения голода викторианской Англии, на передний план выдвигаются культурно-аксиологические и психогенные факторы восприятия и трактовки голода сквозь призму социальной морали, которая детерминировала и контролировала повседневные практики, влияла на разновекторную динамику социальной трансформации английского общества XIX в.

Топос викторианской Англии не позволяет фиксировать прецеденты массового голода как явления, характерного для всей территории или в каждой социальной группе. Однако, к началу XIX в. продовольственная безопасность Великобритании не была устойчивой – наполеоновские войны, континентальная блокада создавали ограничения для импорта зерна. В результате, несмотря на относительное сохранение смертности на уровне 1790-х гг., сложившаяся к первой трети XIX в. ситуация свидетельствует об усилении роли мировоззренческой категории голода в трактовке, оценке и понимании социальных и демографических процессов в кругу британской правящей элиты. Английский историк С. Гриффин резюмирует, голодная смерть оставалась постоянным страхом и угрозой социальной стабильности, «и хотя народы Англии находились вне разорительного биологического голода, они были далеко не свободны от страхов, связанных с голодом и его последствиями, как и самой угрозой голода»⁴. К 1840-м гг. в британском социуме складывается парадоксальная ситуация, в результате которой определяющим для протестных настроений в обществе, связанных с недостатком пищи, становится не сам голод, доступность и качество продуктов или их нехватка для потребителя, а культурные и психологические установки, связанные со страхами. При этом такие опасения среди властной элиты переплетались со страхами перед анархией – революцией и кровавыми бунтами, которые были столь ярки в континентальной Европе. В частности, еще Мидлендского восстания 1607 г. и вышедшего после него эссе Френсиса Бэкона «О волнениях и неприятностях», где приводились причины бунтов, в среде политической элиты утвердилась установка, что «худшее восстание – это восстание живота»⁵ и в условиях соци-

ального кризиса викторианского периода переводило проблемы продовольственного снабжения в статус конфликтогенного фактора – триггера вероятных революционных потрясений.

В сформированном контексте появляется необходимость рассматривать категории голода и голодной смерти как специфичную часть социокультурного пространства викторианской Англии, как фактор, влияющий на остроту социального конфликта и уровни радикализации различных групп. Что в свою очередь меняет эпистемологические границы изучения голода, перенося его из предмета только бытовой истории, в область изучения социокультурной, культурной и психоистории. И если ситуация массового голода, прецеденты которого могут быть зафиксированы в исследуемый период вне метрополии, могла оказать заметное влияние на политическую, экономическую и социальную сферу государства в определенный хронологическими рамками данного явления период, позже оставшись в памяти, то голод как социокультурное явление остается постоянно действующим фактором, который, в той или иной степени усиливаясь в зависимости от социальной ситуации (прямо не связанной с питанием), оказывал влияние на мировоззренческие установки, повседневные поведенческие императивы, психологическое восприятие бедности и нищеты, окружавшей англичанина в условиях системного социального кризиса – негативных последствий промышленной революции.

Отсутствие непосредственной прямой связи между ограничением потребления и уровнем радикализма в обществе сближается с тезисом исследователя Э.П. Томпсона, согласно которому детерминация социального поведения может объясняться обычаями и культурой, которые на основе исторического опыта формировали специфичную модель оценивания социальных процессов. При наличии первичного стимула дистресса, поведение вкладывается в выполнение более сложной, культурно опосредованной функции. Э.П. Томпсон утверждал, что почти в каждом выступлении толпы можно было обнаружить легитимное основание, подразумевающее под «что мужчины и женщины из толпы искренне верили в то, что они защищают традиционные права или обычаи; и, в целом, что они поддержаны более широким консенсусом общества»⁶. Отношение к обществу как единой культурной среде требовало от викторианцев реализации равностороннего диалога между властной элитой и бедняками, что в восприятии бедняков требовало проявления в вопросе продовольственного обеспечения патерналистских действий от элитарных слоев общества и следование принципу моральной экономии. Проблема голода вызывала протест не сама по себе, а как восприятие ее выраженной формой

нарушения договора народа и власти, который должен был обеспечивать социальный мир.

В викторианский период формируется новый дискурс рабочего человека – «голодный работник». Увеличение темпов урбанизации способствовало привлечению внимания моралистов к тем поведенческим особенностям городских рабочих, в которых видели причину бедности и голода, считалось, что лень и аморальная повседневность городских трущоб вызывали нищету. Переориентация локуса внимания на пространство города, чье снабжение продовольствием происходило из деревни, сформировал для деятелей искусства большую свободу в репрезентации сельской местности и ее жителей. Сельскохозяйственные рабочие изображались как трудолюбивые, целомудренные, трезвые люди, занятые работой, но выглядящие изнеможенными и худыми⁷. Искусствовед Дж. Барелл резюмирует, что изображение трудолюбивых работников было необходимо для формирования позитивного образа англичанина и утверждения в сознании викторианцев британской протестантской идентичности, связанной с трудолюбием, несмотря на тяготы жизни⁸. Подобная тактика была необходима не только для формирования одобряемого социального поведения англичанина и воспитания нравов, но и для трансляции позитивного образа британца за границами метрополии. Дихотомия образа «голодающего работающего» и «порицаемого голодающего» создавала противоречие в мировоззрении рабочего и формировало конфликт в его рецепции голода. В культуре городских низ был сконструирован страх голода, основания которого не выражались исключительно в биологическом страхе смерти или болезнями. Страх голода предстает как явление социокультурное, которое было связано с социальным моральным порицанием, неприятием личности рабочего общественными группами, страхом социального отчуждения. Таким образом, страх, который утверждался и развивался на фоне недоедания, скудного рациона рабочих и прецедентов голодной смерти стал страхом перед моральным падением, которое не могло вписываться в строгие рамки одобрения специфичной моралью и было неприемлемым вариантом идентичности викторианца. Также социальной стигма к человеку, помещенного в рабочий дом, в ряде случаев могла создавать конфликт в культурном ландшафте восприятия голода среди средних и элитарных классов. Так, если рабочий, имеющий хорошую общественную репутацию, вдруг оказывался в ситуации нужды – из-за болезни или вынужденной безработицы, то в общественной оценке он утрачивал образ «правильного» трудолюбивого рабочего и приговаривался к образу «порицаемого» – неработающего, ленивого аморального жителя трущоб. И если во

второй половине XIX в. распространяются кассы взаимопомощи рабочих, кооперативы и профсоюзы, поддерживающие бедняков в периоды экономических кризисов, то в ранневикторианский период рабочая семья могла рассчитывать только на собственные сбережения и помощь родственников, сталкиваясь лицом к лицу с общественным осуждением, которое прежде активно поддерживало образцовую с точки зрения общественной морали семью.

Концепт «труда» как ведущей мировоззренческой категории оказывался решающим в оценке рабочего общественным мнением, которое оказывается способным в отдельных случаях понизить авторитет «права» как значимой ценности в понимании социальных процессов. Идея трудолюбия вызвала больший отклик и сочувствие в глазах общественности и присяжных по делам бедняков. Демонстрация связи «голода» и «труда» в позитивной коннотации трудолюбия рабочего вызвала сочувствие и участие общественности в судьбе рабочей семьи.

Распространение массового голода оценивалось как несостоятельность проводимой политики властей, политические радикалы призывали «избавить Мегалополис от сокрушительной бедности, избавить от ужасного национального позора англичан, умирающих от голода на наших улицах»⁹. Голод в восприятии викторианца был вписан в сетку мировоззренческих категорий и моральных ориентаций общества, в структурно-смысловую систему действующих социокультурных практик и, в частности, в сложившиеся паттерны повседневно-бытового поведения англичанина. Совершенствуясь на местах в вопросах быта и обеспечения, модель законодательства о бедных становилась по-настоящему рабочей только в рамках проведения всего комплекса социального законодательства средневикторианского периода, позволившей во всей своей совокупности реализовать отдельно взятый закон в повседневной практике. Средневикторианская эпоха стала переходным трансформационным этапом, от конфликтогенной ситуации 1830-х и 1840-х гг. с господством мальтузианской идеологии, слабым межклассовым диалогом и многоаспектным порицанием бедности до поздневикторианского периода, с идеей движения к всеобщему благоденствию и консолидацией социальных групп. Ситуация, в которой находились наиболее бедные слои рабочего населения характеризовалась современниками как «полуголодание нашего промышленного населения»¹⁰, «состояние полуавтоматического голода»¹¹. Проблема недоедания в конце века еще сохранялась, как и связанные с ней страхи, однако острота конфликта ослабевает. После проведенных социальных реформ в третьей четверти XIX в. меняется дискурс голода, само общество, прежде всего интеллигенция,

готовы разрабатывать и предлагать беднякам пути преодоления ситуации голода, разрабатываются рецепты для бедных и новые научные принципы экономной кулинарии.

В это же время реализовался процесс снижения опасений, связанных со страхом голода, можно предположить, что межпоколенная генерация страха голодной смерти к началу века снижает свои темпы и социальная травма голода к началу XX в. уже не ощущается англичанами столь остро. При этом, сплетаясь с моральными ориентирами эпохи, уровень реализации социокультурной практики переходит из плоскости управленческого и законодательного регулирования в усиление идеологического и морального воздействия, выражающегося в деятельности общественных организаций и движений, поддерживающих распространение новой социальной морали, которая подразумевала обновление «низовой» культуры и влияние на поведенческий индивидуальный выбор человека. Тогда как законодательное поле и проводимые реформы должны были сделать зарождающиеся и уже действующие социальные лифты более понятными и доступными для бедняков, готовых принять новую социальную культуру.

Изменение расположения голода как социокультурного явления в пространстве социального диалога формировало для общественного бессознательного эмоциональный разрыв поколений в вопросе интерпретации дихотомии «голод – изобилие». К началу XX в. старшие поколения бедняков продолжают находиться под влиянием социальной травмы их отвержения и стигматизации социумом, продолжают отказываться принимать помощь через работный дом. Напротив, среди молодых людей и лиц среднего возраста все меньше приверженцев самостигматизирования в контексте обращения за помощью в случае нужды и голода. Разнонаправленные векторы концептуализации и интериоризации взаимосвязей внутри феноменологической триады «еда – труд – голод» у разных поколений викторианцев способствовали сначала обсуждению и созданию, а затем и постепенному внедрению системы пособий и пенсий по возрасту, взамен системы работных домов.

Таким образом, в анализе восприятия голода и бедности в викторианской Англии социокультурный и ценностно-мировоззренческие компоненты оказываются доминирующими, а ценности культуры выступают поведенческими императивами в оценке естественно-биологических явлений, отраженных в социальном пространстве.

Примечания

¹ *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 27.

² *Frese M.* Cultural Practices, Norms, and Values // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2015. Vol. 46. № 10. P. 1327–1330.

³ *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А – cad, 1994. С. 385–389.

⁴ *Griffin C.J.* The Politics of Hunger: Protest, Poverty and Policy in England, c. 1750 – c. 1840. Manchester: Manchester University Press, 2020. P. 3.

⁵ *Bacon F.* The Works of Francis Bacon, Baron of Verulam, Viscount St. Alban, and Lord High Chancellor of England. L.: C. and J. Rivington, 1826. P. 277.

⁶ *Thompson E.P.* The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // *Past & Present*. 1971. Vol. 50. P. 78–79.

⁷ *Barrell J.* Sportive labour: The farmworker in eighteenth-century poetry and painting. Camb.: Cambridge University Press, 1992. P. 107.

⁸ *Ibid.* P. 126.

⁹ Bee-Hive. 1869. Dec. 18.

¹⁰ Bee-Hive. 1878. Nov. 9.

¹¹ Bee-Hive. 1878. Aug. 17.

ИСТОРИЯ РОССИИ
В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Исследование гравированных титулов и входных гравюр старопечатных книг как междисциплинарная задача

Аннотация. Раскрытие замысла создателей книжных гравюр, понимание содержания и смысла гравированных изображений, большинство из которых представляют собой сложные аллегорические композиции, насыщенные богословскими и политическими идеями, важны для интерпретации сюжетов и образов, использовавшихся в русской художественной культуре XVII – начала XVIII в. К сожалению, в науке давно сложилась практика отдельного изучения гравированных иллюстраций и текстов книг учеными разных научных специализаций, что приводит к многочисленным ошибкам и исследовательским заблуждениям. Цель данной статьи – показать необходимость и эффективность междисциплинарного подхода на опыте изучения титула и входной гравюры (форты) книги Лазаря Барановича «Меч духовный». Приведенные в статье примеры показывают, что исследование гравированных титулов и входных гравюр печатных книг второй половины XVII – начала XVIII в., должно рассматриваться как междисциплинарная задача. В первую очередь, это касается значительных в литературном и художественном отношении изданий, предназначенных в подношение русским государям. Их составители принимали активное личное участие в создании иконографических композиций гравюр, корректный подход к изучению которых невозможен без учета содержания и смысла текстов предвещающих книги предисловий.

Ключевые слова: русская культура, старопечатная книга, гравюра, предисловие, междисциплинарный подход.

Роль старопечатных книг XVII – начала XVIII в. с гравированными титулами и иллюстрациями в трансформации русской культуры допетровского и раннего петровского времени давно

оценена специалистами¹. Эти издания, не только богослужебного, но и назидательного содержания, выходили большими тиражами и широко распространялись по всей территории Московского государства. Значительная часть из них попадала в монастырские библиотеки, а их гравюры становились образцами, использовавшимися церковными иерархами и крупными иконописцами для составления иконографических программ и композиций икон и храмовых стенописей². Поэтому раскрытие замысла создателей книжных гравюр, понимание содержания и смысла гравированных изображений, большинство из которых представляют собой сложные аллегорические композиции, насыщенные богословскими и политическими идеями, важны для интерпретации сюжетов и образов, использовавшихся в художественной культуре той эпохи.

Украшенные гравюрами «литовские» (то есть киевские, черниговские, львовские) и московские издания постоянно привлекают внимание исследователей еще с позапрошлого века (начиная с Д.А. Ровинского). При этом сложилась практика раздельного изучения гравированных иллюстраций и текстов книг учеными разных научных специализаций. Зачастую при анализе гравюр упускается то важное обстоятельство, что в создании их иконографии чаще всего принимали участие богословы и писатели — авторы книги, и релевантный результат можно получить только в процессе параллельного изучения изображения и текста. Пренебрежение фактом очевидной тесной связи гравированного титула и входной гравюры с идейным замыслом предваряемого ими сочинения неизбежно порождает исследовательские заблуждения. В каталожных описаниях гравюр и аналитических работах исследователей до сих пор встречается большое количество неточностей и ошибочных суждений, касающихся как общего содержания изображения, так и символики его отдельных образов и элементов.

Конечно, было бы преувеличением утверждать, что в публикациях отечественных специалистов полностью игнорировалась взаимосвязь изображения и текста в печатной книге XVII — начала XVIII в. Исследователи культуры барокко давно выявили и анализировали в своих работах характерное для него активное взаимодействие и взаимопроникновение различных видов искусств. Многие из них видели в качестве одной из задач изучения барокко «комплексное исследование синтетических жанров, позволяющее выявить особенности и место каждого искусства в общей системе художественного произведения»³. Но публикации, посвященные конклюдиям, к жанру которых относились и многие книжные гравюры рассматриваемого нами хронологического периода, были

немногочисленны. Интерес к конклюдиям постепенно отошел на второй план исследовательского внимания, а некоторые качественные и важные работы оказались, на наш взгляд, недооцененными и выпали из активного оборота. Поэтому при эпизодическом обращении современных исследователей к изучению аллегорических и символических изображений на титулах и входных гравюрах книг раннего Нового времени их методологические послышки и методический опыт не учитывается.

В данной статье необходимость и эффективность междисциплинарного подхода мы попробуем показать на опыте изучения титула и входной гравюры (форты) книги Лазаря Барановича «Меч духовный»⁴. В последние десятилетия исследователи начали обращаться не только к тексту «Меча», его концепции, литературным и богословским образам и метафорам (В.П. Гребенюк, Н.Д. Горьска, Е.Ю. Матушек и др.), но и к его иллюстрациям. В первую очередь, их внимание обращено на сюжетную рамку титульного листа и следующую за ней гравюру. Только два этих гравированных листа были выполнены специально для издания данной книги проповедей Лазаря Барановича. Все остальные ее иллюстрации подобраны из набора досок, находившегося в распоряжении Киево-Печерской типографии, и неоднократно использовавшегося в других изданиях⁵.

Гравер, создавший оригинальные композиции для «Меча духовного», неизвестен. Но с довольно большой уверенностью можно предположить, что составителем их иконографии был сам Лазарь Баранович. Из его письма к Варлааму Ясинскому, содержащего подробный проект композиции для форты другой книги «Трубы словес проповедных на нарочитыя дни праздников» 1674 г., можно сделать вывод, что Лазарь принимал непосредственное и активное участие в «сочинении» иллюстраций для первых листов изданий своих трудов⁶. Писал он тому же адресату и о «Мече духовном», но более кратко⁷.

Как отмечал еще Ф.И. Титов, «Меч духовный» принадлежит к тому кругу религиозно-нравственных и ученых изданий Киево-Печерской типографии, которые изначально предназначались для подношения царю Алексею Михайловичу и членам его семьи⁸. В России этого времени, в том числе у самого царя уже сформировался интерес к подобным книгам с литературными и гравированными панегириками в адрес правящей династии. Но далеко не все аллегии и символы, зашифрованные в изображениях, были понятны. Дабы не утомлять и не раздражать государя и его приближенных разгадкой их смыслов, к гравюрам прилагались подробные толкования сюжетов в виде обращенных к царю и прочим читателям предисловий. Так обстоит дело и с «Мечом духовным».

В составлении композиции сборника Лазарь Баранович следовал еще позднесредневековой традиции, сложившейся в «литовской» книжности в конце XVI в., когда основной текст издания предваряли несколько прозаических и стихотворных предисловий, готовящих разум читателя к пониманию его основного содержания. В XVII в. под влиянием барокко к разъяснению смыслов подключались также титульные листы и входные гравюры с их аллегорическими композициями и символическими элементами⁹.

В случае «Меча духовного» титульный лист, форта и тексты предисловий одного стихотворного и двух прозаических, обращенных к царю Алексею Михайловичу и к некоему абстрактному «читателю», представляют своего рода затейливо устроенный портал или пропилен, вводящие в книгу и объединяющие составляющие ее проповеди общей идеей Божьего покровительства государю. По мысли Лазаря Барановича тема книги обусловлена сложившейся ситуацией, когда в канун возможного конца света русский царь сосредоточил в своих руках после опалы патриарха Никона оба меча власти (светский и духовный). Гравированная рамка титульного листа включает множество микросюжетов, связанных с истолкованием метафоры «меча духовного». На следующем за титулом развороте помещены стихотворное предисловие и иллюстрирующая его гравюра. Предисловие поименовано Лазарем Барановичем «На его пресвѣтлаго царского величества знамение». Гравюра в исследовательской литературе традиционно именуется «Род правых благословится», согласно надписи на ленте-бандероли, размещенной в центре композиции.

В общих чертах иконографическая схема и детали гравюры воспроизводят сюжетные ходы стихотворного предисловия, преподносящего семью царя Алексея Михайловича как праведный род, ниспосланный Богом и назначенный править на земле до конца времен, а затем бесконечно на небесах. Царский дом благословен как звезды. Имя его главы, названного в честь Алексея Божьего Человека, также свидетельствует о его особой миссии, святости и связи с небесным покровителем.

Идея Божьего покровительства русскому царю и его роду в стихотворном предисловии сформулирована литературно изящно, но слишком поверхностно. Для ее понимания необходима богословская образованность, позволяющая расшифровывать метафоры и улавливать намеки на библейские и евангельские цитаты. Поэтому, если внимательно рассмотреть прилагающуюся к виршам гравюру, становится ясно, что это не прямая иллюстрация рифмованного текста, а следующий этап раскручивания сюжета о благословенном и праведном царском роде. Все эле-

менты и микросюжеты изображения сопровождаются бандеролями с сокращенными цитатами из Писания, отсутствующими в стихотворном предисловии. При этом общий смысл аллегорической композиции «Род правых благословится» и ее символические детали, в свою очередь, нуждаются в дополнительном истолковании. Данное визуальное высказывание, как это вообще свойственно искусству барокко в целом и барочной конклюдии в частности, сложно зашифровано и перегружено элементами, обладающими своими богословскими и политическими значениями.

Подробному толкованию виршей и гравюры посвящено первое прозаическое предисловие «До его пресветлого царского величества...», открывающееся посвящением «Божиею милостию великому Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу...». Постепенно развивая сюжет о Божьем благословении царской семье, Лазарь Баранович обосновывает династическую идею о роде русских праведных государей. Он происходит от «праведного корня» крестителя Руси равноапостольного князя Владимира и имеет праведные, но не плодоносящие отростки – святых «сродников» в лице князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Царскому древу покровительствует сам Господь. Правящий государь Алексей Михайлович уподоблен Орлу, а через него Христу. В своем же служении Кресту он сопоставим с римским императором Константином. Царь и его супруга Мария Ильинична Милославская с благоговением взирают на Христа и Богородицу, заботятся о Церкви, поэтому не только сами получают Господню поддержку, но и обеспечили ее своим потомкам, всему царскому роду, на земле и на небесах.

Подводя итог своим рассуждениям, тщательно подкрепленным цитатами и ссылками на Писание и Святых Отцов, Лазарь Баранович констатирует, что Алексей Михайлович, как достойнейший государь, избранный самим Богом, должен не только царствовать и защищать страну от врагов, но и заботиться о церковном благе. Кроме венца и меча христианского воина он получает и духовный меч – глас Божий, чтобы неустанно пасти своих подданных («Орел не без меча будет духовного»).

Толкование богословской и литературной метафоры «меч духовный» развернуто во втором прозаическом предисловии «К читателю». Оно обращено не только к следующему за ним компендиуму проповедей, но и к сюжетной раме титульного листа книги. Но вновь, как и в случае с фортой, сюжеты титула являются не точной иллюстрацией этого предисловия, а дополнительным визуальным толкованием теперь уже его содержания.

Таким образом, очевидно, что вводная часть «Меча духовного» Лазаря Барановича должна рассматриваться как единый

визуально-книжный текст. Для получения репрезентативных результатов изучения любой из его частей исследователь не может забывать о целом и оказывается перед необходимостью использовать методы филологического, искусствоведческого и культурологического анализа. Осуществить их синтез возможно в рамках источниковедческого парадигмы исторического знания.

Источниковедческий подход к изображениям эксплицирован в известной специалистам и тематически близкой к нашему исследованию диссертационной работе О.П. Святухи «Репрезентация самодержавной власти в русских портретах XVII в.»¹⁰. Автор диссертации заявляет, что рассматривает произведения искусства как особый вид текстов и специфический вид исторического источника. Для него визуальный источник ценен, в первую очередь, как «фокус духовной жизни эпохи»¹¹.

О.П. Святуха правомерно рассматривает в качестве одной из форм репрезентации «родовой галереи» властителей России изображения Древ царского родословия и справедливо отмечает, что основной идеей таких изображений становится идея преемственности власти¹². Исследовательница относит форту «Меча духовного» Лазаря Барановича ко второму варианту Древа, который, по ее мнению, был основан на библейском образе большого дерева из сна Царя Навуходоносора. Якобы это Древо символизирует не принадлежность к Христу, а собственно царскую власть, понимаемую как основу и опору жизни государства и всех его подданных. Такой вывод основывается на трактовке данного сюжета в «Хрисмалогии» Николая Спафария, также созданном с целью подношения царю Алексею Михайловичу¹³.

С такой интерпретацией символики Древа царского родословия можно было бы и согласиться, если бы она не противоречила текстам поэтического и первого прозаического предисловий к книге Лазаря Барановича с их ярко выраженной идеей уподобления царя Христу, а царской династии роду Иессееву. Следует также отметить, что лицевая рукопись Николая Спафария была создана и поднесена царю в 1673 г. и не могла повлиять на составителя «Меча духовного». Кроме того, в отличие от грекофила Николая Спафария, книжники и граверы круга типографии Киево-Печерской лавры могли обращаться к наследию своих польских коллег, несколькими десятилетиями ранее работавших в том же учреждении над книгами для украинско-белорусской православной церкви¹⁴. Сам Лазарь Баранович после Киево-Братской школы получал образование в Виленской и Калишской иезуитских коллегиях¹⁵. У Хрисмалогии и «Меча духовного» только одна общая черта – апелляция их составителей к эсхатологии Книги пророка Даниила и Апокалипсиса Иоанна Богослова, соответственно.

Подобная методическая ошибка свойственна многим исследователям, пытающимся реконструировать смысл изображений. Э. Гомбрих в работе 1970-х гг., посвященной неоплатоническому символизму картин Боттичелли установил, что сюжеты произведений этого мастера эпохи Возрождения долгое время интерпретировали неверно, так как историки искусства «вчитывали» в них собственные знания об античной мифологии и тексты итальянских гуманистов, которые не имели к замыслам художника никакого отношения. По мнению Э. Гомбриха, мифологические картины Боттичелли не были прямой иллюстрацией популярных в его эпоху литературных текстов, а основывались на не дошедшей до нас программе, специально для них составленной духовным наставником живописца Марсилио Фичино. Поэтому, в виду отсутствия соответствующего литературного источника, чтобы уловить смысл символических композиций Боттичелли, исследователь должен в своих интерпретациях отталкиваться непосредственно от самого изображения и избегать соблазна напрямую сопоставить ему подходящие по сюжету фрагменты текстов различных авторов¹⁶.

О вышеупомянутом ошибочном подходе, сохраняющемся и в наши дни, пишет и основатель современной «символической истории» М. Пастуро. Рассуждая о методологических трудностях интерпретации символики цвета, он призывает исследователей, работающих со средневековыми визуальными источниками, не забывать об их самоценности, автономности, видовых и исторических особенностях: «...оставленные средневековой культурой источники, письменные и изобразительные, никогда не бывают ни однозначными, ни нейтральными. Каждый источник имеет свою специфику и по-своему интерпретирует действительность. <...> Тексты и изображения вообще принадлежат к разным дискурсам и должны изучаться и анализироваться различными методами. Эту – совершенно очевидную – мысль часто забывают, особенно специалисты по иконографии и историки искусства, которые вместо того, чтобы расшифровывать смысл самих изображений, наслаивают на них все, что почерпнули из других источников – в частности, из текстов. Медиевистам следовало бы иногда брать пример с исследователей доисторического периода, которые работают с изображениями (наскальными рисунками), не располагая при этом ни единым текстом: они вынуждены выдвигать гипотезы, искать зацепки и разгадывать смысл, анализируя непосредственно сами изображения, а не проецируя на них информацию, добытую из текстов. Историкам и историкам искусства стоило бы взять на вооружение их метод – по крайней мере, на первом этапе анализа»¹⁷.

В целом соглашаясь с мнением М. Пастуро, все же заметим, что в случае предисловий к печатным книгам, где текст и изображение дополняют и взаимно интерпретируют друг друга их сопоставление совершенно необходимо. Иначе возникает другая опасность – «вчитать» в композицию гравюры трактовку ее аллегорий и символических элементов, заимствованную из толкований визуально схожей, но содержательно другой иконографии.

Такая ошибка допущена Н.М. Абраменко, целью исследования которой был анализ гравюр «Меча духовного» в контексте русского искусства второй половины XVII в.¹⁸ Из всех предисловий книги исследовательница учла только стихотворное, а остальными, видимо, посчитала возможным почти полностью пренебречь. Она отмечает, что гравюра, служащая рамкой титульного листа «наполнена цитатами из Апокалипсиса»¹⁹. Но, как следует из текста ее статьи, надписи на бандеролях в процессе изучения изображения так и не были прочтены и идентифицированы. Аналогичные надписи на форте были и вовсе проигнорированы.

Исследовательница предпочла довериться своим знаниям древнерусской иконографии, и, исходя из них, выстроила модель анализа изображения. Это позволило сделать много интересных и важных наблюдений и выводов, но и послужило причиной ошибочных интерпретаций некоторых символических фигур. В первую очередь, это всадник с мечом в руках, изображения которого в разных микросюжетах встречаются на обеих гравюрах. Всадника на титульном листе Н.М. Абраменко идентифицирует с императором Константином, который в предисловии приводится в пример царю Алексею Михайловичу. Во всаднике на втором гравированном листе она и вовсе видит самого русского государя. При тщательной же реконструкции идейного замысла композиций обеих гравюр, расшифровке цитат на бандеролях и сопоставлении изображений с богословскими рассуждениями Лазаря Барановича в прозаических предисловиях становится ясно, что в обоих случаях всадник является символическим изображением Христа. Но это не хорошо известный по иконописи и фресковой росписи Христос Евангелия, а Христос Апокалипсиса, когда он с мечом и на белом коне встанет во главе небесного воинства, чтобы сразиться со Злом и победить его²⁰.

Приведенные примеры показывают, что исследование гравированных титулов и входных гравюр печатных книг второй половины XVII – начала XVIII в., должно рассматриваться как междисциплинарная задача. В первую очередь, это касается таких значительных в литературном и художественном отношении изданий как «Меч духовный» и «Трубы словес» Лазаря Барановича, «Мир с Богом человеку» Иннокентия Гизеля, «Мессия

праведный» Иоанникия Галятовского», «Алфавит собранный, рифмами сложенный» Иоанна Максимовича, предназначенных в подношение русским государям. Их составители принимали активное личное участие в создании иконографических композиций гравюр, корректный подход к изучению которых невозможен без учета содержания и смысла текстов предваряющих книги предисловий.

Примечания

¹ См., например: *Алексеева М.А.* Жанр конклюдий в русском искусстве конца XVII – начала XVIII в. // Русское искусство барокко: Материалы и исследования. М.: Наука, 1977. С. 7–29; *Сазонова Л.И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 363–482.

² См., например: *Чубинская В.Г.* Икона Симона Ушакова «Богоматерь Владимирская», «Древо Московского государства», «Похвала Богоматери Владимирской» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1985. Т. 39. С. 290–308; *Турицова Н.М.* Литературные источники и политические идеи некоторых сюжетов ярославских икон второй половины XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1989. Т. 42. С. 351–362.

³ *Кукушкина Е.Д.* Текст и изображение в конклюдии Петровского времени (на примере портрета царевны Наталии Алексеевны) // XVIII век. Л.: Наука, 1986. Сб. 15. С. 21–36.

⁴ *Лазарь (Баранович).* Меч духовный. Киев: Типография Киево-Печерской лавры, 1666. 481 л.

⁵ Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв. : Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина / Сост. А.А. Гусева, Т.Н. Каменева, И.М. Полонская. Под ред. А.А. Сидорова. М.: ГБЛ, 1981. Вып. 2. Ч. 1. № 109.

⁶ Письма Лазаря Барановича. Изд. 2-е. Чернигов: Типография Ильинского монастыря, 1865. С. 21–24.

⁷ Там же. С. 28–29.

⁸ *Титов Ф.И.* Типография Киево-Печерской лавры. Исторический очерк. Киев: Типография Киево-Печерской Успенской лавры, 1916. Т. 1. С. 335.

⁹ *Сазонова Л.И.* Украинские старопечатные предисловия конца XVI – первой половины XVII в. (особенности литературной формы) // Русская старопечатная литература XVI – первая половина XVIII в. М.: Наука, 1981. Т. 1. Тематика и стилистика предисловий и послесловий. С. 153–187.

¹⁰ *Святуха О.П.* Репрезентация самодержавной власти в русских портретах XVII в. / Дисс. канд. ист. наук. Владивосток, 2002. 209 с.

¹¹ Там же. С. 3.

¹² Там же. С. 134.

¹³ Там же. С. 134–138.

¹⁴ См.: *Исаевич Я.Д.* Украинско-польские связи в истории книгопечатания (1574–1648) // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Про-

блемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М.: Наука, 1976. С. 202–203.

¹⁵ См.: Корзо М.А. Лазарь (Баранович) // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 39. С. 679.

¹⁶ Гомбрих Э. Символические образы. Очерки по искусству возрождения / Пер. с англ. Е.М. Доброхотовой-Майковой. СПб.: Алетейя, 2017. С. 72–73.

¹⁷ Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / Пер. с фр. Е.С. Решетниковой. СПб.: Александрия, 2019. С. 121–122.

¹⁸ Абраменко Н.М. Гравюра из книги Лазаря Барановича «Меч духовный» в контексте русского искусства второй половины XVII в. // Четвертые Казанские искусствоведческие чтения. Искусство печатной графики: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань, 19–20 ноября 2015 г. Казань: Заман, 2015. С. 8–11.
¹⁹ Там же. С. 8.

²⁰ См. подробнее: Сукина Л.Б. Фреска «Род царствия благословится» в церкви Ильи Пророка (книжные истоки иконографии) // Книжная культура Ярославского края – 2019. Ярославль, 2020. С. 16–26; Она же. «Род царствия благословится»: два случая интерпретации идеи богоизбранности правящего дома Романовых в русской художественной культуре второй половины XVII – начала XVIII в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 3. С. 119–123.

«Галатея» царственного «Пигмалиона»:
к проблеме анализа психосоциальной
идентичности Екатерины I

Аннотация. В статье ставится вопрос о необходимости изучения биографии Екатерины I как самостоятельной личности, в отличие от традиционного подхода, в рамках которого она остается «прилагаемым» к фигуре ее супруга Петра I. Предлагается использовать междисциплинарный подход как средство, во-первых, определенной компенсации недостатка источников личного происхождения, исходящих от Екатерины, а во-вторых, как перспективного способа более полного раскрытия особенностей характера Екатерины и ее отношений с Петром I. Рассматриваются, с опорой на психологические концепции Э. Эриксона и К. Хорни, особенности формирования и функционирования психосоциальной идентичности Екатерины, носящей, как предполагает автор, невротические черты. Выдвигается предположение о травмирующих последствиях для психики Екатерины обстоятельств ее сближения с Петром (пленение и «серийное» наложничество). Приводятся возражения против трактовки образа Екатерины как женщины заурядной, к тому же пассивно сносящей измены супруга. Дается характеристика психологической подоплеки адюльтера Екатерины с Виллимом Монсом. Делается вывод о спутанном характере идентичности Екатерины, не сумевшей полностью приспособиться к новому для нее монаршему статусу (и удовольствоваться им) как при жизни, так и после смерти Петра, и сохранявшей установки на «простое» личное благополучие (при явном умении извлекать-таки пользу из привязанности к ней могущественного государя).

Ключевые слова: Екатерина I, Пётр I, психосоциальная идентичность, историческая биография, междисциплинарный подход.

О Екатерине I как о человеке историкам известно крайне мало. Как правило, ее историческая фигура описывается и характеризуется лишь как «конструкт», созданный волей и запросами царя Петра. При этом вопрос о том, как воспринимала происходящие в ее жизни перемены, вызванные чувствами монарха, сама «Галатеея» весьма важен для понимания как ее собственной биографии, так и интимных сторон жизни ее «Пигмалиона» – Петра. В ситуации дефицита конкретных свидетельств (в нашем распоряжении фактически нет источников личного происхождения, автором которых была бы Екатерина¹) существенную помощь в историческом анализе биографии первой императрицы может оказать междисциплинарный подход, предполагающий привлечение теоретических наработок из смежных гуманитарных дисциплин, прежде всего – психологии и социологии.

Наблюдения за психологическими особенностями Екатерины заставляет подвергнуть критике устоявшееся в историографии нелицеприятное мнение о ней как «женщине вполне заурядной», с невысоким уровнем интеллекта, по выражению Н.И. Павленко². Возможно, насчет интеллекта исследователь прав, однако была ли возлюбленная великого реформатора заурядной? Почему, в таком случае, он остановил свой выбор (при всем его почти безграничном богатстве) именно на ней? Современники, а вслед за ними и историки, среди главных положительных качеств Екатерины в первую очередь называют обходительность, милосердие и доброту. На ранней стадии своей «карьеры», находясь при дворе сестры царя Натальи Алексеевны в Преображенском, она сумела, по словам Е.В. Анисимова, завоевать расположение окружающих «милой, мягкой манерой, трудолюбием и неприхотливостью»³.

А вот что пишет о Екатерине М.И. Семеvский: «Женщина, не только лишенная всякого образования, но даже, как всем известно, безграмотная, она до такой степени умела являть пред мужем горе к его горю, радость к его радости и вообще интерес к его нуждам и заботам, что Пётр, по свидетельству царевича Алексея, постоянно находил, что “жена его и моя мачеха – умна!” и не без удовольствия делился с нею разными политическими новостями, заметками о происшествии настоящих, предположениями насчет будущих»⁴. При этом сама Екатерина не пыталась влиять на государственные дела и не мешалась в «большую политику». Как замечает Е.В. Анисимов: «Несомненно, что предназначение свое Екатерина понимала как служение царю»⁵.

При этом «мягкие манеры» и легкость в общении – те качества, которые по представлениям того времени должны отличать людей (и мужчин, и женщин) придворного круга, что являло собой видимые результаты процесса оцивилизовывания, который, по справедливому наблюдению Н. Элиаса, в первую очередь захватывал (по

крайней мере, в период раннего Нового времени) именно двор, далее распространяясь на другие слои общества⁶. И не менее важно, в особенности в свете будущего единовластного правления Екатерины, что милосердие и доброта издавна воспринимались россиянами как важнейшие качества женщины и царицы, которая могла выступать в качестве заступницы за подданных перед государем⁷.

То есть речь идет об «удачном» сочетании в личном облике Екатерины качеств, субъективно востребованных царем-реформатором (трудолюбие и неприхотливость), и черт (мягкие манеры и легкость обхождения), востребованных европейской (и все в большей мере европеизировавшейся российской) придворной элитой, в определенной мере перекликавшихся с традиционными отечественными представлениями о «доброй жене»⁸.

Но можем ли мы утверждать, что своим возвышением Екатерина обязана лишь везению, завязанному на изначально присущих ей качествах? Думается, вряд ли ей в столь сложной ситуации было достаточно всего лишь быть собой, наверняка ей приходилось прилагать усилия, и немалые, дабы сделать свою головокружительную «карьеру». Мы можем обнаружить лишь отдельные, не всегда однозначные, свидетельства того, что вчерашняя портомоя вовсе не воспринимала все, что происходило с ней, как воплощение сказки о Золушке, и что нахождение рядом с «неистовым реформатором» заставляло ее испытывать серьезные психологические проблемы.

В первую очередь, стоит вспомнить о драматичных обстоятельствах сближения Екатерины, которой не было и двадцати лет, с царем Петром, когда она прошла через пленение, рабство и наложничество (причем при нескольких мужчинах). Нам сложно представить, какой след оставил этот период в психике Екатерины. В традиционном обществе уровень безопасности женщины, как гласят данные гендерных исследований, был значительно ниже, чем в современном, над нею (конечно, речь идет о простолюдинках) постоянно нависала угроза насилия со стороны мужчин⁹, которая резко возрастала во времена войн. Однако нужно учесть и тот факт, что, по имеющимся у нас, пусть пуганым, сведениям, Екатерина была замужем за капралом шведской армии¹⁰, а статус замужней женщины был более защищенным. Соответственно, для нее утрата этого статуса и переход на положение, по сути, сексуальной рабыни фельдмаршала Шереметева, затем А.Д. Меншикова и только потом царя Петра могла оказаться травмирующим опытом. Кроме того, судьба ее мужа оставалась неизвестной: по одной из версий он был жив на момент как пленения Екатерины, так и ее вступления в брак с Петром. Соответственно, это также могло отягощать психологическое состояние царской возлюбленной¹¹.

Далее, существует довольно устойчивое мнение о том, что Екатерина вполне спокойно воспринимала постоянные изменения Петра (тем более что наличие любовниц являлось нормой для европейских монархов того времени). Однако, помимо того, что анализ источников заставляет сомневаться в справедливости представлений о безудержном сексуальном аппетите царя-реформатора (по крайней мере, в зрелые годы¹²), мы можем обнаружить по крайней мере один пример негативной реакции Екатерины на стороннюю связь своего супруга. Есть основание полагать, что во время второй заграничной поездки Петра имело место некое «амурное» похождение, туманные сведения о котором сохранились в ряде источников (хотя имени его участницы не сохранилось)¹³. Первый министр саксонского курфюрста и польский генерал-фельдмаршал Я.-Г. Флемминг в письме из Копенгагена от 14 августа 1716 г. к барону фон Мантейфлю, кабинет-министру при прусском дворе, передает следующий разговор: «Однажды когда царь был на обеде у короля датского, на котором пили более обыкновенного, последний, желая пошутить, сказал: “А братец, я слышал, что у вас также есть любовница”. Царь, находя подобную шутку далеко не в своем вкусе, возразил: “Братец, мои фаворитки мне стоят не дорого, ваши же публичные женщины стоят вам тысячи талеров, которые вы могли бы употребить гораздо лучше”»¹⁴. Далее Флемминг замечает: «Действительно что-то было в Гамбурге, <...> но это не имело никаких последствий и уверяют даже, будто царь не думает более о том и не может даже терпеть, когда ему напоминают это»¹⁵.

Эта история получила продолжение в ходе следствия по делу царевича Алексея. Иван Афанасьев (камергер царевича) писал в собственноручном показании: «Как я из Мекленбургии приехал, сказывал Воронову, что слышал я от своего толмача Фридриха, который слышал от хозяйки, где мы стояли: у царского-де величества есть матреса, а взята-де она из Гамбурга. Тогда Воронов (дьяк Фёдор Воронов. – О.М.) сказал: “Здесь не слышно”. Через несколько дней Воронов в своем доме сказывал мне: “Слышал-де и я, что есть у Государя матреса, и царица-де про это ведает; как приехала в Голландию, стала пред Государем плакать, и Государь спросил ее: “Кто тебе сказывал?” “Мне сказала полковница, а к ней писал Платон (один из царских денщиков. – О.М.)”. И Платона-де Государь за это бил”»¹⁶. То есть, пытаясь в шуточной форме отыгрывать ситуацию на официальном уровне (напомню, письма Екатерины писались ее секретарем), в духе тогдашних европейских придворных нравов, царица на самом деле терзалась вполне «традиционной» ревностью¹⁷.

Опираясь на психологические выкладки, мы можем предположить, что, в связи с вышеописанными проблемами, психика Екатерины носила невротический характер. По определению К. Хорни,

невроз – психическое расстройство, вызванное страхами и защитами от них, а также попытками найти компромиссное решение конфликта разнонаправленных тенденций¹⁸. По-видимому, невротической была и ее привязанность к Петру¹⁹. Сложно определить (из-за названной ранее проблемы с источниками), любила ли Екатерина своего царственного супруга. При этом ее поведение показывает, что она умела приспособиться и даже извлекать выгоду из своего резко изменившегося социального положения и из привязанности к ней могущественного монарха (собственно, она была единственной, у кого это получалось). Однако, к счастью для Петра, и, наверное, для России, она никогда не использовала эти возможности в политическом плане, только в межличностном (что как раз говорит о ее незаурядном житейском уме). И ярчайшее проявление как, собственно, психологических проблем Екатерины, непростого ее отношения к супругу, так и попыток «отыгрывать» свою личностную ситуацию к своей пользе – история ее адюльтера с Виллимом Монсом, каковая стала, по сути, ответом, мстью обиженной женщины, причем в весьма резкой форме (для Петра, всю свою жизнь страдавшего от отсутствия настоящего доверия к окружающим, это был страшный удар, который считается, не без оснований, одним из факторов, ускоривших его смерть²⁰). Характерно, что, помимо самой интимной внебрачной связи, проблемой являлось выдвигание любовника царицы в фавориты с дарованием различных благ, причем не только ему самому, но и, через него, другим людям²¹).

При этом тайный роман, наверняка, весьма тяготил Екатерину, которая не могла не бояться смертоносного гнева супруга в случае раскрытия измены (это противоречие подпитывало ее невроз, порожденный предполагаемыми стрессогенными обстоятельствами ее пленения и попадания к царскому двору). Американский исследователь Дж. Крэйкрафт в качестве иллюстрации психологически сложной ситуации, в которой оказалась царица, ссылается на записи ее снов, которые он подвергает психоаналитическому толкованию²². При всей спорности такого подхода²³ его результаты небезынтересны, ведь те отдельные сны, которые записывались по приказу Екатерины (как и некоторые сны Петра), казались значимыми для нее самой²⁴.

Записи относятся к 1719 г., когда Екатерина, видимо, уже состояла в любовной связи с Монсом. В первом сне (в ночь с 13 на 14 января) ей привиделось, будто в некоем дворцовом саду появилось дикое животное с белой шерстью, наподобие льва, очень злое. Оно стало хватать зубами упряжь ее шести светлых гнедых лошадей. В саду были служащие и много людей, сильный ветер задирал юбки дам на их головы, так что те казались белыми знаменами (знак мира). Животное прокричало: «Салдореф! Салдореф!». Затем еще одно подобное животное появилось верхом на быке в некоем внутреннем

дворе, но это животное было очень нежным. На его голове была корона, а на короне три свечи. Оно подошло к царю Петру и проявляло к нему любовь²⁵.

Дж. Крэйрафт классифицирует этот сон как одновременно «сон о плохом животном» и эротическую фантазию и считает, что его содержание проговаривается о больших внутренних проблемах Екатерины, с которыми она не справлялась, и которые превышали возможности ее понимания, причем о проблемах, связанных с ее сексуальной жизнью, с ее отношениями с Петром (недаром он появляется во сне)²⁶. Злое животное представляет темную сторону Екатерины, злые импульсы id («оно» или бессознательное в терминологии З. Фрейда), мира инстинктов. Животное покрыто защитной белой шерстью респектабельности, даже величия, которое Екатерина получала как любовница и жена царя, царица. Агрессия животного – это символ сексуальной атаки, в которой Екатерина предстает не только в качестве активной стороны, но и пассивной (так как агрессии подвергаются ее лошади); она не только агрессор, но и жертва (как жертвами «похотливого» ветра были женщины в саду). Это все наблюдается министрами, которые не только вовлечены реально в придворную жизнь, но и были свидетелями сложного переломного момента жизни Екатерины, когда она, попав в плен, переходила из постели того, кто ее пленил, в постель к Меншикову, затем к самому Петру. С появлением «белых знамен», символа мира, злобное животное, вскричавшее непонятное слово, превращается в нежное. Свечи на его короне – символ чистоты, чести, невинности, славы. Хорошее животное – это Екатерина, которая стала таковым благодаря своему очарованию, которому подвергается его величество – бык, символ агрессивной, даже жестокой мужской сексуальности²⁷.

В ночь с 14 на 15 января Екатерина вновь услышала во сне крик «салдореф!». Дж. Крэйрафт предполагает, что это слово, имевшее для царицы пророческое значение, является искаженной формой слова «салдировать» (нем. Saldieren), что значит «сводить баланс» (как в счете между кредитором и должником). Тогда это отчаянный вопль предупреждения, угрозы, призыв к счету, изреченный злым животным и отдавший эхом на следующую ночь как сигнал со стороны совести, вернее, ее инстинктивной, глубинной формы (отличной от рационализированной совести цивилизованного уровня²⁸) – поостережся. От чего? Дж. Крэйрафт отвечает – от безрассудной связи с Монсом²⁹.

Трудно сказать, насколько обоснованны выводы Дж. Крэйкрафта, при том, что о функциях и механизмах сна до сих пор известно мало, однако несложно догадаться о том, что такое сочетание «вождедения» и страха («либидо» и «страха смерти», по З. Фрейду) Екатерина вполне могла испытывать на самом деле. Ведь она, без сомнения,

знала о тех проблемах, которые преследовали сестру Виллима Монса Анну после того, как она заменила Петра в качестве возлюбленного на Кайзерлинга. Не могла она и игнорировать судьбу первой жены Петра Евдокии. Ей как никому были известны жесткость и импульсивность темперамента супруга.

Конец этой истории показывает (наряду с другими примерами), что имидж Петра как человека и монарха бескомпромиссного и жестокого, несколько преувеличен. Узнав об измене жены (только в 1724 г.) он не только пощадил ее жизнь, но и сохранил за нею ее статус, выместив гнев на Виллиме Монсе, поплатившемся в буквальном смысле головой³⁰. Прощение жены (потребовавшее от Петра, по свидетельствам современников, огромного напряжения душевных сил) объясняется той сложной, одновременно политически и психологически, обстановкой, в которой оказался император в последние годы своей жизни: он понимал, что перспективы его начинаний крайне туманны, что вокруг слишком мало по-настоящему верных людей и, что самое главное, у него нет наследника. В этой ситуации он не мог уничтожить, как бы там ни было, действительно самого близкого ему человека³¹.

Какой урок из произошедшего вынесла сама Екатерина? Судить об этом мы можем, опять-таки, по косвенным свидетельствам. Когда Пётр скончался, по свидетельствам очевидцев, императрица была охвачена неподдельным горем. Возвращаясь к психологической теории, можно предположить, что для психики Екатерины в тот период ее жизни, который она провела рядом с Петром, было характерно состояние спутанной идентичности. Как пишет Э. Эриксон, «состояние острой спутанности идентичности обычно проявляет себя в тот период, когда молодой человек испытывает сложную гамму переживаний, связанных с возникновением потребности в физической близости (не обязательно только сексуальной), окончательным профессиональным выбором, соперничеством и психосоциальным самоопределением». В случае Екатерины важен именно последний вариант (хотя, так как она благодаря браку с монархом становится царицей, а затем и императрицей, можно говорить и о проблемах с профессиональным выбором). При этом в неблагоприятной версии развития идентичности такое временное состояние, свойственной переходному периоду от детства к взрослости, может затянуться. Екатерина по-видимому, так и не сумела полностью отказаться от идентичности «простой женщины» и принять монаршую ее версию³². Помимо негативной реакции на измены мужа и ее собственного адюльтера, об этом проговаривается ее образ жизни после смерти Петра: Екатерина так и не стала самодержицей в полном смысле слова, и ее «освобождение» от контроля супруга привело лишь к раскрепощению (со знаком «минус») в личном, но не в

политическом поведении. Екатерина вела довольно разнузданный и праздный образ жизни, быстро старея³³. Это закономерно, ведь все ее значение долгие годы заключалось в ее близости к Великому Петру, и она сама это чувствовала.

Для нас останется неразрешимым вопрос, могла ли Екатерина «вырасти» в по-настоящему значимую самостоятельную политическую и историческую фигуру, важным показателем является сам факт того, что она и не пыталась этого сделать, оставшись, нет, не Галатеей даже, но статуей Галатеи, которая жила лишь в присутствии ее создателя³⁴. Попав в юном возрасте в ситуацию, которая радикальным образом отличалась от привычной для нее (и, что немало важно, не по своей воле), она в полной мере не смогла к ней адаптироваться психологически, избрав путь «наименьшего сопротивления», то есть во всем стремясь соответствовать запросам ее повелителя. При этом сохранять приверженность и этому направлению до конца у нее не получилось, что показала история ее измены. Да, это был сильный, но невыдержанный характер, так что Екатерина не смогла создать целостную идентичность, каковая оставалась невротической, замешанной на разнонаправленных тенденциях, что порождало внутренние конфликты в ее психике, временами прорывавшиеся наружу и завершившиеся скорее разрушительно (в отличие от Петра, чья психика, при всех сохранявшихся проблемах, с годами приобретала все большее равновесие³⁵).

Примечания

¹ Да, есть письма Екатерины к Петру, однако и они также не могут быть основным подспорьем, так как, в отличие от эмоциональных, абсолютно неофициальных посланий царя к своей возлюбленной, по замечанию Н.И. Павленко, «написанные чужой рукой (Екатерина была неграмотна, и письма составлялись ее секретарями. – О. М.), напроць лишены непосредственности и эмоциональности». (Павленко Н.И. Екатерина I; 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 168).

² Там же. С. 167.

³ Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле. СПб.: Норинт, 2003. С. 22.

⁴ Семевский М.И. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс // Семевский М.И. Тайный сыск Петра I. Смоленск, 2003. С. 481.

⁵ Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 28.

⁶ См.: Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада : в 2 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

⁷ Стоит вспомнить о мнимом или реальном благотворном влиянии на супруга, приписываемом первой жене Ивана Грозного Анастасии. Не стоит забывать и о повышенном значении в российском православии фигуры Богоматери-заступницы.

⁸ «Добрая жена» (речь идет об идеальном положительном женском образе, в отличие от «жены злой») должна была быть работящей, хозяйственной, покорной, верной и, что немаловажно, разумной (Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.) М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997. С. 97, 107). По сути, до определенного момента Екатерина вполне соответствовала этому гендерному стереотипу.

⁹ Не всегда речь шла о буквальном изнасиловании, весьма распространенной практикой было принуждение к внебрачному сожителству (в том числе связанное на экономических мотивах) (См. об этом, например: *Мэтьюс Грико С.Ф.* Тело, внешность и сексуальность // История женщин на Западе: в 5 т. / Под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. Н. Земон Дэвис и А. Фарж; пер. с англ.; науч. ред. перевода Н.Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2008. Т. III: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. С. 90-93). Как отмечают авторы «Истории женщин на Западе» касательно раннего Нового времени, насилие было нормой «как законных, так и незаконных отношений, и даже если сила не применялась, угроза насилия неизменно присутствовала» (Там же. С. 93).

¹⁰ См.: *Белозерская Н.А.* Происхождение Екатерины Первой // Исторический вестник. 1902. № 1. С. 56–90. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Ekaterina_I/abstammung.htm (дата обращения: 14.09.2022).

¹¹ В Швеции того времени, в состав которой тогда входила Лифляндия, женщине, относительно мужа-военнослужащего которой отсутствовали достоверные сведения, жив он или умер, было законодательно запрещено вторично выходить замуж. Если она вступала в связь с холостым мужчиной, то по решению суда должна была выплатить очень высокий штраф (как правило, для большинства неподъемный). Если же мужчина был женат (а в глазах многих россиян таковым оставался Пётр, чья жена Евдокия была жива и «всего лишь» заточена в монастырь), ей полагалась смертная казнь (*Крунберг М.Л.* Каролинские женщины // Царь Петр и король Карл: два правителя и их народы / Пер. со швед. В. Возгина. М.: Текст, 1999. С. 222.) (правда, в 1709 г. Карлу XII, ранее без колебаний подписывавшему в таких случаях смертные приговоры, пришлось смягчить законодательство: теперь в обоих случаях женщины при-суждались к штрафу (Там же. С. 223)).

¹² Конкретных сведений, которые можно проверить, о любовных похождениях Петра, современных ему, в нашем распоряжении попросту нет (См. об этом подробнее: *Мухин О.Н.* «Царь наш Пётр Алексеевич свою царицу постриг, а живет блудно с немками...»: гендерный облик Петра I в контексте эпохи // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 117-124). К тому же историками обычно не принимается в расчет казалось бы хорошо известный факт – царь страдал прогрессирующим заболеванием мочеполовой системы, что вряд ли способствовало его сексуальной активности.

¹³ Это едва ли не единственный случай адюльтера царя-реформатора, который можно с оговорками считать доказанным. Именно к этому времени и, видимо, к этому самому случаю относится известная шутливая переписка Петра и Екатерины по поводу некоей царской метрессы, которую принято приводить в

подтверждение «неуемности» царя-реформатора и легкости отношения к его похождениям его супруги (См.: Переписка Петра I и Екатерины Алексеевны // Павленко Н.И. Указ. соч. С. 167-263. № 111, 121, 123, 127).

¹⁴ Дипломатические материалы сборного содержания, относящиеся к царствованию Петра Великого // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1881. Т. 34. С. 62-63. Действительно, в отличие Людовика XIV датский король Фредерик IV позволял своим увлечениям влиять на политику. Русский посол в Дании В.Л. Долгорукий сообщал в 1712 г., что здешним министрам грозит опасность от того, что король хочет переменить метрессу: «Ежели та перемена сделается, все дела здесь переменятся» (*Соловьев С.М. Сочинения*: в 18 кн. М.: Мысль, 1993. Книга IX: История России с древнейших времен. Т. 17-18. С. 10).

¹⁵ Дипломатические материалы сборного содержания... С. 63.

¹⁶ Цит. по: *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого: в 6 т. СПб.: Типография II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1858. Т. 6: Царевич Алексей Петрович. С. 187-188.

¹⁷ Не извиняет Петра, но проясняет ситуацию тот факт, что в тот самый момент, когда у него появилась любовница, Екатерина, сопровождавшая царя в его европейском путешествии, была на сносях (вскоре, во время пребывания ее в Везеле, на свет появился мальчик, названный Павлом, проживший, правда, всего один день).

¹⁸ *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ; пер. с англ. В.В. Старовойтова. М., 2000. С. 23.

¹⁹ Стоит отметить, что и сам Пётр, по всей видимости, был невротиком.

²⁰ *Анисимов Е.В.* Петр Великий // *Царь Петр и король Карл*. М.: Ломоносовъ, 2022. С. 31. То, что бунт против зависимости от мужа принимал форму адюльтера, вполне типично для традиционного патриархального общества. Сам Пётр уже сталкивался с подобной манифестацией «феминизма», когда его первая жена Евдокия, заточенная в монастырь, завела любовную связь с майором Глебовым, вскрывшуюся в ходе следствия по делу царевича Алексея. Чтобы увидеть живучесть в отечественной культуре этого своего рода гендерного стереотипа женского поведения, достаточно вспомнить сюжет хрестоматийной пьесы Н.А. Островского «Гроза». При этом история связи Екатерины с Монсом наглядно показывает, что она не стала «автоматически» счастливой от самого факта своего стремительного возвышения, и искала «простого женского счастья», а, кроме того, что бы ни писали о ней историки, она имела по-своему сильный и незаурядный характер и была способна на вызов в отношении своего во всех смыслах повелителя.

²¹ Собственно, в официальном обвинении Монса содержались только эти положения, об интимной связи с царицей не упоминалось.

²² *Cracraft J.* Some Dreams of Peter The Great // *Canadian-American Slavic Studies*. 1974. Vol. 8. № 2. P. 173-197.

²³ Интересно, что в целом Дж. Крэйкрафт – вполне «традиционный» историк, и сам расценивает свое небольшое исследование с привлечением психоанализа как интересный эксперимент. Первым же обратил внимание на эти записи оте-

чественный исследователь XIX в. М. Семевский (*Семевский М.И.* Сны Петра Великого // Семевский М.И. Очерки и рассказы о русской истории XVIII в. Слово и дело! 1700-1725. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1884. С. 269-276).

²⁴ При этом сам факт интереса к содержанию снов вполне вписывается в представления того времени о возможностях гадательных практик на основании толкования сновидений. На Руси существовала давняя традиция рукописных «Сонников» (текстов с толкованиями снов), хотя самый ранний из сохранившихся списков относится к концу XVII в. (перевод с польского) (*Райан В.Ф.* Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 226-227). Как отмечает В.Ф. Райан, в петровское время типографским способом сонники не издавались, притом что в частных библиотеках вельмож имелись зарубежные издания (как, например, у князя Д.М. Голицина). Исследователь упоминает о записях снов Петром и Екатериной, при этом делая обосновано осторожное замечание: «...Неясно, придавали ли они им значение предзнаменований» (Там же. С. 228). Как известно, Пётр, будучи человеком практического склада, скептически или даже агрессивно относился к суевериям. Интересно высказывание М.И. Семевского на этот счет, которым он заканчивает свою заметку: «Говоря о снах их царских величеств, вообще любопытно бы было проследить, какие обстоятельства предшествовали им в ближайшие дни, так как зачастую содержание снов составляется под видением недавних происшествий, разговоров, понятий и размышлений...» (*Семевский М.И.* Указ. соч. С. 276). Важно помнить, что таких записей немного, то есть ни Пётр, ни Екатерина устойчивой привычки фиксировать свои сновидения не имели.

²⁵ Cracraft J. Op. cit. P. 189.

²⁶ При этом М.И. Семевский считал, что животное с белой шерстью навеяно двумя белыми медведями, полученными Петром и Екатериной в качестве игрушек. Их прежний хозяин Ромодановский обучил их подносить гостям водку, как знала Екатерина, чтобы гости не могли отказаться от подношения (*Семевский М.И.* Указ. соч. С. 275).

²⁷ Cracraft J. Op. cit. P. 190.

²⁸ Может быть, правильнее сказать – морали?

²⁹ Cracraft J. Op. cit. P. 191.

³⁰ Характерно, что и в случае с Евдокией был казнен лишь ее любовник Глебов. Сама опальная царица отделалась переселением в более отдаленный монастырь.

³¹ Помня о рациональности Петра (да, вопреки представлениям о нем как человеке крайне несдержанном, с преобладанием аффектов, он был весьма рациональным, зачастую математически-отвлеченно рациональным), можно предположить даже, что он был способен мысленно проводить параллель измены жены со своими собственными похождениями, хотя вслух никогда бы не поставил их на одну доску.

³² Характерно, что Анна Монс, по-видимому, также не готова была принять на себя монарший статус. По замечанию Е.В. Анисимова, «она была просто немецкой мещанкой, бюргершей, которой хотелось размеренной, тихой жизни в уютном богатом доме» (*Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 19). Недаром она пред-

почла Петру прусского посланника Кайзерлинга. Это, видимо, говорит о том, что устоявшиеся практики, как европейская (выбор королевских невест из монарших же семей), так и русская (подбор царских невест из числа неродовитой знати) были вполне рациональными (собственно, Пётр для своего сына и племянниц избрал именно первую версию, которая с тех пор и до начала XX в. станет нормой и в России).

³³ Как известно, Екатерина пережила своего супруга всего на три года, будучи значительно его моложе. В качестве одной из причин ее ранней смерти являлись как раз особенности ее образа жизни в последние годы, на что обращали внимание очевидцы. Так, французский посол Кампредон отмечал наличие у императрицы заболеваний, которые он объяснял «гастрономическими излишествами, чрезмерным увлечением напитками, страстью к развлечениям, превращением дневных часов в ночные» (*Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 60). Весьма характерно при этом, что празднества Екатерины были весьма сходны по формам с теми, что в свое время устраивал Пётр (балы и маскарады, смотры гвардейских полков, речные прогулки и морские потешные бои) (Там же. С. 64-67). Сходны были даже шутки двух супругов (так, 1 апреля 1725 г. (а Пётр любил первоапрельские розыгрыши), по сообщению Ф.-В. Берхгольца, «на рассвете, ее величество императрица для шутки приказала ударить в набат, который многих жителей города ввел в обман и познакомил с первым апреля» (*Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721-1725. Ч. 3-4 // Юность державы / Ф. Берхгольц, Г. Бассевич. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 276)). При этом возникает впечатление, что смеховые действия, «комплект» которых «изобрел» для себя Пётр, в случае Екатерины оставались искусственным подражательством, не выполняя в полной мере свои компенсаторные функции (сходная ситуация, по-видимому, имела место при дворе Анны Иоанновны, племянницы царя-реформатора).

³⁴ Ср. характерный для петровского времени сюжет «Пётр I, высекающий статую России» (См. об этом: *Матвеев В.Ю.* К истории возникновения и развития сюжета «Пётр I, высекающий статую России» // Культура и искусство России XVIII века. Новые материалы и исследования / Науч. ред. Б.В. Сапунов, И.Н. Уханова. Л.: Искусство, 1981. С. 26-43).

³⁵ Чему, правда, все время мешали внешние стрессы, в том числе и измена любимой супруги, наложившаяся на ситуацию отсутствия достойного наследника.

Связи «практического родства» в среде провинциального
русского дворянства XVIII – начала XX в.:
способы установления и поддержания

Аннотация. В статье рассмотрены способы, которые использовали провинциальные дворяне для поддержания родственных связей в «рабочем» состоянии, и обстоятельства, в которых «генеалогические» родственные связи могли быть переведены в категорию «практических». Среди таких способов можно выделить приглашение в воспитанники, наречение младенца в честь родственника, опеку и протекцию. Необходимость в актуализации или укреплении родственных связей возникала тогда, когда семья или конкретный индивид мог получить материальную или символическую прибыль.

Ключевые слова: генеалогия, родство, теория практик, русское дворянство, восприимчивость, имянаречение, символический капитал, генеалогическая культура.

В жизни дворянского рода, дворянской семьи и отдельно взятого дворянина одновременно присутствовало множество родственных связей, одна часть из которых относилась к категории «генеалогических», другая – к категории «практических» связей. В зависимости от конкретной ситуации, текущих интересов дворянской семьи или хорошо продуманной стратегии, дворяне с помощью определенных механизмов переводили родственные связи в состояние «актуальных». Проведение работы по поддержанию родственных связей в «рабочем» состоянии зависело от ее целесообразности, от того, насколько те или иные родственные связи могли способствовать эффективному символическому и материальному обмену между поколениями¹.

В качестве примера актуализации «генеалогического» родства может быть рассмотрен процесс внесения дворян в родословную книгу, в ходе которого просители апеллировали, с одной стороны, к предкам, а с другой – к современникам, принадлежащим к одному с ними роду.

С проведением в 1785 г. реорганизации системы учета и оформления принадлежности к дворянскому сословию, учет дворян стал децентрализованным с передачей этой функции от Герольдии губернским депутатским собраниям. Для контроля за причислением к дворянскому сословию и учета его представителей по губерниям и уездам в целях организации службы по выборным должностям были заведены губернские родословные книги. Это имело большое значение для генеалогической культуры дворянства, поскольку, по замечанию Л.А. Быковой, «отмена учета дворянства по старому принципу рода и введение нового способа учета – по семейно-территориальному принципу разделило дворянское сословие территориально – по губерниям и уездам, внутри территориальных обществ обособило в отдельные социальные группы по частям родословной книги, в основу которых было положено деление по способу приобретения дворянского достоинства, внутри группы сословие было разделено на семьи вместо прежних родовых объединений»².

По правилам, в шестую часть книги должны были вноситься те роды, «коих доказательства дворянства за 100 лет и выше восходят»³. Таким образом, для достижения желаемого результата представителям дворянского рода Свечиных, например, достаточно было представить документы, доказывающие дворянство «за 100 лет» (т. к. древнее дворянство – это объективно максимум, которого могли добиваться просители этого дворянского рода). Однако анализ дел по доказательству дворянского происхождения за 1790–1810-е гг. показывает, что просители Свечины представляли документы, охватывающие бóльший период⁴. Представители девятого поколения рода Свечиных оказались принуждены аккумулировать генеалогическую информацию: даже если до этого момента они обладали фрагментарными, неполными или не вполне достоверными знаниями о генеалогии рода, об истории родовых владений, о боевых подвигах своих предков, то теперь они вынуждены были собрать эту информацию. Возможно, со справок и документов были сделаны копии, составлены генеалогии, которые хранились в семейных архивах.

Знание собственной генеалогии было необходимо дворянину не только для внесения в родословную книгу, т. е. не только для юридического оформления своего статуса, но и для решения вопросов, связанных с правом владения землей. Родословные

рописи (краткий их вариант) прикладывались почти ко всем прошениям, касающимся доказательства прав на недвижимое имущество. Проситель как минимум должен был знать «генеалогию» земельного владения, о котором идет речь в его прошении. Состав дел по доказательству дворянского достоинства и судебных дел позволяет предположить высокий уровень знаний о генеалогии собственного рода. Однако это не означает, что все «генеалогические» связи были актуальны для дворян: многие связи даже горизонтального родства (т. е. с современниками) оставались «теоретическими».

В определенной мере поддержание родственных связей в актуальном состоянии и, таким образом, обеспечение стабильности внутри рода или отдельных его ветвей осуществлялись передачей родовой собственности и особенно родовых усадеб, которые могут быть рассмотрены как особое пространство, аккумулирующее в себе семейно-родовые традиции, и являются своего рода перекрестком, на котором «встречаются» поколения. То, что на одном пространстве жили несколько поколений, привнесивших что-то свое в экономическое и культурное развитие усадьбы, создавало ощущение постоянного присутствия прошлого в настоящем.

Родовые усадьбы аккумулировали в себе генеалогическую информацию: именно они являлись «отчим домом» для дворян, здесь хранились семейные и, более того, родовые архивы, сформированные целыми поколениями коллекции книг, живописи (семейные портретные галереи). Само по себе усадебное пространство являлось результатом активной деятельности (а иногда и бездействия) череды поколений проживающих в имении дворян. В истории рода Свечиных, например, именно образование усадеб, дворянских гнезд на пожалованных в вотчинное владение землях, обусловило разделение рода на обособленные ветви, передача этих усадеб из поколения в поколение обеспечивала стабильность этих ветвей, а вместе с ней и трансляцию семейно-родовой культуры⁵.

Одним из способов укрепить и «освежить» родственные связи или привлечь в круг родственников новых, полезных людей было приглашение выступить в качестве восприемников при крещении детей. Частота, с которой родственники становились крестными, подчеркивается исследователями родов российского дворянства⁶ и чиновничества⁷. В ходе изучения метрических книг и метрических свидетельств, приложенных к прошениям о внесении в родословную книгу, было выявлено и рассмотрено 69 случаев крещения младенцев, принадлежащих к дворянским родам Свечиных, Кегелей и Корвин-Литвицких, для которых имеются данные о восприемниках⁸. Из 17 случаев, когда восприемник при крещении был один, в 9 случаях (т. е. более чем в 50% случаев) он не состоял в родстве с родителями крещаемого, в 6 случаях – состоял с роди-

телями ребенка в первой степени родства, в 1 случае – во второй степени и в 1 случае – приходился свойственником. В процентном соотношении случаи, когда при крещении оказывался лишь один восприемник, составляют 31% от общего числа для рода Свечиных и 9,5% для семей Кегелей и Корвин-Литвицких. Разницу в показателях можно объяснить тем, что, в отличие от Свечиных, Корвин-Литвицкие и Кегели остро нуждались в установлении близких связей в новом для себя обществе: оба рода именно в этот период были внесены в дворянскую книгу Тверской губернии.

Из 52 случаев, когда у ребенка было два восприемника, в 14 – оба восприемника являлись родственниками отца или матери ребенка, в 24 – родственником являлся один из приглашенных в крестные, в 14 случаях восприемниками стали сослуживцы, соседи, священники и люди, родственная связь с которыми не обнаружена. Соотношение родственников и не-родственников среди приглашенных в восприемники отличается у Свечиных и семей Корвин-Литвицких и Кегелей и в этих случаях: Свечины предпочитали приглашать в крестные родственников, укрепляя и актуализируя тем самым уже имеющиеся родственные связи, Кегели и Корвин-Литвицкие же использовали крещение для расширения круга близких личных связей и предпочитали приглашать в восприемники знакомых.

Среди общего числа восприемников в первой степени кровного родства по отношению к родителям младенца состояло 25% человек, т. е. почти четверть крестных составляли бабушки, дедушки, сестры и братья крещаемых. Половина восприемников до обряда относилась к числу знакомых, соседей, сослуживцев родителей крещаемых. Однако, если для Свечиных доля не-родственников среди восприемников в 1,5 раза больше, чем родственников (45% и 30,5% соответственно), то для Корвин-Литвицких и Кегелей доля посторонних для этих семей людей значительно превышает число родственников среди крестных (14% и 62% соответственно).

Бывали случаи, когда в восприемниках у одного ребенка было сразу несколько человек. Так, А.Т. Болотов вспоминает: «Крестины мои отправлялись обыкновенным у нас в деревнях образом. У меня было два отца и две матери крестных, – все родственники и приятели моих родителей»⁹. Вероятно, приглашение «лишних» восприемников объясняется и желанием угодить, и стремлением укрепить и расширить круг родственных связей. Е.П. Янькова, вспоминая о крещении своего внука Дмитрия, родившегося в деревне, утверждает, что в крестные были выбраны они с братом, тогда как восприемниками от купели стали родственники со стороны отца ребенка¹⁰. Вполне вероятно, в данном случае решающую роль сыграли обстоятельства: выбранные восприемники не могли присутствовать на обряде, поэтому пришлось пригласить тех, что были «под рукой».

Вопрос о восприемниках является крайне важным, если речь идет о внебрачных дворянских детях. Было ли рождение таких детей тайной, которую благородные родители пытались скрыть от общества? Выявленные данные о крещении незаконнорожденных детей свидетельствуют о том, что в крестные приглашались отнюдь не крепостные или дворовые, и даже не священники, а сослуживцы или их жены и близкие родственники, старшие внебрачные дети. При крещении своего (вполне законного) потомства внебрачные дети предпочитали приглашать в восприемники своих родителей и близких родственников, пытаясь, по всей вероятности, тем самым «легализовать» свою связь с кровными родственниками.

Способом укрепления и актуализации родственных связей в дворянской среде было наречение младенца. Учитывая все нюансы работы с именованьем дворянских родов¹¹, можно утверждать, что новорожденные в ряде случаев нарекались именем в честь родственников.

О том, каковы могли быть мотивы наречения новорожденного именем родственника, пишет С.М. Голицын: «Крестными родителями были самые богатые родственники – дядя Володя, Владимир Петрович Трубецкой, и бабушка Екатерина Павловна Хрептович-Бутенева. В ее честь новорожденная была названа Екатериной. Возможно, мои родители в весьма далекой перспективе рассчитывали на какое-либо приданое для своей дочери»¹².

Наречение детей в честь предка можно рассматривать как стремление (бессознательное или осознанное) связать поколения. Так, Е.П. Янькова упоминает об интересной тенденции – среди ее родных девочки с именем Аграфена были названы в честь своих бабушек: «Матушку (Е.П. Яньковой – А.К.) звали Аграфеной в честь ее бабушки Аграфены Федоровны Щербатовой, урожденной Салтыковой; и Аграфена Федотовна тоже была названа в честь своей бабушки (Аграфены Юлиановны Челищевой – А.К.). ... Дочь Аграфены Федотовны Елизавета Евграфовна, вышедшая замуж за Ивана Филлиповича Новосильцева, свою дочь тоже назвала Аграфеною»¹³.

Стремление поддержать связь с умершим родственником, скрепить поколения было настолько велико, что Пелагею Николаевну Щербатову в семье называли Аграфеной: «Когда она родилась, – это было 7 октября 1743 года, – дедушка находился в отсутствии, и бабушка дала ей имя Пелагеи, празднуемой октября 8 дня. Дедушка Щербатов скоро возвратился и очень опечалился, что дочь его назвали Пелагеей, а не Аграфеной, как он намеревался, в честь своей матери»¹⁴, вспоминает Е.П. Янькова. Домашнее имя настолько прижилось, что Пелагею Николаевну даже венчали как Аграфену, но отпевали Пелагеей и поздравляли с именинами 8 октября. Родив-

шуюся через 13 лет вторую дочь назвали уже в честь бабушки по матери – Александрой. Другой подобный случай описан в воспоминаниях Л.Н. Энгельгардта, который пишет, что с легкой руки своей бабки был переименован (в честь погибшего в Семилетнюю войну ее сына) из Харлампия (как называли его родители при рождении) во Льва¹⁵.

Как способ упрочить родственные отношения можно рассматривать своего рода благотворительность по отношению к родственникам: прием на воспитание детей малообеспеченных или многодетных родственников, покровительство и протекция, денежные займы, приглашение на семейные и публичные празднества. Иногда, наравне с поддержанием родственных связей, такие действия преследовали и иную цель – увеличение символического капитала дворянской семьи или конкретного лица.

Одной из обязанностей, которое общество возлагало на близких родственников, была протекция и опека над сиротами – племянниками и внуками. Закон не обязывал никого, кроме родителей заботиться о детях, однако отказ близких родственников в призрении сирот и участии в их судьбе вызывал осуждение. Василий Карпович Свечин и его супруга Елизавета Александровна (урожденная Львова) умерли, оставив трех малолетних сыновей сиротами. Их взяли на воспитание родственники Львовы. «Ни малейшего следа участия к ним не встречаем мы со стороны родных их отца, Свечиных. В чем искать причину этого явления, в духовном ли складе обеих семей, или в других каких-нибудь обстоятельствах, – сказать не могу, знаю только, что других родных, кроме Львовых, наш отец не знал, и растили нас в чувствах любви и благодарности к Львовым, а в особенности к детям брата нашей бабушки, Николая Александровича»¹⁶, пишет внучка Василия Карповича Надежда Ивановна Мердер. При отсутствии личных контактов с родственниками по линии отца – Василия Карповича Свечина – Иван Васильевич, женившись на дочери саратовской помещицы Надежды Христиановны Молчановой (по первому мужу Григорович), навсегда остался чужим и для семьи своей супруги¹⁷. После кончины жены Иван Васильевич виделся с тещей лишь по зову долга, привозя к ней в гости детей каждое воскресенье после обедни¹⁸.

Оставшись вдовцом с семьей детьми, Иван Васильевич принял предложение своей двоюродной сестры Веры Николаевны Воейковой (дочери Н.А. Львова) отдать ей на воспитание старшую дочь. С этого времени Надежда стала проводить все лето в имении своей «тетушки». Тут же проводила лето еще одна сирота – Елена, которая приходилась Вере Николаевне племянницей, дочерью покойной сестры Прасковьи Бороздиной. Елена воспитывалась в семье дочери Веры Николаевны Марии Алексеевны Поленовой.

Мемуаристка не рассказывает о том, в чем именно заключалось воспитание у родственницы, но можно полагать, что в этот процесс были вовлечены все члены семьи. Так, Леонид Алексеевич Воейков обучал воспитанниц своей матери географии и всеобщей истории. Девочки, кроме того, занимались переводом с русского на французский, заучиванием стихов Державина и поэм Жуковского, игрой на клавесине.

Сама Вера Николаевна, ее братья и сестры, оставшись сиротами, воспитывались в семье их тети Дарьи Алексеевны и ее мужа, знаменитого русского поэта Гавриила Романовича Державина. Именно влиянию этих родственников приписывает Мердер любовь Воейковой к русскому языку и русской культуре: «Не знать русского языка и не любить его, воспитываясь у творца оды “Бог”, было не возможно»¹⁹.

Порой актуализация родственных связей происходила в экстремальных обстоятельствах. Так, например, бывший флигель-адъютант императора Николая II и полковник Преображенского полка, Владимир Владимирович Свечин, человек одинокий, потерявший семью еще во время обучения в Императорском училище правоведения, обделенный вниманием со стороны семьи родного дяди (генерала от инфантерии Александра Алексеевича Свечина), в своем «Журнале» ничего не рассказывает о своих родных. Лишь описывая встречу, произошедшую на пути в эмиграцию, на рождество в 1918 г. со своими двоюродными сестрами, дочерьми дяди – Любовью Свечиной и Верой Волковой, мемуарист делает замечание, по которому можно судить о причинах отсутствия упоминаний о родственниках на протяжении трехтомного «Журнала»: «Должен вообще сказать, что и Вера, и Люба относятся ко мне как нельзя лучше и милее. И ласковы, и родственны, и деликатны. <...> Недаром говорят, что страдания сближают людей, так и тут – я впервые увидел с их стороны теплоту и ласку здесь в Новороссийске на 48-ом году моей жизни. Но я не люблю поминать старое, когда оно неприятно, и всегда охотно реагирую на всякое ко мне доброжелательство, а потому и теперь, не помня былого индифферентизма, всей душой иду навстречу их ласке и дружбе!»²⁰.

Таким образом, основными мотивами проведения работы по поддержанию родственных связей в рабочем состоянии или перевода «генеалогических» родственных связей в категорию «практических» являлись стремление обеспечить необходимую протекцию и помощь, увеличить материальный и символический капитал семьи, упрочить связи духовного родства, «освежить» дальние родственные связи, осознанное или бессознательное стремление сплотить поколения.

Сеть родственных связей при необходимости могла расширяться за счет включения в нее новых, «полезных» людей. Способами вовлечения друзей и коллег в круг родственников было приглашение их выступить в качестве восприимчивых или построение соответствующих матримониальных стратегий. Упрочить или «актуализировать» родственные связи пытались, называя младенцев в честь родственников, приглашая их выступить в качестве восприимчивых или поучаствовать в значимом для семьи событии (крещении, венчании и т.д.), обращаясь за протекцией или, наоборот, оказывая ее.

Примечания

¹ Бурдвё П. Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. С. 324.

² Быкова Л.А. Родословные книги Тверской губернии 1785–1917 гг. как источник по истории русского провинциального дворянства: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Л.А. Быкова; Российский гос. гуманитарный ун-т. М., 1993. С. 15.

³ Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]: в 45 т. Санкт-Петербург: тип. 2 Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XX. № 16186. Раздел «В». П. 82.

⁴ Государственный архив Тверской области. Ф. 645. Оп. 1. Дд. 3666, 3669, 5047, 5075.

⁵ Крылова А.А. Усадьбы рода Свечиных в Новоторжском и Тверском уездах Тверской губернии // Провинциальные дворянские усадьбы: прошлое, настоящее, будущее: сб. науч. статей / отв. ред. Т.И. Любина. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. С. 285–291.

⁶ Наумов О.Н. Князья Хилковы в контексте истории русского дворянства // Наумов О.Н., Хилков Б.М. История рода князей Хилковых. Екатеринбург: Уральское изд-во, 2008. С. 20.

⁷ Бодрова Ю.В. Институт крестных родителей в семейных традициях провинциального чиновничества первой половины XIX в. (на материалах Тверской губернии) // Святой благоверный Великий князь Михаил Тверской: 690 лет в народной памяти / науч. ред. Т.Г. Леонтьева. Тверь: НИИЦ ЦИ и ПК, ТвГУ, 2009. С. 137.

⁸ Крылова А.А. Документы церковного учета населения в контексте генеалогической культуры русского дворянства XVIII–XIX веков // Исторический ежегодник. 2016: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Институт истории СО РАН, Параллель, 2016. С. 11–13.

⁹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / сост., вступ. ст., и примеч. А.В. Гулыги. М.: Современник, 1986. С. 23.

¹⁰ Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и

собранные ее внуком Д. Благово / [АН СССР]; изд. подгот. Т.И. Орнатская. Л.: Наука, 1989. С. 284.

¹¹ Крылова А.А. Имянаречение в контексте генеалогической культуры русского дворянства XVIII – начала XX в. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2016. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader.

¹² Голицын С.М. Записки уцелевшего. М.: Орбита: Моск. фил., 1990. С. 97.

¹³ Рассказы бабушки... С. 64-65.

¹⁴ Там же. С 21.

¹⁵ Энгельгардт Л.Н. Записки Льва Николаевича Энгельгардта: 1766–1836 / примеч. М.Н. Лонгинова и Н.В. Путьяты и указ. М.: Русский архив, 1867. С. 3.

¹⁶ Мердер Н.И. Из далекого прошлого (Тетушка Вера Николаевна Воейкова) // Исторический вестник. 1909. № 11. С. 403–404.

¹⁷ Там же. С. 401.

¹⁸ Там же. С. 400.

¹⁹ Там же. № 12. С. 823.

²⁰ Крылова А.А. «Практическое родство» в эго-документах российских дворян XIX – начале XX в. // Эго-документальное наследие российской провинции XVIII–XXI вв.: проблемы выявления, хранения, изучения, публикации: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.И. Любина. Тверь: СФК-офис, 2014. С. 213.

Дневник подростка начала XX в.:
лаборатория модерна

Аннотация. В 1905 г. сын успешного купца второй гильдии Петя Самойлов начал вести дневник. Дневник Петя будет вести вплоть до 25 лет – последняя запись сделана в 1918 г. Таким образом, этот дневник можно представить как историю взросления молодого человека начала XX в., который является и объектом исторического воздействия и двигателем исторической реальности. Подростковая повседневность предстаёт перед нами как машинка по переработке реальности – из материала настоящего вырабатывается будущее. Но это очевидное социально-психологическое положение с помощью дневника может быть конкретизировано на историческом материале. Дневник Петра Самойлова позволяет показать, как новые семейные, образовательные и религиозные возможности формируют мировоззрение и рутину подростка, который, в свою очередь, вырастая, своим поведением и особенностями влияет на окружающую реальность, создавая те или иные социальные ситуации. Кроме того, можно конкретизировать и уточнить известное положение об «автономной личности» как основе и, одновременно, продукте новой социальной среды (Мионов; Вишневский). Материалы дневника наполняют социальные абстракции конкретным содержанием – свобода совести проживается как религиозная индифферентность или как поиск подходящего сообщества, свободное время и хобби превращается в поиск собственной идентичности, представление о перспективах строится на основе открытого и неопределённого, но совершенно свободного для творчества будущего. Также биография Петра Самойлова демонстрирует, что автономная личность модерна успешно превращается в опору любого политического режима, никогда не сливаясь с ним до конца.

Ключевые слова: поколения, дневник подростка, социальная история, история России начала XX в., баптизм.

Исследование дневников, тем более их микроисследование, позволяет наблюдать взаимосвязь между большими историческими потоками и частной человеческой жизнью; в этой взаимосвязи частная биография предстает перед нами и как объект истории и как ее источник. Человек проживает жизнь в исторических условиях и, одновременно, создает историческую реальность как побочный продукт собственной повседневноности. С этой точки зрения исследование частного случая позволяет вскрыть закономерности организации социального пространства в прошлом, и, перемещаясь между макро- и микроисторией, четче осознавать истоки современности¹. Кроме того, использование дневника как источника для исторических исследований позволяет во многом уточнить и наполнить конкретикой укоренившиеся теоретические обобщения. В частности, принято утверждать, что одним из итогов модернизации, и одновременно, ее движущей силой являлась формирувавшаяся в урбанистических центрах автономная личность модерна, с ее индивидуалистическими предпочтениями и приоритетами². Какой она была, эта автономная личность? Что именно делало ее «автономной»? Как формировался «индивидуализм», из чего состоял и в чем проявлялся? Уточнить общую схему и ответить на эти вопросы поможет анализ эго-документов. В частности, дневников.

Итак, в 1905 г. сын купца второй гильдии Петя Самойлов начал вести дневник. Мальчику было полных 12 лет, родился он в 1893 г., учился во втором Петербургском реальном училище, жил с родителями в Стрельне в собственном доме и каждый день ездил в столицу на учебу. Дневник Петя будет вести вплоть до 25 лет – последняя запись им, уже Петром Ивановичем Самойловым, сделана в 1918 г.³ Таким образом, этот дневник можно представить как историю взросления подростка начала XX в.

Из-за ограниченного объема текста нет возможности подробно излагать эпизоды биографии Петра Самойлова и читателю во многом придется верить автору на слово – в частности в том, что поначалу эта жизнь типична для городского подростка средних городских слоев начала XX в. Она легко опознается по книгам Льва Кассила, воспоминаниям Константина Паустовского или рассказам Тэффи и Аркадия Аверченко. Если вкратце, то перед нами тот, кого прогрессивные современники называли бы «культурный дикарь» (Философов) или «городской готтентот» (Чуковский). Петя запоем читает «сыщицкую литературу», которая была повальным увлечением массового читателя⁴ и с точки зрения литературных предпочтений наш герой именно такой – массовый читатель; он зачитывается историями про Шерлока Холмса и Ната Пинкертон, он обожает Жюль Верна и глотает его романы со скоростью один роман в день. С точки зрения общественной жизни он – безыдейный

«мещанин»; за весь период до 1914 гг. Петя только один раз упоминает политические реалии, причем совершенно в них не ориентируясь: «Воскресенье 4 ноября. За работу по геометрии мне 3 - очень мало, надо еще получить 3 или 4 чтобы было в четверти 3. Председатель Г. Думы – Хомяков (окт. или к-д). Вчера целый день солнце и ночью мороз 5 ½ гр»⁵. Он не интересуется ни политикой, ни современной литературой. Его вообще не интересует то, что выходит за рамки здравого смысла (типична его реакция на известный текст: «Читал “Задушевное слово” у Олюшки; журнал никуда не годится: статьи для детей 4-5 летнего возраста, а не 5-10 лет, как там обозначено. Статьи такого содержания: Алиса, кусая то от одного, то от другого пирога, гриба etc, делалась то большой, то маленькой etc играла в крокет с картами и тому подобная ерунда»⁶).

Главное в его жизни до 15 лет – это его хобби. Сначала он увлекается рисунками. На смену рисункам приходит фотография – Петя увлеченно фотографирует и проявляет пластинки, колдуя с проявителями и закрепителями. Следующим увлечением будет астрономия. Осенью 1908 года, Петя уже не только читает Жюль Верна, но и наблюдает за звездами, кометой и Луной в телескоп приятеля: «очень хорошо видны вулканы и на самом верху один». Однако важнейшим увлечением Пети был парусный спорт (семья была зажиточна и у старших братьев была собственная яхта). Почти два года он бредил морскими походами, соревнованиями, яхтами, парусами, а зимой – катанием на буерах. В 1909 г. жизнь Пети резко меняется – он увлекается религией. И его жизнь перестает быть жизнью обычного подростка. Петр начинает посещать баптистские собрания, а в мае 1910 г., в 16 лет, он принимает крещение по баптистскому обряду. Сразу отметим, что интересует Петю не столько религия, сколько его исключительное положение в баптистской общине: он образован, молод, небесталанен, у него есть начатки музыкального образования, он учил иностранные языки (в то время, как основной контингент баптистских общин в столице состоял из «низших слоев населения: крестьян, рабочих, ремесленников»⁷). Подростку сулят карьеру проповедника и религиозного лидера; такая перспектива совершенно вскружила Пете голову. Этот, наиболее подробно освещенный в дневнике, период жизни Петра Самойлова продлился несколько лет – до 1914 года. В 20 лет, вне всякой связи с войной, а в результате конфликта внутри общины, Петр покидает стезю баптизма, разрывает отношения с бывшими единоверцами и возвращается в мир, как он пишет, «на свою блевотину». И снова превращается в человека, ведущего вполне буржуазный образ жизни – он всячески увиливает от участия в войне, снова увлекается фотографией и парусным спортом, потом в его жизнь входит увлечение мотоциклом. Никаких патри-

отических или идейных интересов у него по-прежнему нет; семья он не завел, постоянной любовницы – тоже; записи становятся отрывочней и реже. С момента революции и прихода к власти большевиков, Петр начинает думать об эмиграции и после нескольких неудачных попыток, решается на отъезд на юг России. Последняя запись гласит: «...Одна мысль, одно стремление – на юг, на юг, на юг. Хочется погреться, поесть фруктов, подышать чистым воздухом. Здесь все бросаю... Нужно позаботиться о будущем и обеспечить себе его. А тут так заманчиво – море, виноградники, горы, тепло, масса свету!.. Здесь существовать решительно невозможно – продовольственный вопрос стоит слишком остро. То, что кругом, будет скоро съедено, подвоза ждать особенно нечего, следовательно, будет худо. Недели три назад умер Володя (старший брат – А.Л.). Мать сильно исхудала, хотя еще держится»⁸. Так, бросив семью на произвол судьбы, полный надежд на возможное благополучие, растворяется в потоке времени городской обыватель и неудавшийся баптистский проповедник Петр Самойлов.

Возможно по некоторым стилистическим оборотам читатель догадался, что автор не питает добрых чувств к своему герою. Действительно, Петя, как я вижу по дневнику, не добр, не особенно умен, очень эгоистичен; он часто лицемерит и проявляет равнодушие к чужим чувствам и бедам. К счастью для историка, назвать Петю выдающейся личностью нельзя ни с точки зрения деяний, ни с точки зрения размышлений, ни с точки зрения нравственности, и именно делает его привлекательным для исследования персонажем – мы можем надеяться, что закономерности, проявившиеся в его биографии, многое нам расскажут о других семьях, о других личностях и об эпохе вообще.

Итак, что же замечательно в этом молодом человеке? Прежде всего – узнаваемость. Читая страницу за страницей дневника Петра Самойлова, я никак не мог отделаться от ощущения, что передо мной – мой современник, который вполне мог появиться на свет в 1993 г. Это молодой человек, который мог себе позволить начать зарабатывать только в 21 год (общеизвестно, что крестьянские дети в ту же эпоху начинали работать лет с 7, на фабрику можно было поступить с 12 лет, но многочисленны свидетельства того, что поступали и с более раннего возраста). Он посвящает много времени тому, что мы сейчас назвали бы саморазвитием. Его образование – это его главный социальный лифт; именно оно дает возможности карьерного роста. В конце концов, его хобби превращается в его заработок и способ социального роста (в советской России увлечение мотоциклами привело его в Автоотдел Красной Армии⁹) – чем не современная нам мечта? Он свободен от многих обязанностей, он живет в мире фантазий, он мечтает уехать за границу, он питает отвращение

к военной службе, не брезгает пользоваться финансовыми возможностями отца, чтобы не попасть на войну, он не знает, как отделаться от надоевшей девицы, которой дал неосторожное обещание. В итоге, находясь посреди конвульсирующей, полной надежд и опасностей России 1917 г. он так формулирует свое кредо: «Что нам нужно – лишь красивую, полную похощений жизнь. И устройство такой жизни зависит только от нас самих». При этом Петя мечтает о переезде в «чуждую, заманчивую долгожданную Америку»¹⁰. Все это напоминает характеристики, которые на основании тех или иных исследований даются молодежи XXI в.¹¹ Но речь идет о мальчике начала XX в., с крестьянскими корнями, чей отец родился еще при крепостном праве. Видимо, в жизни этого молодого человека действуют существующие по сию пору структуры, порождающие определенные модели поведения и определенный тип личности. Сам Петр совершенно не осознает себя особенной и новой личностью модернизирующейся России. Однако чтение его дневника позволяет проследить совершенно особые условия формирования подростка в городской среде России на рубеже XIX–XX вв. и выделить влияющие на него структуры «автономизации».

Первое, что обращает на себя внимание с этой точки зрения – это свобода Пети от всякой традиции. Ни о каких семейных или церковных традициях Петр Самойлов не упоминает. Те праздники церковного и светского календаря, которые попадают на страницы его дневника – Рождество, Пасха и Новый год – фиксируются только для того, чтобы отметить собственное одиночество. Эта свобода от традиции коренится в неизвестной нам до конца истории семьи Самойловых. Петя – поздний ребенок, отец Пети родился еще при крепостном праве, в конце 1840-х гг., и происходил из крестьян¹². Петр Самойлов никак не связан с прошлым – он никогда не пишет о семейных праздниках и не упоминает собственных предков. Его семейная история начинается только с отца; у него нет ни дедов, ни бабушек ни по какой линии – они не упоминаются вообще. Он никогда не ездил на лето в деревню. С чем это связано, сказать сложно, но разрыв семейных связей – налицо. По сути, Петя, как бы странно это не звучало, – представитель первого пореформенного поколения. Перед нами семья в течение одной жизни разорвавшая все связи с деревней, со своими крестьянскими корнями, а значит и с предыдущими поколениями. Перед нами жизнь, возникшая как-бы ниоткуда и начатая с нуля (с этой точки зрения процесс разрыва связи между традицией и модерном начинается задолго до революции). Петя никогда не интересуется происхождением своей семьи – во всяком случае, если такие разговоры и велись за семейным столом, они были мальчику не интересны, и записывать их он не стал. С точки зрения социального времени Петр Самойлов

не ощущает никакого груза прошлого, никакой связи с ним. Прошлого у него нет, как нет и определенного будущего. Зато оно – это будущее – открыто и ничем не ограничено. Петр может стать кем пожелает – и это его качество воспринимается им как само собой разумеющееся – он нигде и никогда не упоминает ни о каких ограничениях. Наоборот – отец интересуется, чем Петя будет заниматься дальше и дает практические советы, но только согласно Петиним замыслам. Петя примеряет на себя самые разные варианты будущего – он хотел стать моряком, музыкантом, проповедником и миссионером, врачом. Открытое будущее, устроенное по собственному плану, – вот самая главная Петина ценность и именно из-за обрушения этих планов и утраты будущего он ссорится с друзьями и старшими покровителями. Именно там, в будущем, должен осуществиться его идеал религиозного служения и самореализации. Петр не ощущает себя человеком без корней, потеря прошлого ему не страшна, но потеря будущего – одна из самых страшных потерь: «Нет желания и стремления к будущему – все угасло, куда-то пропало. Остался лишь мрак и один мрак».

Таким образом, важная Петина автономия – автономия от времени. Она состоит в том, что он свободен от гнета прошлого и от предписанного этим прошлым будущего. Правда, за эту открытость приходится платить неопределенностью и беспокойством выбора, как мы сейчас бы сказали – стрессом, поскольку там, где есть свобода, там нет гарантий: «Часто беспокоит меня мысль о будущности. Что-то будет, когда кончу училище и выйду на работу? Кто или что будет кормить меня? Работать? Каким образом тогда я смогу переезжать с места на место и исполнять волю Божью – нести весть Евангелия по всему миру? Да, много борьбы, много молитв, много мыслей, а зачем?»¹³.

Точно так же, как и время, открыто для Пети пространство – как в социальном, так и в географическом смысле. С точки зрения социального своего положения, Петр ничем не ограничен. Он сам никогда не переживал о своей принадлежности к средним городским слоям с неопределенным социальным статусом (в школьных документах дети Ивана Самойлова записывались то детьми крестьян, то мещанами, то сыновьями купца¹⁴). Самойлова-младшего это совершенно не смущало и он не видел в этом никаких препятствий к любой избранной им карьере. Важно и то, что на протяжении всего периода записей никто в семье не принуждал его пойти по стопам отца и заняться коммерцией – возможно, потому, что Петр был младшим из сыновей, и наследники у отцовского дела были. Также свободны и отношения Пети с географическим пространством. Он постоянно перемещается в нем: дом Самойловых находится в Стрельне и мальчик должен ежедневно ездить на поездах

и трамваях, чтобы добраться до реального училища. Он никогда не жалуется на трудности переездов; наоборот, именно в поездах часто случаются важные для него встречи. Возможно поэтому, а также потому, что он с детства увлекался яхтами, географическое пространство не представляется для него непреодолимым препятствием. Его не пугают иные страны – он мечтает о них. При этом для него не составляет труда начать учить иностранные языки сразу, как только он решает отправиться в ту или иную страну. Когда в баптистском собрании ему посулили будущее проповедника, он немедленно начинает учить английский: «вечером говорил с мамой о том, как хорошо знать английский язык и сообщил ей, что хочу заняться им. Она против ничего не имеет...»¹⁵. Как только на горизонте замаячила учеба в Германии, он немедленно начинает осваивать немецкий, и часть дневника написана на немецком языке. (Заметим, что мечту о Германии удалось реализовать). Когда он пытается убежать из России после февраля 1917 года, то он не ограничивается фантазиями, а упорно, хотя и безуспешно, предпринимает попытки добраться до Франции, Америки и даже до Суматры. На протяжении всей известной нам Петиной жизни его воображаемый мир мгновенно превращался в реальные действия – и меньше всего, с Петиной точки зрения, этому могли мешать физические расстояния и географическая удаленность.

Еще одним проявлением автономии Петра является история его эмоционального взросления. В дневнике Самойлова мы постоянно отмечаем несколько структур эмоциональной жизни. Прежде всего, речь идет о незнании – он не знает, что с ним происходит. В определенном смысле дневник Петра Самойлова является классической иллюстрацией того, что К. Гирц называл необходимостью «образцов чувств» – чтобы человек понимал, что он чувствует, ему необходимы какие-то опознавательные знаки, матрицы любви, гнева, печали и т. д.¹⁶ Ни круг чтения, ни круг общения Петра Самойлова не давал ему ответа на вопрос – что такое любовь. Как ее опознать, как определить, что он чувствует, любит он или нет – Петины метания по этому поводу бесконечны. Само по себе такое незнание говорит об отсутствии устоявшихся канонов построения эмоциональной жизни. Эта характерная проблема модерна – ответственность человека за собственную личную жизнь, пришедшая на смену патриархальным традициям, оборачивается для Петра серьезными проблемами. При этом Петя находится в промежуточном положении: с одной стороны семья и родители не навязывают ему ни кандидаток в невесты, ни правил для личной жизни. Он свободен в выборе и поведении. Более того, единственным основанием для его выбора, по мнению Пети, является чувство. При этом его теоретические представления о любви целиком вписываются в общественно

одобренный канон. При том, что в дневнике могут быть зафиксированы гомосексуальные мотивы, любовь, по мнению Пети, можно испытывать только к девушке; при этом, даже повзрослев и пережив любовное увлечение, он размышляет о женитьбе, а не о развлечении. Петр, совершенно в согласии с эпохой, разделяет секс и любовь. Собственно сексуальный аспект любовных отношений уже взрослый Самойлов называет словом «мясо», часто по-немецки – *Fleisch*. Как и для многих представителей его поколения, любовь принадлежит к идеальному, а секс к материальному миру¹⁷. При этом его мысли о месте женщины и мужчины вполне патриархальны: «она едва ли помешает. Все равно придется кого-либо иметь чтобы заботиться о хозяйстве – не могу же я сам чинить мое белье». Петр относится к своей невесте как к существу слабому и сентиментальному, при этом он не нарушает никаких канонов межполовых взаимодействий: его иерархическое отношение к невесте находит полное понимание с ее стороны. Перед нами одна из проблем модернизирующегося общества – свобода в выражении чувств уже возможна, более того, Петр говорит о свободе как основе взаимоотношений («Она будет иметь свободу. Свобода подарок Божий и мы не имеем права связывать ее»), но при этом сохраняется иерархия и зависимость, а, следовательно, мужчине вменяются обязанности, выполнить которые Петр оказывается не в силах. Все его попытки завязать прочные связи проваливались, поскольку влекли за собой ответственность, брать которую Петя на себя не хотел – недаром свою невесту он называл гирями на ногах и мечтал о ее смерти уже после того как сам предложил ей брак без всякого давления с ее стороны.

Отчасти это указывает нам на еще один источник Петиной автономии – его гендерную принадлежность. Он мальчик, юноша, молодой мужчина, для него культура предоставляет больше возможностей, он свободен. Будущее открыто для Петра благодаря не только его достатку и образованию, но и благодаря полу – и эту свободу он намерен конвертировать в карьерный рост, а вовсе не в семейную рутину.

Комментируя эти наблюдения с точки зрения макро истории, мы приходим к ожидаемым выводам. Безусловно, во-многом, источником Петиной автономии были большие исторические процессы, современной которой он стал. Рост городских агломераций, расширение коммуникационных структур, рост благосостояния средних городских слоев предоставили ему большие возможности. Образование, доступ к которому расширялся с момента великих реформ, позволило Пете стать востребованным участником многих сообществ. Указ от 17 апреля 1905 г. «об укреплении начал веротерпимости» определил его баптистскую стезю на 4 года жизни и привел его к самым сильным эмоциональным переживаниям за все

время взросления. Конечно, эти исторические импульсы определили Петину биографию, но во многом проводником их была семья.

Семья Самойловых интересна тем, что сочетает в себе черты патриархальности и модерна. К патриархальным чертам можно отнести, прежде всего, относительную многодетность и проживание женившихся сыновей под одной крышей с родителями. В семье было 6 детей – пятеро братьев и одна – старшая – сестра. При этом, согласно дневнику Пети, сестра Ольга, вышедшая замуж, жила отдельно от родителей. Братья так или иначе связаны с домом в Стрельне, к 1911 г. все, кроме Пети, были женаты и при этом Владимир, Федор и Алексей упоминаются как проживающие в доме. По поводу одного из братьев есть прямое указание, что он с женой проживал в доме у родителей¹⁸. При этом поражает как немногочисленность архаичных черт в семейной жизни Самойловых, так и быстрота и кардинальность произошедших изменений. Прежде всего, эти изменения касаются внутрисемейных отношений, которые характеризуются демократизмом и отчужденностью. В каком-то смысле перед нами городская буржуазная семья в том виде, в каком она описана в работах Б.Н. Миронова и Р. Зидера: «Вот ее классические черты – отделение деловой от частной жизни, освобождение жен и детей от обязательного труда, мужчина – кормилец, жена – возлюбленная и мать детей, закрытость семьи от посторонних, автономия от общества, индивидуализация личности, более интимный и демократический характер отношений между супругами и детьми, важное место эмоционально-эротической сферы, разделение дома на семью и чужих семье лиц (если таковые в доме проживают), полное освобождение от производственной функции – семья как исключительно потребляющая единица»¹⁹. Мы наблюдаем эту семью с точки зрения ребенка, младшего сына и из дневника мы действительно узнаем больше о повседневности мальчика, чем о повседневности семьи. Мы знаем, сколько он получил в тот или иной день по немецкому языку, мы знаем, какую модель яхты собирают они со старшим братом, но узнать из дневника, чем занимается Петин отец – невозможно. Ни о занятиях, ни об образе жизни своих родителей Петя ничего не сообщает. Родители вообще возникают на страницах дневника очень редко – за первые три года они упоминаются всего несколько раз и, как правило, по двум поводам – либо речь идет о конфликте, либо речь идет о деньгах. Родители для Пети это одновременно источник опасности и финансов; они – донаторы и контролеры. Семья – это место отчуждения. Это отчуждение имеет и свои несомненные плюсы – Петя ни разу не упоминает о том, что его били. Упоминаемое наказание со стороны родителей – это, словесные нотации или изъятие книг; мог усиливаться контроль и мальчика заставляли делать

уроки не в собственной комнате, а на глазах у матери. Пожалуй, временное изъятие одежды – это максимальное наказание, упоминание о котором мы найдем в дневнике. Отсутствие физического насилия в семье купца, крестьянина по происхождению, удивляет, особенно на фоне широкого распространения телесных наказаний в российских городских семьях конца XIX – начала XX в.²⁰ Но относительная мягкость родительского контроля вовсе не создает в семье дружественной и теплой атмосферы, по крайней мере, с точки зрения Пети. Его контакты с родителями в основном остаются за рамками записей. В конце концов, семья превращается в недифференцированную, безличную массу, которая является источником мелких угроз и болезненных взаимоотношений. Петя часто начинает характеризовать родителей в неопределенных множественных грамматических формах: «Меня допрашивали, как я познакомился с газетчиком», «прочли мне нотацию о поведении в школе и дома», «около 6 прогнали в церковь». Еще одним показателем отчуждения от семьи является упоминание на страницах дневника разговоров и впечатливших мальчика социальных контактов. Практически не упоминаются разговоры с родителями: первый разговор с отцом, который мальчик описал как интересный, относится к 14 августа 1909 г. – т. е. к концу третьего года ведения дневника. Гораздо больше интересного с Петей происходило вне семьи. Петя жил в Стрельне, а учился в Петербурге и практически каждый день он ездил на поезде туда и обратно. Важные для него встречи и разговоры, будоражащие события часто происходили на этом маршруте. В вагоне ругаются и поют песни бабы, буйствуют новобранцы, плачет какой-то мужик. «Приехал на 3 часа в вагоне говорил обо всем с бабой»; таких разговоров «обо всем» Петя с отцом и матерью не ведет. Самыми долгими разговорами оказываются беседы с попутчиками, тем более что они также могут ехать в одно и то же время каждый день. С попутчиками можно говорить о разных чудесных вещах, о которых с родными не поговоришь: о пожарах, о том, как начать говорить по-немецки, о грядущей войне, о том, как печатают газеты²¹. Часто в дневнике упоминаются разговоры, которые велись с одноклассниками и приятелями. Петя обсуждает с ними будущее парусного флота, шторм в Индийском океане и книгу «Корабль «Ретвизан»; разговаривает «о различных скоростях, порождаемых различными двигателями», «о плавании на яхтах одиночках», о гонках, о борьбе и о «борце в масках». Он может побеседовать с учителем рисования о золоте в Сибири и государственном перевороте в Турции²². Содержание этих разговоров нам неизвестно, но темы могут быть и вполне экзистенциальными: «В большую перемену говорили с Симой про смерть». Ни о чем подобном он с родителями не разговаривает. И это при том, что, судя по всему, Петя всегда фиксировал важные для него разговоры.

В этой семье происходит привычный нам процесс: взрослые и дети расходятся по разным секторам повседневности – именно это продуцирует непонимание и конфликты. То, что нами осознается как конфликт поколений, является ситуацией взаимонепонимания и/или взаимного игнорирования и эта структура просто зашита, как сейчас любят говорить, в ситуацию семейной жизни. Повседневность мальчика не совпадает с повседневностью его родителей – это, собственно и есть подростковая отчужденность.

При этом следует обозначить еще два момента. Во-первых, Петина узнаваемость для нас, современных читателей его дневника, не должна скрывать той истины, что вообще-то для модернизирующейся России начала XX в. Петя – пока еще представитель социальных меньшинств. На рубеже XIX – XX вв. купцов всех гильдий насчитывалось в Европейской России около 2% населения²³, среднее образование имели к 1917 г. около 3,5 процентов населения России среди лиц в возрасте 20 лет и старше²⁴, согласно расчетам А.И. Клибанова в 1912 г. количество баптистов в России не превышало 115 тыс. человек, т. е. составляло около 0,07%²⁵. Т. е. и с точки зрения социального положения, и с точки зрения образования и с точки зрения религиозных исканий, Петр Самойлов принадлежит к очень небольшим общностям в православной, крестьянской и не достаточно образованной России.

Кроме того, набор Петиных «автономностей» так велик в силу сочетания определенных случайностей – неизвестных нам подробностей семейной истории, возможно – психологического склада Самойловых (себя Петя называл не без рисовки «ледяной натурой», отца – просто «холодным», а одному из братьев дал прозвище «Колючий»). Так или иначе, биографии Петиных современников могут быть устроены иначе. Петя был абсолютно индифферентен к политике? Но из его ровесников-реалистов вышло большое количество политических активистов²⁶. Петя никак не связан со своими крестьянскими корнями? Но могло быть и иначе, и даже его друг и одноклассник мог ездить на лето к родным в деревню²⁷. Петю не смущало его сословное положение? Но были те, для кого оно могло превращаться в источник трагедии, как например, для петербургского гимназиста, который отравился в 1911 г., мотивировав свой поступок «сознанием невозможности выбиться из мещанства»²⁸. В Петинной биографии в силу случайных обстоятельств совпали многие факторы, определяющие его судьбу. Эти совпадения делают Петра Самойлова уникальным, дистиллированным продуктом модерна. И они же, аккумулируясь, создают ту энергию, которая двигает Петей по биографической траектории. Многие обстоятельства из жизни Петра Самойлова объясняются его принадлежностью к социальному и образовательному меньшинству. Зажиточность

семья позволяет не работать, позволяет превратиться в грамотного юнгу и быть востребованным яхтсменом; образованность делает его перспективным членом баптистской общины; а после революции те же факторы, вкупе с абсолютной политической индифферентностью, позволяют спокойно вписаться в большевистскую систему. Полная свобода в личной жизни и отсутствия каких бы то ни было внутренних обязательств перед родителями (учитывая, что они полностью обеспечивали его образование и религиозные искания, последнее обстоятельство мы можем оценочно назвать «бессовестностью») позволяют ему не отягощаться женой и семейной ответственностью, а также, проявив черную неблагодарность, бросить родителей на произвол судьбы в голодающем Петрограде 1918 г. Будучи автономен от семьи, predetermined карьеры и обязательного брака, будучи не связан какой-либо традицией и заранее заданной траекторией биографии, Петр Самойлов кажется нам похожим на нас, тем самым демонстрируя возможность формирования уже у истоков современности привычных нам социальных структур, переживших все катастрофы XX в.

И последнее. Петр Самойлов, в каком-то смысле это человек-лаборатория, реторта, в которой выращивается социальное будущее России. На его примере видно, как те явления повседневности, которые для нас кажутся само собой разумеющимся, вроде среднего образования, общественного транспорта, хобби, религиозной индифферентности, свободы пересечения границ и свободы выбора партнера – все это производит в итоге импульсы, под влиянием которых окончательно распадаются структуры традиционного общества. И этот распад, начало которому положила отмена крепостного права, в итоге высвобождает энергию, сродни атомной. Но в отличие от разлетающихся атомов цепной реакции, «автономные личности» стремятся собраться, склеиться на новых основаниях – раньше основанием были семья, традиционное занятие и унаследованный статус, а теперь речь идет о свободном выборе, квалификации и уровне образования. Но мир меняется медленнее, чем Петя, поэтому все его попытки встроиться в новые сообщества так травматичны. Он пытается занять в обществе место, соответствующее его квалификации и образованию, однако везде наталкивается на традицию, сложившуюся иерархию и заранее назначенный статус младшего. И в то же время ни одно из отвергнувших его сообществ не может обойтись без его квалификации и навыков – поэтому везде он оказывается в положении промежуточном, неокончательном. Именно это обстоятельство позволяет нам уверенно объяснять будущее модерна – секрет популярности политических массовых партий, массовых движений и тоталитарных государств XX в. «Автономные личности» начала XX в. активно включаются

в те сообщества, в которых востребованы новые качества нового человека.

Примечания

¹ См.: История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014. 368 с.; Эго-документы: Россия первой половины XX в. в межэтнических диалогах / под ред. М.А. Литовской и Н.В. Суржиковой; Институт истории и археологии УрО РАН. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 408 с.

² *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. 3-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.

³ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 545–549.

⁴ *Рейтблат А.И.* Детективная литература и русский читатель (вторая половина XIX — начало XX в.) // От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛО, 2009. С. 294–306.

⁵ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 545. Л. 24.

⁶ Там же. Д. 547. Л. 70.

⁷ *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России (60-е гг XIX в. — 1917). М.: Наука, 1965. С. 230–231.

⁸ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 549. Л. 189.

⁹ Там же. Л. 185, 187.

¹⁰ Там же. Л. 177 об.

¹¹ См., например *Радаев В.* Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019; *Петров А.В.* Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. 2008. № 2. 83–90.

¹² Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества и других званий. Санкт-Петербург, 1897. С 536; ЦГИА СПб. Ф. 388. Оп. 1. Д. 517. Л. 8 об.

¹³ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 549. Л. 52–53 об.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 388. Оп. 1. Д. 517, 917.

¹⁵ Там же. Л. 105, 115.

¹⁶ *Зорин А.Л.* Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.

¹⁷ *Энгельштейн Л.* Ключи счастья: секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX и XX веков. М.: Терра, 1996. 572 с.

¹⁸ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 545. Лл. 17, 23.

¹⁹ *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин. 2014. С. 734.

²⁰ Там же. С. 718–720. См. также: *Кон И.С.* Бить или не бить? М.: Время, 2012. 448 с.

²¹ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 546. Л. 71–74, 76, 77, 79 об.

²² Там же. Д. 547. Л. 6, 17, 18 об, 27 об, 37 об, 42.

²³ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х тт. Т. 1. 3-е изд. СПб: Дмитрий Буланин, 2003. С. 116.

²⁴ *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 720.

²⁵ *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России (60-е гг XIX в. – 1917 г). М.: Наука, 1965. С. 225.

²⁶ См., например *Беленцов С.И.* Ученическое движение в России, вторая половина XIX – начало XX в. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. 183 с.

²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 388. Оп. 1. Д. 967. Л. 2, 4.

²⁸ Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 12664. Л. 67.

Е.А. Долгова

Советское научное сообщество в объективе переменного фокусного расстояния: опыт реализации проекта по социальной истории науки

Аннотация. В статье характеризуется опыт реализации коллективного исследования по социальной истории науки – проекта «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)» В центре исследования оказалось многоаспектное, комплексное, выполненное в социально-историческом ключе исследование трансформации национального научного сообщества в условиях мощного социально-политического вызова, стоявшего перед российской наукой в XX в. – ее превращения из частного занятия в масштабное, индустриально организованное предприятие, в которое оказались вовлечены большие людские и материальные ресурсы. Содержательное наполнение данной проблематики потребовало усилий и взаимодополняемости компетенций специалистов различных дисциплинарной и тематической специализации; было реализовано в различных форматах и ракурсах. Новизну исследования определял методический прием переменного фокусного расстояния исследовательской оптики – сочетания микро- и макроподходов, приближения и отдаления научного объекта.

Ключевые слова: история науки, советское научное сообщество, социальная история, историко-демографический подход, структурные изменения, макропроцессы, микроистория.

© Долгова Е.А., 2023

В реализации проекта на разных этапах принимали участие Л.Н. Мазур, О.В. Метель, В.В. Слискова, А.В. Собисевич, Е.А. Стрельцова, М.А. Краснова, Е.К. Чукаева. Карточка проекта: URL: <https://rscf.ru/project/20-78-10095/> (дата обращения: 21.01.2023).

В 2020–2023 гг. в Российском государственном гуманитарном университете реализовывался проект «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)» (рук. – Е.А. Долгова), поддержанный Российским научным фондом. В центре исследования оказалось условие трансформации национального научного сообщества в условиях мощного социально-политического вызова, стоявшего перед российской наукой в XX в. – ее превращения из частного занятия в масштабное, индустриально организованное предприятие, в которое оказались вовлечены большие людские и материальные ресурсы. Содержательное наполнение данной проблематики, ранее актуализированной участниками проекта в историографии¹, потребовало усилий и взаимодополняемости компетенций специалистов различной дисциплинарной и тематической специализации; было реализовано в разных форматах и ракурсах. Новизну исследования определял и методический прием сочетания микро- и макроподходов, приближения и отдаления научного объектива: в оптике это называется переменное фокусное расстояние.

Исследуемым «длительным» вектором проекта стал статистический анализ структуры советского научного сообщества и динамики ее изменения на всем протяжении изучаемого периода – в 1930–1980-е гг. (Е.А. Стрельцова, Е.А. Долгова). В СССР наука функционировала как подсистема государства, была значимой отраслью народнохозяйственного комплекса. В связи с этим ей уделялось особое внимание. Плановый характер организации советской науки, включающий измерительный, анализирующий и корректирующий компоненты управления ею, сформировал детальную и непротиворечивую источниковую базу – комплекс статистических документов отчетности различного уровня, содержащих стандартные показатели (индикаторы) количественной и качественной оценки научной деятельности.

В качестве основных источников информации о состоянии и развитии научно-технического комплекса в СССР были использованы данные Центрального статистического управления (далее – ЦСУ) – союзно-республиканского органа централизованного руководства социалистическим учетом и статистики. К исследованию привлекались ключевые статистические сборники: «СССР в цифрах» (1934, 1935, 1958, 1963, 1981, 1985, 1987, 1989 гг.); «Социалистическое строительство в СССР» (1934–1936, 1938 гг.); «Культурное строительство в СССР» (1930–1935, 1940 гг.); «Народное хозяйство в СССР» (ежегодные издания за период 1932–1989 гг.). Они дополнялись данными неопубликованных материалов, выявленных в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ, ф. 1562. Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете

министров СССР, оп. 17 Отдел учета подготовки кадров культуры); Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, ф. А-374. Государственный комитет РСФСР по статистике (Госкомстат) РСФСР, оп. 27. Отдел статистики кадров культуры и науки). Привлечение обширного массива данных позволило сформировать детальную и непрототиворечивую базу для исследования длинных структурных циклов развития советской науки на всем протяжении ее развития (учитывая ряд ограничений, связанных с доступностью, качеством и сопоставимостью данных для проведения статистического анализа).

Для анализа были выбраны следующие индикаторы: 1) абсолютные (число научных организаций, численность научных работников, в том числе по квалификационным категориям, ученым званиям, областям науки, численность аспирантов и др.); 2) относительные, структурные (удельный вес вузов и научно-исследовательских институтов в общем числе научных организаций страны, удельный вес докторов и кандидатов наук в общей численности научных работников и др.); 3) относительные, показатели динамики (темпы прироста численности научных работников различных категорий и групп, числа научных организаций и др.). Выбор именно этих показателей был обусловлен, с одной стороны, простотой их интерпретации и при этом значительным аналитическим потенциалом, а с другой, (не)доступностью иной информации, которая используется сегодня при расчете комплексных индексов.

Проведенный статистический анализ позволил проследить эволюцию научно-технического комплекса СССР на протяжении советского периода – на примере изменения сети научных учреждений, численности и структуры научных кадров, системы их подготовки. В дополнение к полученным на первом этапе оценкам динамики численности научных работников в СССР был проведен анализ сходных процессов в советских республиках в 1930–1980-х гг. Были выявлены основные тенденции развития сети научных организаций в республиках; изучена структура сети по типам учреждений; оценена роль и позиции республиканских академий наук. Отдельным этапом стала работа по презентации полученных результатов статистических расчетов. Подготовленный к печати инфографический альбом «Наука в СССР: о чем говорит статистика?» в доступной форме визуализирует развитие научно-технического комплекса СССР². В альбоме представлены ключевые показатели, которые дают представление о масштабах и структуре сети научных организаций в СССР и его республиках, кадровой обеспеченности советской науки, системе подготовки научных кадров. Все визуализации сопровождаются историческими комментариями и пояснениями, которые позволяют ознакомиться с основными тенденциями раз-

вития институциональной системы советской науки, изменениями масштабов и структуры ее кадрового потенциала, а также понять причины, определившие эти тенденции.

В рамках поставленной макро-задачи изучения структуры научного сообщества в исследуемый период в центре внимания научного коллектива оказались и важные социально-демографические изменения XX в. – вхождение в его состав больших в количественном отношении групп научных работников. Безусловно, демографические индикаторы (особенно такие, как пол, возраст, национальность) не оказывают влияния на результаты исследований научных работников и являются внешними по отношению к научной деятельности, однако через соответствующие социальные механизмы они приобретают социальные характеристики и должны учитываться в процессе изучения научной деятельности и управления ею. Особое значение имеет подготовленная и зарегистрированная в Роспатент база данных «Женщины – исследовательницы Москвы и Ленинграда, 1920-е годы» (Е.А. Долгова, Е.А. Стрельцова)³. В ресурсе объединена информация о квалификационных и карьерных позициях, индивидуальных биографических траекториях женщин – научных работников и преподавательниц вузов, работавших в Москве и Ленинграде в конце 1920-х гг. (через 10 лет после юридических решений, закрепивших гендерное равноправие). В качестве документального источника использованы депонированные в ГАРФ списки сотрудников Москвы и Ленинграда, состоявших в Секции научных работников и зарегистрированных в Центральной комиссии по улучшению быта ученых в 1926–1930 гг.⁴ Представленная в базе данных информация позволяет изучить не только социально-демографические характеристики советского научного сообщества Москвы и Ленинграда на конец 1920-х гг., но и охарактеризовать удельный вес различных групп в составе женщин – научных работников и преподавательниц вузов, выявить факторы, которые могли оказывать воздействие на вхождение женщин в науку и их карьерные траектории.

Количественный анализ дополнили конкретно-исторические исследования, детализирующие и уточняющие статистические данные. В первые два года работы по проекту реализовывался вектор исследования институциональных процессов формирования в СССР региональной системы научно-исследовательских учреждений и вузов. В центре внимания участника научного коллектива О.В. Метель оказалась проблема координации работы сети научно-исследовательских центров АН СССР и ее отделений (филиалов, баз, а затем и республиканских академий) в условиях расширения советской научной карты⁵. На материалах учреждений исторического профиля О.В. Метель исследовала длительный

процесс становления академической периферии, выделяя этапы и организационные формы научного освоения территории: от экспедиций и комиссий к республиканским академиям, академическим филиалам и базам. Важным результатом стала характеристика процессов территориального движения научных кадров, описание их тенденций и динамики⁶.

Изучение «больших» процессов соотносилось с микроаналитической стратегией исследования, раскрывающей уровень повседневных практик реализации управленческих решений организации «научного строительства» и разворачивания научно-технологической карты. Е.А. Долговой было реконструировано социально-бытовое обеспечение одного из значимых проектов в истории советской науки – перевода учреждений Академии наук СССР из Ленинграда в Москву в 1930-е гг.⁷ Перемещение учреждений АН СССР и связанных с ними групп научных работников стало важным событием изменения советской научно-технологической карты в ключевой для ее формирования и развития период. Особый интерес в этом отношении представляет дисциплинарный ракурс – обеспечение ассоциаций Академии наук СССР «первой очереди» (геологические, биологические, химические и физико-математические науки) жилой площадью в Москве за счет перевода в Ленинград неакадемических научных учреждений гуманитарного профиля. Учет особенностей распределения жилого и квартирного фонда, различия социально-экономического обеспечения различных квалификационных (академики, научные работники, научно-вспомогательный персонал, молодые ученые) групп является любопытным сюжетом социальной истории советского научного сообщества – его «материального мира», внутренней дифференциации, частной бытовой истории в эпоху реализации «больших проектов».

Изучение советского научного сообщества с точки зрения его материального и инфраструктурного обеспечения, формирующего статус, мотивы роста, возможности и дифференциацию научных работников стало важным вектором проекта. В этом отношении исследование также сочетало макро- и микроаналитические (внимание к конкретным учреждениям) стратегии. С точки зрения комплексного анализа была поставлена задача выявления и формирования корпуса данных, характеризующих срез материально-технического, информационного и социально-бытового наполнения научной инфраструктуры в советский период. Работа велась в РГАЭ. В центре внимания оказались разработочные таблицы и годовые статистические отчеты научно-исследовательских учреждений по формам Центрального управления народнохозяйственного учета (ЦУНХУ), включавшие сводные данные о финансировании, материальной базе, кадровом составе институций. Хотя

в документации присутствуют значительные лакуны (в формах отчетности не заполнен ряд разделов, отдельные данные не формализованы), информационный потенциал источника значителен. Структура документа (формуляр) и синхронность (единовременное обследование первой половины 1930-х гг.) комплекса источников обеспечивают возможности применения количественных методов для потенциального анализа штатной структуры, инфраструктурного и финансового обеспечения сети научных организаций, в разрезах – дисциплинарном и территориальном.

Задача обследования работы конкретных организаций социально-гуманитарного, естественнонаучного, медицинского профиля реализовывалась с учетом дисциплинарной специфики их ресурсного обеспечения и штатного (кадрового) наполнения. Организация исследований в институтах естественнонаучного профиля рассматривалась участником проекта В.В. Слисковой на примере Государственного института народного здравоохранения Народного комиссариата здравоохранения (далее – ГИНЗ). Исследователем была поставлена задача детальной характеристики «научного быта»⁸ конкретного учреждения в условиях изменения форм организации и принципов ведения научной работы в первое постреволюционное десятилетие – с точки зрения инфраструктурного обеспечения его учреждений. В центре внимания оказались вопросы оснащения лабораторий, закупок оборудования и реагентов, оборудования институтов вивариями и питомниками, а также – содержание подопытных животных, пополнение институтских библиотек и другие сюжеты повседневного научного труда исследователей 1920-х гг.⁹ С материалами статистической и делопроизводственной документации конкретных научных учреждений, проводящих исследования в области геологии, географии, почвоведения, агротехники и ботаники, работал А.В. Собисевич. В качестве источников им были привлечены таблицы персонала, дающие представление о количестве и составе научных работников, инженерного и научно-управленческого персонала в рассматриваемых учреждениях; сводная переписка по хозяйственно-административным вопросам, отчетная документация и бланки самообследования. Специфике ресурсного и кадрового обеспечения социально-гуманитарных наук были посвящены работы О.В. Метель (Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС¹⁰) и Е.А. Долговой (институты красной профессуры¹¹). Их изучение актуально с позиции уточнения сути «мобилизационного» типа управления, нацеленного на преимущественное внимание к стратегически важным отраслям того периода (технике, биомедицине, сельскому хозяйству, прикладной экономике по сравнению, например, с гуманитарными науками).

Максимально приближен к источнику исследовательский микроскоп оказался при изучении истории отдельной социально-демографической единицы: семьи научного работника в 1920-е гг. Несколькими годами ранее в Государственном архиве Российской Федерации в ф. Р-5462 (Центральные комитеты профессиональных союзов работников просвещения, высшей школы и научных учреждений) был выявлен комплекс бюджетного обследования научных работников, проведенного ЦСУ СССР в 1925 г. общим объемом свыше 4 тыс. архивных листов заполненных первичных бланков¹². Целью бюджетной статистики является анализ уровня и условий жизни семьи, в том числе доходов по их источникам; расходов по их назначению; обеспеченности семьи жилищем и предметами культуры и быта; состава семьи, занятости и образовании ее членов и проч. В ходе конкретного бюджетного обследования научных работников 1925 г. Центральным бюро секции научных работников были собраны сведения о домохозяйствах научных работников и преподавателей вузов из 15 городов СССР – Ленинграда и Москвы, Харькова, Киева, Минска, Одессы, Ташкента, Казани, Перми, Воронежа, Новочеркасска, Ростова-на-Дону, Томска, Симферополя, Краснодар. Оно показало глубокую дифференцию научно-педагогического сообщества: территориальную, дисциплинарную, квалификационную, возрастную. Ввиду важности содержания и трудоемкости обработки источника работа велась поэтапно. На первом этапе был определен характер сохранившихся документов, в которых отражены результаты бюджетного обследования: выявлены первичные (фиксируют информацию по бюджету конкретной семьи) и вторичные (сводные результаты по региону/республике – аналитические записки за отдельные годы по итогам разработки; публикации для служебного пользования результатов анализа бюджетов; научные публикации статистиков) документы. На следующем этапе была поставлена задача оценки репрезентативности, реализованная путем сравнения средних показателей выборочной и генеральной совокупности, а также уточнены подходы составителей. На третьем этапе была подготовлена база данных «Бюджетное обследование научных работников СССР. 1925 г.». Представленная в ней информация позволяет изучить не только социально-демографические характеристики жизни научного работника (описание жизненного цикла его семьи, эволюции семейно-брачных отношений), но и условия жизни, бюджет рабочего времени, хозяйство и проблемы материального благосостояния. Подготовленная база данных была зарегистрирована в Роспатент¹³, всесторонне презентована в научном и научно-популярном пространстве¹⁴. Содержание базы данных стало основой для научных публикаций, в том числе обобщающей коллективной монографии «Жизненные миры советского

ученого: бюджетное обследование научных работников 1925 г.» (Е.А. Долгова, Л.Н. Мазур, В.В. Слискова – в рукописи). В настоящее время ведется работа по разработке оболочки визуализации базы данных в открытом доступе (интернет-страница сайта РГГУ) и настройки фильтров доступа к ее информационному содержанию.

Экономическая проблематика (распределение социально-экономических ресурсов) рассматривалась и в иных научных публикациях участников коллектива. В текстах Е.А. Долговой особое внимание уделялось проблематике социальной истории науки. Материальное обеспечение ученых и его различие рассматривались как инструмент поощрительных, стратификационных, контролируемых практик советской модели управления наукой, построенной на манипулировании привилегиями, создании различий внутри научного сообщества, имущественной иерархии¹⁵. Самостоятельной задачей в рамках реализации проекта стала характеристика комплекса «научных» социальных объектов (жилые комплексы, учреждения социальной опеки, поликлиники, больницы для научных работников) в социально-бытовой инфраструктуре регионов¹⁶. В центре исследования оказался ряд сюжетов: «жилищный вопрос» – «уплотнение» и расселение, общежития, дома-коммуны, жилищные кооперативы и дачные поселки научных работников; медико-социальное обслуживание – история Дома престарелых ученых в Москве и Ленинграде, исследование санаторно-курортной сети для научных работников, изучение сферы услуг и организованного досуга и т. д. Работа велась в фондах Государственного архива Российской Федерации, Архива РАН, региональных архивов – Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Томска; рукописных отделов (например, коллекция писем пансионеров Дома престарелых ученых в Отделе рукописей Пушкинского дома) и др. В рамках исследовательского вектора была вскрыта эволюция подходов к материальному стимулированию научного труда в советский период – от установки на индивидуальное материальное поощрение конкретного научного работника (Центральная комиссия по улучшению быта ученых) к поддержке выделенных научных коллективов, аффилированных с конкретной научной организацией (в системе Комиссии содействия ученым)¹⁷.

Изучение формирования и утверждения советской науки как индустрии соотносится с социально-политическим запросом к науке: исследовалось в тесной функциональной увязке с актуальными задачами развития общества и поиском оптимальных организационных и управленческих форм управления научными исследованиями. Именно поэтому важным вектором стало изучение прикладного измерения науки – ее «проектного» потенциала, прямо отзывавшегося на конкретные запросы действительности.

В научных статьях А.В. Собисевича были рассмотрены история Кавказской комплексной экспедиции Совета по изучению производительных сил (1945–1948), которая ставила своей целью изучение природных ресурсов территорий, пострадавших в годы Великой Отечественной войны¹⁸. Привлекла внимание исследователя и история конструктивной географии – попытка создания научной дисциплины для преобразования природной среды в социалистическом обществе (два научных доклада), развитие нефтеразведки в Советском союзе (научный доклад на материалах биографии И.М. Губкина), проекты по развитию трансарктического воздухоплавания¹⁹, участие советских ученых в проекте «Почвенная карта мира»²⁰. Обращение биологов и физиологов к идее продления жизни и поиска бессмертия охарактеризовала В.В. Слискова в статье "По нашумевшему за последнее время вопросу об омоложении": письмо Ю.А. Филипченко Н.К. Кольцову»²¹. Дополняющим вектором исследования стало изучение личности ученого-участника глобального процесса трансформации науки. В историко-биографическом жанре была подготовлена научная статья А.В. Собисевича о жизни советского географа В.Б. Сочавы, внесшего значительный вклад в формирование геосистемной теории в области знаний географии, экологии и наук о земле в целом²².

Советское научное сообщество было инкорпорировано в сложные процессы и тенденции развития не только национальной, но и мировой науки. В центре изысканий научного коллектива оказались как «витринная» функция советской науки (способ продемонстрировать успехи в традиционно сильных научных областях), так и внимание к международному научному сотрудничеству как инструменту взаимообмена критически важными технологиями. «Внешний» контур функционирования советской науки был актуализирован научным коллективом в дискуссионном формате. Изучение советского научного сообщества как части международного, испытывающего влияние событий не только национальной, но и мировой истории было поставлено в центр дискуссии в рамках организованного научным коллективом круглого стола «Global vs National: ideologems and mythologemes of Soviet science, 1920-50s» (International Council for Central and East European Studies (ICCEES), Монреаль, Канада, 3-8 августа 2021 г.). Тематика была представлена и в формате тематической секции «Советская публичная («витринная») дипломатия: передовые, адаптивные и заимствованные практики в сфере науки и образования» в рамках XVI Международной научно-практической конференции «История науки и техники. Музейное дело», которая прошла в Москве 14-15 декабря 2022 г. на базе Политехнического музея. В издании «Вестник Пермского университета. Серия: История»,

№ 4 за 2022 г. была сформирована одноименная тематическая рубрика¹. В нее вошли как подготовленные статьи участников научного коллектива, так и тексты привлеченных специалистов²³.

Особое внимание в рамках реализации проекта было уделено анализу конструирования образа ученого и научной повседневности в популярном пространстве 1920–1980-х гг. с точки зрения изменения социально-политического запроса к профессии. В центре внимания научного коллектива оказался советский кинематограф: его анализ позволяет декодировать мифологию современного кинолентам общества, реконструировать представления об идеальном типе взаимоотношений ученого и государства. Исследование велось в двух направлениях: во-первых, важной задачей стало уточнение выборки – составление перечня игровых художественных кинофильмов, главным или второстепенным персонажем которых являлись ученые (включая молодых исследователей в статусе аспирантов). На основе анализа аннотированных каталогов советских художественных фильмов и последующего просмотра (метод структурированного наблюдения) Е.А. Долговой и В.В. Слисковой были выявлены 310 кинолент, сведения о которых (название, год выхода, афиша, выходные данные: киностудия, режиссер, автор сценария, жанр, характеристика персонажа-ученого, наличие рецензий и откликов в прессе, награды и премии) были загружены в разработочные excel-таблицы (подготовленные в том числе для статистической обработки). Формой представления результата стал подготовленный аннотированный указатель художественных кинофильмов о советских ученых за 1918–1980-е гг. Визуальным решением, имеющим научно-популярное значение, – размещение данных каталога на web-странице Российского государственного гуманитарного университета и структурирование его содержания на основе признаков (фильтров), тематически объединивших ключевые слова (теги). На заключительном этапе работа над каталогом была финализована в форме регистрации свидетельства о регистрации результата интеллектуальной деятельности в Роспатент²⁴. Однако работа с ресурсом продолжается: составлена матрица контент-анализа, содержащая систему кодов и правила кодирования визуального контента советских фильмов для изучения кинематографического образа советского ученого. Научные результаты анализа эволюции кинообраза ученого представлены в публикациях Е.А. Долговой (кинематограф второй половины 1940-х гг.²⁵) и А.В. Собисевича (анализ биографических фильмов второй половины 1940-х гг. «Пирогов» и «Мичурин»²⁶).

¹ За приглашение к формированию рубрики благодарю д.и.н., проф., зав. кафедрой междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного университета, главного редактора журнала Г.А. Янковскую.

Как видно, в ходе исследования, кроме серии научных публикаций, был успешно реализован и актуальный с точки зрения междисциплинарного подхода формат создания коллективных ресурсов – визуализаций, информационных баз данных. Данные инструменты и информационные системы применяются в учебных курсах «Социология научного сообщества» (магистратура «Историческая экспертиза: современные подходы и методы» исторического факультета Российского государственного гуманитарного университета); в рамках курса «Методология и методы исследования истории науки и техники» и «История науки и техники» – дисциплин программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре по научной специальности «История науки и техники». Создание ресурсов иллюстрирует основную тенденцию информатизации исторических исследований – переход от одноразового (целевого) анализа источников к формированию комплексной информационной среды, в которой реализуется принцип доступности и многоцелевого использования создаваемых информационных ресурсов, в том числе в образовательной практике²⁷. Другой важной установкой коллектива стала всесторонняя апробация результатов исследования, их презентация в научно-популярном и дискуссионном форматах. Например, стало ежегодным коллективное научно-практическое мероприятие, направленное на популяризацию проекта и активное вовлечение молодых ученых (студентов и аспирантов) в науку – Межвузовская школа молодых ученых «Один день из жизни ученого: повседневность, коммуникации, смыслы». Школа является открытой дискуссионной площадкой, объединяющей историков и социологов науки, специалистов-научковедов. Заявленная тематика истории «одного дня», конечно, является фокусом для исследования «больших» (структурных) научных тенденций и процессов, определяющих изменения профессиональной повседневности ученых.

Таким образом, научным коллективом было реализовано многоаспектное, выполненное в социально-историческом ключе исследование. Прием переменного фокусного расстояния – удачное сочетание макро- и микроаналитических стратегий исследования – позволил сформировать выразительную и непротиворечивую систему понимания процессов и событий, происходивших в поле советской науки. Результатом статистического анализа стал комплексный анализ эволюции научного комплекса СССР на протяжении практически всей истории страны (с акцентом на изменения социальных параметров научного сообщества). Смещение (приближение) исследовательской оптики к содержанию конкретных документов и изучению частных сюжетов обеспечило персональный ракурс рассмотрения «больших событий» XX в.

Примечания

- ¹ Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920-1930-е гг. М.: РГГУ, 2020.
- ² Наука в СССР: о чем говорит статистика? / Е.А. Долгова, Е.А. Стрельцова; дизайнер – М.А. Краснова; Российский государственный гуманитарный университет. М.: РГГУ, 2023, 40 с.: илл.
- ³ Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. База данных «Женщины-исследовательницы Москвы и Ленинграда, 1920-е годы». Номер свидетельства о государственной регистрации базы данных 2022620868, дата регистрации 18 мая 2022 г.
- ⁴ Были изучены на предыдущем этапе: Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. «Добро пожаловать в клуб»: Положение женщин в советской науке 1920-х годов // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 97-107.
- ⁵ Метель О.В. Совет по координации научной деятельности академий наук союзных республик и формирование системы координации научных исследований в СССР // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 4. С. 46–59.
- ⁶ Метель О.В. Географическая мобильность советских историков 1950–1970-х гг.: к постановке проблемы // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8. № 3 (31). С. 98-105.
- ⁷ Долгова Е.А. «Маленькие» хлопоты «большого» переезда: жилищное обеспечение перевода Академии наук СССР из Ленинграда в Москву // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 3. С. 726–741.
- ⁸ Термин «научный быт»: Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22.
- ⁹ Слискова В.В. Организация Государственного института народного здравоохранения Наркомздрава в 1918–1920 гг. // Платоновские чтения: материалы и доклады XXVIII Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 9–10 декабря 2022 г.) / отв. редактор П.С. Кабытов. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2023. С. 185–187.
- ¹⁰ Метель О.В. Институт научного атеизма и развитие религиозических исследований в СССР в 1960–80-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. № 2. С. 40–50.
- ¹¹ Долгова Е.А. С.В. Бахрушин в Институте Красной профессуры: лекции по истории народов Сибири. 1936 г. Вестник архивиста. № 1. С. 275–288.
- ¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5462. Оп. 7. Д. 396. Циркулярное письмо ЦБ и переписка о проведении бюджетного обследования научных работников; Д. 397–398, 400–412. Бюджетные обследования (первичные бланки); Д. 399, 413-420. Бюджетные обследования (статистические сведения).
- ¹³ Мазур Л.Н., Долгова Е.А. База данных «Бюджетное обследование научных работников СССР. 1925». Номер свидетельства о государственной регистрации базы данных 2022620352, дата регистрации 28 февраля 2022 г.
- ¹⁴ Мазур Л.Н. Как жили ученые в СССР в 1920-е гг.?: из истории бюджетных обследований // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 апреля 2021 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.].

Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. С. 292–294; *Она же*. Повседневность советских ученых в материалах бюджетного обследования 1925 г. // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 49, специальный выпуск. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022. С. 20–22; *Она же*, Долгова Е.А. Бюджетное обследование научных работников СССР (1925): от источника к базе данных // Наука и техника: Вопросы истории и теории. СПб., 2022. С. 32–38

¹⁵ Долгова Е.А. Дачи для академиков: практики распределения и организация пространства, 1930–1980-е гг. // Управление наукой: теория и практика. 2023. Том. 5, № 1. С. 142–166; *Она же*. Профессор Преображенский: «Я один живу и работаю в семи комнатах» // Родина. 2022. № 11. С. 116–119; *Она же*, Каиль М.В. Партия, дай порулить! Как распределялись первые автомобили среди советской элиты 1930-х годов // Родина. 2022. № 1. С. 125–128; *Она же*. Квартирный вопрос для научных работников: от дома-коммуны к жилищному кооперативу // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 4. С. 139–158.

¹⁶ Долгова Е.А. Ведомственные детские сады в системе академических учреждений 1920–1930-х гг. // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции, 6–8 апреля 2023 г. Т. 1. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2023. С. 181–186; *Она же*. «Нам было обещано, что помещение будет за нами»: документы о реэвакуации Дома престарелых ученых в Ленинград, 1944–1946 гг. // История науки и техники. Музейное дело. Законы природы и нормы общества: взаимосвязь и взаимовлияние в прошлом и настоящем. М., 2022. С. 223–231.

¹⁷ *Она же*. «ЦеКУБУ играет до сих пор значительную роль в деле материально-бытового обслуживания научных работников, вместе с тем...»: дискуссия о ЦеКУБУ в 1929–1931 гг. // Исторический архив. 2022. № 1. С. 102–132.

¹⁸ Собисевич А.В. Кавказская комплексная экспедиция СОПС: исследование природных ресурсов для послевоенного восстановления края // Архивный поиск: сб. научных статей и публикаций. М.: Архив РАН, 2020. С. 243–251.

¹⁹ Собисевич А.В., Чеснов В.М. Арсений Арсеньевич Ярилов и проекты по развитию трансарктического воздухоплавания // Советская гуманитаристика: Мечты и прагматика в 1920–1950-е гг. М.: ИЦ РГГУ, 2020. С. 126–134.

²⁰ Собисевич А.В. Участие советских ученых в проекте «Почвенная карта мира» // Вопросы истории естествознания и техники. 2022. Т. 43. № 1. С. 41–53.

²¹ Слскова В.В. «По нашумевшему за последнее время вопросу об омоложении». Письмо генетика Ю. А. Филипченко директору Института экспериментальной биологии Н. К. Кольцову. 29 августа 1923 г. // Вестник архивиста. 2021. № 4. С. 1143–1154.

²² Snytko Valerian A., Sobisevich Alexey V. Scientific path of Victor Borisovich Sotchava and his contributions for landscape analysis // Revista do Instituto Geologico Revista do Instituto Geológico. São Paulo. 2020. Vol. 41 (3). P. 1–7.

²³ Долгова Е.А. «Содействие у нас и защита у них»: советские комиссии обеспечения ученых как витринный проект в 1920–1930-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 4(59). С. 62–71; Беляев Д.Д. «Красный филолог разгадал загадку центральноамериканской иероглифики»: дешиф-

ровка письменности майя Ю.В. Кнорозова в контексте советской публичной научной дипломатии 1950-х годов // Там же. С. 72–80; *Каиль М.В.* (Вос-)создание российской высшей духовной школы в контексте реализации дипломатической миссии Московской патриархии послевоенного периода // Там же. С. 81–91; *Собисевич А.В.* «Если почвовед почему-то нельзя включить в делегацию, просим физика или химика»: советские проекты преобразования природы и их презентация за рубежом // Там же. С. 92–101.

²⁴ *Долгова Е.А., Слискова В.В.* База данных «Аннотированный каталог советских художественных кинофильмов о науке и ученых за 1918–1980-е гг.». Номер свидетельства о государственной регистрации базы данных 2022620862, дата регистрации 18 мая 2022 г.

²⁵ *Долгова Е.А.* Научная повседневность профессора Лосева: шпиономания в советском послевоенном кинематографе // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2020. № 4(56). С. 85–92.

²⁶ *Собисевич А.В.* Конструируя образ идеального советского ученого: обзор документов о создании фильма «Мичурин» режиссера А.П. Довженко // Историко-биологические исследования. 2022. Т. 14, № 2. С. 94–108.

²⁷ *Долгова Е.А.* Базы данных по истории и социологии советского научного сообщества: опыт применения в учебном процессе РГГУ // Гуманитарный акцент. 2022. № 4. С. 112–119.

М.В. Каиль

Московская Патриархия в международном движении борьбы за мир эпохи холодной войны: конфессиональный и политический дискурсы

Аннотация. В статье анализируется историко-церковная (конфессиональная) и политическая составляющая международной коммуникации Московского Патриархата Русской Православной Церкви в период построения послевоенного мира и холодной войны. Анализ реалий осуществления церковной иерархией церковно-дипломатических миссий в интересах государства предстает важным детерминирующим фактором, маркирующим роль конфессионального института в реалиях международных отношений новейшего времени. Миротворческое направление при этом являлось ключевым и наиболее прагматичным направлением публичной церковной дипломатии эпохи.

Ключевые слова: церковная дипломатия, межконфессиональный диалог, «холодная война», напряженность, дискурсивные практики.

Участие Московской Патриархии в международной коммуникации в интересах советского правительства в период после «сталинского разворота» в вероисповедной политике – достаточно известный и разработанный историографический сюжет¹.

Характер и особенности международной коммуникации Московской Патриархии с достаточной полнотой реконструированы: послевоенная патриархия должна была, участвуя в международной коммуникации, опирающейся на исторические связи с восточными патриархатами, а также поместными православными церквами, способствовать расширению контактов советского правительства в зонах стратегических и тактических интересов. Так, на Ближнем востоке 1944–1948 гг. именно церковь делала первые

шаги, возобновляя исторические связи со Святой Землей и восточными патриархатами, а следом в странах региона открывались дипломатические представительства Советского Союза или повышался уровень представительства существовавших².

При этом реализация такой внешнеполитической миссии была лишь отчасти публичной, сообщения корпоративной и официальной советской печати (единственным официальным печатным органом являлся «Журнал Московской Патриархии» (далее – ЖМП), издание которого возобновилось в 1943 г.) о визитах и встречах православных иерархов не слишком влияли на общественное восприятие православия, оставаясь предметом обсуждения в основном интеллигенции. На этом фоне подробные сообщения о миротворческих форумах и акциях, осуществляемых православными лидерами, были внятной, хорошо осмысляемой и во многом способствующей росту симпатий к церкви широких кругов общественности. Это направление активности делало церковь заметным публичным актором, возвращающимся на страницы официальной печати и кадры хроники, а значит в публичное поле и мейнстрим общественной жизни.

Как складывалось данное направление публичной активности РПЦ, кто и в каких форматах его осуществлял? Эти вопросы представляют безусловную научную значимость и исследовательскую актуальность.

Само миротворческое движение появляется вскоре после завершения Второй Мировой войны, когда мир отчетливо разделился на два лагеря, позиции которых приобрели конфронтационные черты. Программные заявления 1946–1947 гг., ознаменовавшие начало холодной войны, определили и новую задачу для общественных сил, желавших воспрепятствовать развитию новых масштабных конфликтов в Европе. Контекстом для формулирования антивоенной позиции был атомный шантаж США, подготовка к созданию Североатлантического блока и другие опаснейшие явления.

В ответ на происходящее в августе 1948 г. в польском городе Вроцлаве десятки выдающихся деятелей культуры создали Международный комитет связи деятелей культуры в защиту мира.

Этот комитет выступил инициатором созыва первого Всемирного конгресса сторонников мира, проходившего в апреле 1949 г. в Париже и Праге³. Масштабное представительство, предложенный Пабло Пикассо символ движения – голубь – сделали форум значимым международным событием, сформировав традиции подобных мероприятий, стиль и практики международного миротворческого движения. Состав советских участников на форуме был разнообразным, включал деятелей культуры. В числе участников и выступающих форума был и глава церковной дипломатии митро-

полит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич), один из наиболее образованных и авторитетных церковных иерархов послевоенной церкви.

С 1949 г. в СССР ежегодно стали проходить масштабные Всесоюзные конференции сторонников мира. Первая собралась в августе 1949 г. в Москве в составе 1200 делегатов, горячо поддержавших миротворческие усилия советского правительства. В Советском Союзе был сформирован Постоянный комитет в защиту мира, вошедший в общение со Всемирным конгрессом сторонников мира. Уже в 1949 г. были сформулированы цели движения: прекращение гонки вооружений, запрещение атомного оружия. Антивоенное движение подогревали в тот период и события в Корее.

С этого времени в «Журнале Московской Патриархии» открывается постоянный раздел «В защиту мира», само появление которого свидетельствует о роли и месте этого направления деятельности в жизни РПЦ. Церковное издание публикует хронику светских Всесоюзных конференций сторонников мира, в которых неизменное участие принимают представители РПЦ. Речи на всесоюзных конференциях произносил, как правило, патриарх или митрополит Николай в качестве главы церковной дипломатии.

Такой уровень представительства в очередной раз подчеркивал важность направления для церковной иерархии, степень публичности и актуальности направления для светской власти. О мотивах включения церкви в международную деятельность развернуто высказался биограф Николая (Ярушевича) А.С. Сурков: «В конце 1940-х гг. в связи с ухудшением государственно-церковных отношений в СССР священноначалие МП и руководство Совета по делам РПЦ напряженно искали ту сферу деятельности Церкви, которая могла бы быть полезной с точки зрения государственных интересов и предотвратить новые антицерковные акции»⁴.

Первое публичное высказывание представителя РПЦ по вопросу борьбы за мир – это публикация ЖМП в декабре 1947 г. секретаря редакции журнала о. Александра Смирнова⁵. Тема получила заметное развитие на совещании глав и представителей поместных православных церквей в июле 1948 г. в Москве – ключевом церковном форуме послевоенного десятилетия, приуроченном к 500-летию автокефалии Русской церкви.

Инициатива церковного участия во Всемирном конгрессе 1949 г. принадлежала владыке Николаю – в марте 1949 г. он запросил Совет по делам РПЦ о возможности церковного представительства на предстоящем форуме. Владыка не думал выступать на форуме лично, но вскоре такую задачу поставил председатель Совета Г.Г. Карпов, и митрополит Николай должен был провести на форуме страстную седмицу. Вопреки распространенным сужде-

ниям о том, что основные препятствия выездам за рубеж чинили советские административные органы, в тот момент владыка Николай должен был направиться в Париж с протопресвитером – управляющим делами Московской Патриархии Николаем Колчицким, которому Франция отказали в визе. Подробные воспоминания о конгрессе оставил еще один его советский участник Илья Эренбург. По его свидетельствам и официальным отчетам миссия митрополита Николая была успешной. В финале выступления он перешел на французский, что очень расположило зал и собрало после заседания большую автограф-сессию (владыка подписал желающим около 2 тысяч своих снимков)⁶.

Митрополит Николай вошел в состав Постоянного комитета в защиту мира, сформированный по итогам форума. В последующие 10 лет владыка лично принял участие в 16 крупных международных форумах Всемирного конгресса / совета мира, проходивших в Чехословакии, Берлине, Вене, Будапеште, Стокгольме, Хельсинки и на Цейлоне. Выступления «в защиту мира» вошли в официальный протокол его международных визитов и по линии ОВЦС.

И если первое выступление 1949 г. отличал определенный формализм и излишняя с точки зрения ряда слушателей светскость, то некоторые последующие заявления получили концептуальное звучание. Так, в марте 1956 г. в Осло владыка озвучил глубокий доклад «Мир и дружба между народами»⁷.

В ряде случаев в Совете по делам РПЦ принималось решение о необходимости самого высокого представительства для обозначения позиции РПЦ. Так, весной 1950 г. именно патриарх Алексий призвал духовенство и верующих подписаться под Стокгольмским воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса о запрещении ядерного оружия (у стран тогда возникло негласное соревнование по массовости поддержки документа и Советскому Союзу следовало продемонстрировать массовую поддержку документа).

При этом отдельные церковные деятели, в том числе заграничные, хорошо понимали роль и значение публичных заявлений РПЦ по миротворческой повестке. Так, владыка Василий (Кривошеин) разъяснял своим корреспондентам, что «всем этим мирным выступлениям митрополита Николая не надо придавать никакого значения, так как они вынуждены и он делает это только ради блага церкви взамен на те льготы и послабления, которые Сталин в послевоенные годы предоставлял Церкви...»⁸. Современные западные обществоведы также нередко обличали советское правительство в политической эксплуатации дела борьбы за мир⁹.

Должно отметить, что некоторые публичные выступления митрополита Николая 1950-х гг. «в защиту мира» сильно вредили

его имиджу, особенно осложняя контакты и снижая рукопожатность со стороны эмигрантской общественности и Русской Православной Церкви Зарубежом. Так, перед намеченным визитом митрополита в Лондон молодой священник, а впоследствии известный писатель и проповедник и митрополит Антоний Блум направляет ему письмо, предупреждающее о том, что его визит в храм нежелателен и невозможен. Митрополит Николай с пониманием отнесся к этой ситуации, как и многим подобным обстоятельствам¹⁰. Между тем в русле правительственных задач митрополит в своих речах и обращениях к общественности все чаще должен был метафорично и резко обличать «поджигателей войны». Так, в выступлении 1949 г. он характеризовал США: «Жадные щупальца заокеанского спрута пытаются опутать весь земной шар» и уподобил страну «неистой блуднице»¹¹. Степень несвободы публичных выступлений была такова, что, как вспоминал И. Эренбург, после произнесения им речи на первом миротворческом форуме 1949 г. владыка Николай, поздравляя его особо отметил прозвучавший в речи Эренбурга библейский сюжет фразой «вам-то можно, а мне нельзя...»¹².

Особое значение в ряду первых церковных миротворческих мероприятий имел форум в защиту миру, организованный в СССР в мае 1952 г. Он был организован с размахом и помпой. Принимала его Московская Духовная Академия в Загорске, сохранилась подробная кинохроника, восстановленная и ныне доступная на информационных ресурсах Российского государственного архива кинофотодокументов. Форум, представленный в прессе как «конференция всех церквей» в реальности была всесоюзной конференцией всех конфессий, получивших возможность публично выразить свое признание миротворческих заслуг советской власти и правительству. Владыка Николай произнес на собрании крайне политизированную речь, назвав в ней Советский Союз «неприступной цитаделью мира, более высокой, чем Монблан и Эверест, на сторожевой башне которой бесценно стоит первый часовой мира – великий Сталин»¹³. Подобная риторика смягчится лишь после смерти Сталина: анализ демонстрирует ее стабилизацию уже летом 1953 г.

После совещания 1952 г. в Совете по делам РПЦ возник план организации международного форума представителей всех церквей, но уже летом 1952 г. в докладе председателя Совета по делам РПЦ и главного миротворца Г.Г. Карпова содержалось предложение о постепенном удалении митрополита Николая от международных дел. На реализацию этого плана уйдет более семи лет, и владыка навсегда войдет в церковную историю как основатель и первый дипломат церковного МИДа – Отдела внешних церковных связей (ОВЦС), а также главный церковный «миротворец» эпохи.

Служение на международной арене не было для иерархов старшего поколения и лично для митрополита Николая почетной и желанной синекурой: владыка Николай стремился избегать болшинства именно миротворческих миссий – жаловался на холод в поездах и гостиничных номерах, сетовал на предоставление ему худших (в сравнении с другими членами советских делегаций) номеров¹⁴. И чем экзотичнее было предстоящее турне, тем больший ропот оно вызывало у иерарха. Так, его поездка на Цейлон в 1957 г. запомнилась как испытание климатом.

К концу 1950-х гг. в международном миротворческом движении сложилось два серьезно отличающихся вектора: первый из них был представлен Всемирным советом мира (отношения с ним были напряженные), вторым – христианское мирное движение, возглавляемое чешским теологом Йозефом Громадкой. Конец 1950-х был временем кризиса международной коммуникации. В мае 1958 г. Москва принимала 12 делегаций поместных церквей в рамках празднования 40-летия восстановления патриаршества. Ряд из них отказался от подписания итоговых деклараций, самую непримиримую позицию занял Вселенский престол. В декабре 1959 г. встал вопрос о вступлении во Всемирный Совет Церквей, от чего воздерживался и владыка Николай и Г.Г. Карпов. В феврале 1960 г. произошел скандал: патриарх с трибуны Всесоюзной конференции советской общественности за разоружение произнес речь, обличающую синхронно разворачивавшуюся антицерковную кампанию властей. Последовала отставка Карпова, и дни владыки Николая на посту председателя ОВЦС были сочтены.

Постепенно в церкви формировалось новое поколение иерархов и дипломатов, готовых к началу 1960-х гг. принять дела на международной арене у старшего поколения. Новое поколение церковных дипломатов несли с собой новую решимость в расширении контактов с Западом и участия в экуменической повестке, вероятно они были более последовательными в вынужденных контактах и консультациях с представителями советской администрации. Все это реализовалось в пору возглавления ОПЦС владыкой Никодимом (Ротовым) в 1960–1972 гг. Должности владыки Николая в мировых миротворческих форумах были переданы владыке Пимену (Извекову).

Значимую роль в реализации церковно-миротворческих миссий эпохи сыграл и председатель Издательского отдела Московского Патриархата с 1963 г. епископ Питирим (Нечаев). В отличие от многих своих современников владыка оставил богатое документальное наследие, отчасти отражающее особенности совершения миротворческих миссий 1960-х гг., специфику подготовки и стилистику официальных речей и заявлений на мировых миротворческих форумах¹⁵.

Новое десятилетие принесло новые проблемы. Острейший за весь период холодной войны Карибский кризис вызвал к жизни особый формат межцерковного диалога США и СССР – совещания конфессиональных институций.

В октябре 1970 г. в Загорске собрались представители Русской Православной Церкви и Римо-католических организаций Католической Конфедерации США, Католической и Лютеранской церквей Латвии, а также лютеране Эстонии (это участие, во-первых, могло способствовать сближению позиций с собеседниками-католиками, а, во-вторых, продемонстрировать широту конфессиональной палитры Советского Союза). С советской стороны в беседах принимали участие и представители Всесоюзного совета христиан-баптистов. Наличие представителей нескольких христианских деноминаций Советского Союза придавало мероприятию значительность и делало представительство широким, что было особенно востребовано в обстоятельствах 1970 г. В организации этого нового формата форумов участвовал и руководитель Издательского отдела патриархии владыка Питирим (Нечаев), участие которого в церковной дипломатии до сих пор недооценено.

Подобные форумы способствовали сближению позиций не только на уровне конфессиональных центров – они отправляли внятные сигналы политическим элитам, обозначали позиции конфессионального сообщества по ключевым вопросам международной политики.

Тема ядерной угрозы, хотя и отстывает в конце 1970-х – начале 1980-х гг., все же присутствует как в повестке церковных форумов, так и в публичных дискурсах – одно из последних крупных совещаний по данной проблематике прошло в Москве в мае 1982 г. и сопровождалось изданием материалов на ключевых мировых языках.

В целом же участие Московской Патриархии в международном движении борьбы за мир представляется значимой составляющей публичной деятельности церкви послевоенного периода. Отмеченная исследователями 2000-х гг. причина союза светских и церковных властей в миротворческой повестке¹⁶ ныне дополняется представлениями о влиянии на практику и стиль этой деятельности церковных представителей различных политических и общественных дискурсов.

Примечания

¹ *Болотов С.В.* Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2011. 322 с.; *Васильева О.Ю.* Внешняя политика советского государства и Русская Пра-

вославная Церковь. 1943–1948 гг. // Труды Института Российской истории РАН. М., 2000. Вып. 2. С. 339–353; Каиль М.В. «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского патриархата середины 1940-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 19–40.

² Белякова Н.А., Каиль М.В. Советское присутствие на Ближнем Востоке в условиях разворачивающейся холодной войны: церковные институты и акторы влияния в Палестине // Новая и новейшая история. 2021. №6. С. 107–120.

³ Первый Всемирный конгресс сторонников мира. Париж — Прага, 20–25 апреля 1949 г.: Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. 535 с.

⁴ Сурков С.А. Митрополит Николай (Ярушевич). М.: Издание Общества любителей церковной истории, 2012. С. 400.

⁵ Смирнов Александр, прот. Демонический дух новой агрессии, угрожающей миру народов // Журнал Московской Патриархии. 1947. № 12. С. 28–30.

⁶ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М.: Советский писатель, 1990. Т. 3. Кн. VI. С. 106–107; Журнал Московской Патриархии. 1949. № 5. С. 17–22.

⁷ Николай, митрополит [Крутицкий и Коломенский]. Речь на Чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира (Стокгольм, 9 апреля 1956 г.) // Журнал Московской Патриархии. 1956. № 5. С. 22–26.

⁸ Василий (Кривошеин), архиепископ. Митрополит Николай (Ярушевич) // Воспоминания. Письма. Н.-Новгород: Изд-во Братства во имя Св. князя Александра Невского, 1998. С. 203.

⁹ Fletcher W. Nikolai: Portrait of a Dilemma. New York, 1968. P. 99–100.

¹⁰ Антоний (Блум), митрополит. Дом Божий: Три беседы о Церкви. Клин: Христианская жизнь, 2004. С. 50–51.

¹¹ Журнал Московской Патриархии. 1949. № 9. С. 13.

¹² Эренбург И. Люди, годы, жизнь... С. 110.

¹³ Конференция всех церквей и религиозных объединений в СССР, посвященная вопросу защиты мира. Загорск, 9–12 мая 1952 г.: Мат.-лы. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1952. С. 89–90.

¹⁴ Сурков С.А. Митрополит Николай (Ярушевич)... С. 416.

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 938. Карт. 38. Д. 19–21, 25.

¹⁶ Чумаченко Т.А. Московская Патриархия в движении сторонников мира: 1949–1953 гг. // Известия Челябинского научного центра УрО РАН. 2007. Вып. 1. С. 118–122.

Б.Н. Миронов

Междисциплинарный подход к распаду СССР

Аннотация. Дезинтеграция СССР стала закономерным следствием советской национальной политики, направленной на коренизацию управления, ускоренную модернизацию союзных республик и на выравнивание уровней их развития. Запустив процесс коренизации управленческих кадров, Москва способствовала становлению современной национальной элиты на местах. Реализация проекта национально-государственного строительства привела к огосударствлению этнических и межнациональных отношений и суверенизации союзных республик, ставшей одним из принципиальных факторов распада СССР.

Ключевые слова: дезинтеграция Советского Союза, национальная политика, коренизация, этническая дискриминация, вытеснение русских из органов власти.

Специалисты всех социальных наук с растущим интересом исследуют причины распада Советского Союза. По ориентировочной оценке, лишь в Российской Федерации на конец 2021 г. опубликовано более 300 книг, 3 тыс. статей и защищено свыше 180 диссертаций. Многие ученые объясняют дезинтеграцию СССР дискриминацией нерусских народов, идентичность которых якобы подвергались принудительной русификации ради реализации теории «слияния наций» и формирования единого «советского народа». Некоторые из них даже оценивают Советский Союз как империю и анализируют распад Советского Союза в рамках деколонизационных процессов, полагая, что именно борьба с русским колониализмом привела к распаду СССР.

© Миронов Б.Н., 2023

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-09-00353 «Распад Советского Союза в человеческом измерении: междисциплинарное исследование»)

лизмом погубила советскую империю, как в свое время империю Российскую. В период перестройки, 1985–1991 гг., политическому неравенству нерусских этносов отводилось ведущее место в программах национальных партий. Именно в дискриминации видели основную причину массового движения за суверенитет союзных республик. При этом неравенство нерусских рассматривается как хроническая болезнь Российской империи и СССР. Этот концепт доминирует в современной исторической и политической литературе бывших союзных республик¹.

Но в российской и зарубежной историографии артикулирована и другая концепция (в СССР она занимала ведущее место). В соответствии с ней СССР содействовал развитию республик во всех областях – в экономике, социальной сфере, в межнациональных отношениях, в здравоохранении образовании, культуре, искусстве, спорте. Эти две концепции конкурируют в современной историографии, их можно признать двумя гипотезами. В статье сделана попытка их тестировать следующим образом. Основываясь на данных всесоюзных переписей населения 1926, 1959, 1979 и 1989 гг.², оценить изменение этнополитического статуса титульных этносов в советский период по степени их присутствия законодательных органах, в исполнительной власти, в органах суда и правопорядка, в целом по стране и в отдельных союзных республиках³.

Дискриминация при комплектовании органов управления оценивается с помощью индекса этнополитической репрезентативности, или представленности (далее ИЭПР), – соотношение доли представителей этноса среди управленцев и среди всего занятого населения. Если индекс равен, то этнос представлен в органах управления пропорционально своей численности; если больше 1, то этнос *сверхпредставлен*, если меньше 1, то этнос *недопредставлен* во властных структурах. Роль различных народов во властных структурах определяет другой показатель – доля их представителей в различных органах управления. Изменение репрезентативности нерусских народов и русских в структурах власти в целом по стране отражено в табл. 1.

В 1897 г. нерусские этносы имели своих представителей в управлении, хотя и непропорционально своей численности и в 2,3 раза меньше, чем русские. В 1926 г. их репрезентативность повысилась во всех органах власти, и в последующие годы этот тренд набирал силу. К 1989 г. дискриминация стала минимальной: ИЭПР у русских равнялся 1,06, у нерусских – 0,93. В отдельных сферах управления дискриминация преодолевалась различными темпами. В государственном аппарате равенство было достигнуто уже в 1959 г. В общественных, партийных и в органах правопорядка и суда русские были представлены немного лучше нерусских этносов.

На разных уровнях управления степень их представительности различалась, но равенство везде постепенно повышалось (табл. 2).

Переходим к анализу участия народов в управлении (табл. 3). В 1897 г. нерусские народы принимали участие в управлении – органы власти состояли на 32,2% из нерусских этносов и на 67,8% из русских. В своей национальной политике Петербург всегда опирался на местные элиты⁴, но не стремился огосударствить межнациональные отношения и не предлагал государственный суверенитет народам «национальных окраин», отдавая отчет об опасности такой политики для единства империи.

Советская Москва последовательно утверждала демократический принцип комплектования управленческих кадров в республиках. Благодаря этому процент нерусских народов во властных структурах в целом по стране повышался. Но он, как правило, оставался ниже 50, так как в населении страны доля русских до 1991 г. была больше половины. Причем, коренизация – так назывался рост роли нерусских этносов в управлении, шла постоянно и даже с ускорением. При сохранении СССР и темпов повышения процента представителей всех нерусских народов в органах управления уже в 2009 г. они имели бы большинство во всех структурах (табл. 4).

В «тюрьме народов», как теперь именуют Российскую империю в бывших союзных и некоторых автономных республик Российской Федерации⁵, из 118 этносов, учтенных Первой всеобщей переписью населения 1897 г., у 97 народов в органах власти присутствовал хотя бы один представитель, включая цыган, камчадалов, алеутов, поляков, гиляков, тунгусов, эскимосов, чеченцев, якутов. Более десяти представителей было у 79 народов, более ста – у 55 народов и более тысячи – у 22 народа. В управлении принимали участие 2587 евреев, в том числе 7% за границами черты оседлости⁶.

Среди чиновников доля нерусских (в основном они трудились в местном управлении) составляла 32,2%. Но в регионах, которые после образования Советского Союза образовали союзные республики, в структурах власти доминировали нерусские народы, составляя 56,5% всех управленцев. Эти данные показывают, что Петербург в «национальных окраинах» опирался на местные элиты. В советский период их участие в управлении еще более повысилось, и к 1979 г. они, как правило, во всех эшелонах власти были представлены пропорционально своей численности.

Коренизация происходила везде – как белорусизация в Белоруссии, украинизация на Украине, туркменизация в Туркмении, узбекизация в Узбекистане, башкиризация в Башкортостане, татаризация в Татарстане, якутизация в Якутии и т. д. только с разной скоростью. Но коренизации имела обратную сторону – дерусификацию, так как не только во всех союзных республиках, включая

Российскую Федерацию, но и во всех автономиях происходило вытеснение русских из властных структур (табл. 5).

В наименьшей степени, естественно, была дерусифицирована Российская Федерация: в 1897–1989 гг. доля русских среди управленцев упала с 89,3 до 81,6%, а среди нерусских народов повысилась с 10,7 до 18,4%, несмотря на то что в населении федерации процент русских увеличился с 80,5 до 81,5. Вытеснение русских из властных структур в союзных и автономных республиках происходило быстрее. К 1979 г. в пяти из четырнадцати союзных республик (Армении, Казахстане, Азербайджане, Грузии и Эстонии) русские были недопредставлены, а в двенадцати из четырнадцати (кроме РФ) союзных республик титульные народы доминировали в структурах власти как по общему числу, так и по доле среди управленцев и полностью их контролировали. Лишь в Киргизии и Казахстане титульные этносы не имели большинства (вследствие низкой доли в населении), но и там в управлении русские находились в меньшинстве.

К 1989 г. во всех республиках титульные народы заняли господствующее положение также в руководстве промышленности и в непромышленных отраслях (торговле, финансах и др.) народного хозяйства, а также в образовании, науке, культуре, медицине и т. д. (табл. 6).

Проведенное исследование приводит к двум принципиальным выводам.

1) Советский Союз служил «питомником» для взращивания национальных государств, а не «тюрьмой народов».

2) Для дезинтеграции СССР имелись *объективные предпосылки*, сформировавшиеся в результате национальной политики, целью которой являлись коренизация властных структур, превращение этничности в политическую категорию, нивелирование союзных республик по уровню развития и поддержание их ускоренной модернизации финансами и кадрами за счет наиболее богатых ресурсами и более продвинутых республик, прежде всего РСФСР.

В результате всестороннего прогресса в республиках сформировались квалифицированные национальные кадры и современные национальные элиты.

Территория (с официально признанными границами и населением), конституция (в 1924 г. наделившей союзные республики суверенитетом и правом на самоуправление вплоть до отделения), национальная элита, управляющий класс, государственный аппарат признаются в политологии неотъемлемыми признаками национального государства. К 1979 г. республики приобрели все эти атрибуты реального государства, титульные этносы превратились

в настоящие нации. В результате *произошла фактическая суверенизация союзных республик*, которую можно было конвертировать в официально оформленную независимость. При необходимости республики могли выделиться из Советского Союза. После этого его судьба оказалась в руках национальных элит и зависела от политической конъюнктуры.

Принципиальное значение приобрел вопрос о реальных и виртуальных преимуществах (в широком смысле) от отделения или сохранения союза. В рамках СССР и в период его стабильности и процветания республики успешно модернизировались. Но в форс-мажорных обстоятельствах кризиса 1980-х гг. возникла реальная возможность и появился соблазн выделиться и пойти собственным путем. Взрыв национализма, спровоцировавший республики к сепаратизму, стал следствием политической мобилизации народов (включая русских), проведенной национальными элитами.

Прогнозы лидеров Советского Союза в национальной политике оказались несостоятельными. Они были уверены, что суверенизация республик элиминирует саму возможность появления националистических движений, ввиду того что он удовлетворял пожелания и потребности всех народов в равной степени. Но руководство СССР не приняло во внимание имманентное тяготение республиканских элит к суверенитету – лишь он наделял их властью над ресурсами и населением республик. До 1980-х гг. они проявляли лояльность к Центру, так как отождествляли себя с единой советской номенклатурой. Однако после того, как республиканские элиты сформировались, у них возникли претензии на власть и собственность, что поддерживало развитие центробежных тенденций. Элиты стали обременяться зависимостью от Москвы, как сказал в 1990 г. А. Назарбаев, партийный лидер Казахстана, не желали «оставаться вотчиной центральных властей»⁷.

Дезинтеграция СССР считается геополитической катастрофой всемирного масштаба. Она разрушила геополитический баланс в мире, привела к разрыву связей между бывшими союзными республиками, к появлению и усилению враждебности и агрессии, к переселениям миллионов людей. Все стали жертвами (в большей или меньшей степени) кризиса экономики, испытали обеднение или даже обнищание. Однако для правильной оценки дезинтеграции следует учесть ее последствия в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Большинство исследователей признают, что потенциал для успешной модернизации Советского Союза в *существовавшей на 1991 г. форме* исчерпался, и тридцатилетие, прошедшее после распада, тому свидетельство. На территории СССР появилось пятнадцать независимых государств, элиты которых, за редким исключе-

нием, считают Россию угрозой своей безопасности, самым опасным врагом или соперником. Советский Союз для них – лишь период в их развитии, когда тот или иной народ созрел и боролся за свою независимость. По факту всюду, лишь в большей или меньшей степени, реанимировалась парадигма «Россия – тюрьма народов». Элиты и по их установке республиканские историки отрекаются от общего с Россией прошлого и пытаются ее опорочить, вменяя в вину оккупацию, геноцид, колониальный захват, ликвидацию самобытности.

Почти везде после дезинтеграции Советского Союза республиканские элиты развязали русофобскую кампанию, продолжающуюся в мягкой форме донныне: русскоязычные люди выдавливаются из учреждений управления, суда, науки, просвещения и вообще со всех статусных постов и вынуждаются к эмиграции; русский язык целенаправленно вытесняется из общественного пространства. Произошел или осуществляется переход на латиницу в Азербайджане, Белоруссии, Молдавии, Туркменистане и Узбекистане и на арабицу в Таджикистане. Планируется латинизация на Украине и в Казахстане. За стремлением к латинизации как «переходу на язык интернета, мировой культуры и науки», как минимум, таится желание навсегда покинуть русский мир. СМИ и республиканские историки внедряют в головы своих граждан мысль, что до прихода России их предки, если не всегда процветали, то по крайней мере жили лучше русских, что во всех нынешних, как и прошлых неудачах и невзгодах, виноваты исключительно русские и коммунисты, что даже текущие трудности – последствия зависимости от Советского Союза. Антирусские настроения, проявившиеся в годы перестройки и утвердившиеся в массовом сознании сразу после распада, наводит на мысль, что негативное отношение к России и россиянам существовало прежде, но в скрытом виде. И потому рано или поздно должно было проявиться и принести свои горькие плоды.

Опрос общественного мнения россиян, проведенный в феврале 2020 г., показал: 75% опрошенных считают советский период лучшим временем в истории страны, 65% сожалеют о распаде Советского Союза, при этом **только 28% хотели бы его реставрировать**; 58% предпочитают идти «особым путем» и 10% – западным⁸. Близкие результаты дали проведенные в 2016 г. опросы россиян⁹ и жителей одиннадцати бывших союзных республик (кроме прибалтийских и Туркмении)¹⁰. Отсюда можно сделать вывод, что нежелание вернуться в СССР было высказано не под воздействием настроения, а являлось достаточно твердым убеждением бывших советских граждан. Антироссийские настроения отчасти объяснялись тем, что советская модернизация во всех союзных республиках проходила по единой модели, не учитывая национальные особен-

ности в культуре и менталитете народов. Между тем некоторые из них являлись традиционными обществами и относились к разным цивилизациям. Поэтому новации далеко не всегда им нравились и нередко порождали негативное отношение к их проводникам, которыми выступали главным образом русские.

Немало исследователей считают, что союзные республики-доноры (в первую очередь Россия) к концу 1980-х гг. истощились и не в состоянии были в прежних масштабах финансировать ускоренную модернизацию республик-реципиентов в ущерб своих граждан¹¹. Сохранение СССР на прежних принципах действительно угрожало его целостности в *прямом экзистенциальном смысле*. Причина в том, что демографическая модернизация в Российской Федерации и других республиках с христианским главным образом населением началась в середине XIX в. и завершилась в 1950–1960-х гг., а в республиках с преимущественно мусульманским населением началась при советской власти и не успела завершиться¹². Вследствие этого в христианских республиках рождаемость взяли под контроль, в 1970–1994 гг. она упала до уровня простого воспроизводства населения, а с 1995 г. – ниже этого уровня, что вызвало депопуляцию. В мусульманских республиках демографическая революция не завершилась – смертность сильно снизилась, а рождаемость сохранилась высокой, в результате чего население, быстро возраставшее при советской власти, продолжает увеличиваться высокими темпами (табл. 7).

Ввиду быстрого роста населения обострился дефицит ресурсов, который в Советском Союзе восполнялся из союзного бюджета за счет христианских республик. Если бы СССР сохранился на прежних основаниях, уже в ближайшие 20–30 лет – 2010–2020 гг.! – перенаселение в мусульманских и депопуляция в христианских республиках породили бы серьезные экзистенциальные проблемы, особенно в Российской Федерации, служившей главным донором СССР. Об этом красноречиво свидетельствует демографическая статистика (табл. 7). В 1991–2019 гг. в бывших преимущественно мусульманских союзных республиках население *возросло* на 43%, а в христианских *сократилось* на 7%, в том числе в Российской Федерации – на 1%. В последующие годы, как показывает научный демографический прогноз, положение будет усугубляться. В 2050 г. в мусульманских республиках население умножится еще на 24%, а в христианских упадет на 9%. *Рост населения в республиках с преимущественно мусульманским населением не отвечает их социально-экономическим возможностям* – экономика не в состоянии обеспечить новые поколения людей работой, а государство не может выполнять принятые на себя еще в советское время социальные обязательства. Это порождает перенаселение и безработицу, серьезные проблемы в

образовании, здравоохранении и вообще во всей социальной сфере, падение душевых доходов, эмиграцию граждан, не принадлежащих к титульным народам, и миграцию молодежи коренной национальности за рубеж на учебу и работу, при этом немало людей не возвращаются домой.

Прогноз ООН на ближайшее время неблагоприятный – перенаселение, а вместе с ним и бедность продолжают расти¹³. Экзистенциальный кризис чреват недовольством населения, социальной нестабильностью и бунтами, которые в январе 2022 г. наблюдались в Казахстане, до тех пор считавшемся оазисом благополучия и стабильности в Центральной Азии. В 1958 г. в христианских союзных республиках женщины за весь фертильный период своей жизни рожали с средним 2,8 раза, в 1991 г. – 2 раза, в мусульманских – соответственно 4,7 и 3,8, т.е. в 1,7 и 1,9 раза больше (табл. 7). Высокая рождаемость мусульманок требовала, по крайней мере, в 1958 г. в 1,7 раза, а в 1991 г. в 1,9 раза (на душу населения) больше затрат на социальные пособия матерям, на детские учреждения, образование, здравоохранение и т. п., чем в республиках с преимущественно христианским населением. Недостающие средства давали христианские республики (в первую очередь Российская Федерация, как самая богатая и населенная) через всесоюзный бюджет, потому что все союзные и автономные республики считались одной семьей. К 2018 г. рождаемость понизилась везде, но в мусульманских республиках она по-прежнему в 2 раза выше, чем в христианских. При сохранении СССР помощь должна была бы прийти из союзного бюджета, за счет благосостояния населения христианских республик, прежде всего россиян. Но СССР больше нет. Российская Федерация без угрызения совести может направить эти средства в пользу своих граждан.

Стремительное повышение численности населения в республиках мусульманских при депопуляции в христианских имело бы не только тяжелые экономические, но и политические последствия. При сохранении СССР уже через 10 лет, в 1999 г., русские стали бы меньшинством в государстве и в последующем этот процесс набирал силу (см. табл. 7). *Уменьшение численности русских неотвратимо привело бы к снижению их участия в управлении и к усилению роли мусульманских республик.* Причем, усиление последних происходило бы на фоне мобилизации и активизации мусульман во всем мире. Сильная реисламизационная волна неизбежно накрыла бы СССР, сохранись он в XXI в., поскольку в настоящий момент она охватила население всех бывших мусульманских республик. Ислам стал мощным оружием в руках различных политических сил ради достижения не совместимых с религией интересов. В результате СССР был бы

брошен серьезный вызов и трудно сказать, как и какой ценой он смог бы с ним справиться.

Таким образом, при сохранении Советского Союза уже в среднесрочной перспективе он столкнулся бы с новыми проблемами и вызовами, на которые ответить было бы нелегко и, конечно, за счет по преимуществу Российской Федерации. Возникают вопросы: заслуживало ли новых жертв со стороны россиян сохранение СССР и стоит ли на них соглашаться сейчас ради реставрации СССР? Эти вопросы и ответы на них необходимо учитывать при оценке последствий дезинтеграции великой страны.

Таблицы

Таблица 1. Репрезентативность русских и нерусских в управлении Российской империи в 1897 г. и СССР в 1926, 1959 и 1989 гг.

Народ	1897 ^a	1926	1959	1989
Государственное управление, органы правопорядка и суда				
15 титульных народов	1,09	1,03	1,02	1,01
Нерусские народы	0,61	0,79	0,84	0,93
Русские	1,43	1,17	1,14	1,06
Государственный аппарат				
15 титульных народов	–	1,02 ^б	0,99	1,00
Нерусские народы	–	0,81 ^б	1,00	1,00
Русские	–	1,15 ^б	1,00	1,00
Партийный аппарат				
15 титульных народов	–	1,02	1,03	1,01
Нерусские народы	–	0,81	0,79	0,94
Русские	–	1,15	1,18	1,05
Органы правопорядка				
15 титульных народов	–	1,06	1,05	1,01
Нерусские народы	–	0,74	0,74	0,90
Русские	–	1,21	1,22	1,09

Судебные учреждения

15 титульных народов	–	1,01	0,93	1,01
Нерусские народы	–	0,78	0,94	0,91
Русские	–	1,17	1,05	1,08

^a Здесь и далее в сведениях о Российской империи не учитывается Финляндия.

^b Персонал государственных, общественных и партийных организаций вместе. Источники указаны в ссылке 2.

Таблица 2. Репрезентативность русских и нерусских народов в разных сферах управления СССР в 1926, 1959, 1989 гг.

Сферы и уровни управления	Нерусские			Русские		
	1926	1959	1989	1926	1959	1989
Государственный и партийный аппарат, милиция, суд	0,79	0,84	0,93	1,17	1,07	1,06
Партийный аппарат	–	0,79	0,94	1,15 ^a	1,18	1,05
руководители первичных организаций	–	0,69	–	1,14	1,27	–
руководители районных и городских органов	–	0,88	–	1,15	1,11	–
руководители общесоюзных, республиканских, областных и окружных органов	–	0,80	–	1,27	1,17	–
Государственный аппарат	0,81	1,00	1,00	1,15 ^a	1,00	1,00
руководители первичных организаций	0,83	1,00	–	1,14	1,00	–
руководители районных и городских органов	0,81	1,04	–	1,15	1,06	–
руководители общесоюзных, республиканских, областных и окружных органов	0,66	0,84	–	1,27	1,14	–

^a В 1926 г. аппарат государственных, партийных и общественных организаций вместе. Источники указаны в ссылке 2.

Таблица 3. Этническая структура занятых в органах управления Российской империи в 1897 г. и СССР в 1926, 1959 и 1989 гг., %

Народ	1897	1926	1959	1989	1999 ^a	2009 ^a	2021 ^a
Партийный аппарат							
Русские	–	62,6	63,4	55,4	51,5	47,2	42,7
Нерусские народы	–	37,4	36,6	44,6	48,5	52,8	57,3
Государственный аппарат							
Русские	–	62,6	53,5	53,1	50,8	48,4	45,3
Нерусские Народы	–	37,4	46,5	46,9	49,2	51,6	54,7
Судебные учреждения							
Русские	65,1	56,4	59,9	54,3	51,2	47,3	65,1
Нерусские народы	–	34,9	43,6	42,8	45,7	48,8	52,7
Правоохранительные органы							
Русские	–	67,0	65,4	58,0	53,5	48,4	41,7
Нерусские народы	–	33,0	34,6	42,0	46,5	51,6	58,3
Органы управления, правопорядка и суда							
Русские	67,8	64,8	61,2	56,2	53,1	49,8	45,5
Нерусские народы	32,2	35,2	38,8	43,8	46,9	50,2	54,5

^a Прогноз. Источники указаны в ссылке 2.

Таблица 4. Этническая структура органов управления Российской империи в 1897 г. и СССР в 1959 и 1989 гг. и занятого населения, %

Народы	1897	1959	1989	1897	1959	1989
	Управление			Население		
Русские	67,8	61,3	56,1	52,4	53,6	53,1
Украинцы	9,3	15,4	15,0	16,2	19,1	16,0
Белорусы	2,3	3,4	3,7	3,6	4,2	3,8
Молдаване	0,3	0,3	0,8	1,1	1,2	1,2
Литовцы	0,8	0,9	1,0	1,1	1,1	1,1
Латыши	1,1	0,6	0,6	0,5	0,7	0,5
Эстонцы	–	0,5	0,4	0,4	0,5	0,4

Азербайджанцы	–	1,0	2,1	–	1,1	2,0
Грузины	0,9	1,2	2,0	1,4	1,2	1,4
Армяне	0,8	1,0	1,5	1,6	1,1	1,4
Казахи	1,3	1,6	3,1	2,5	1,2	2,4
Узбеки	0,0	1,6	2,7	4,8	2,3	4,4
Туркмены	0,0	0,3	0,6	0,8	0,3	0,7
Таджики	0,0	0,4	0,7	1,1	0,5	1,0
Киргизы	–	0,3	0,6	0,7	0,4	0,7
Башкиры	0,1	0,3	–	0,5	0,4	–
Евреи	0,8	1,6	–	0,7	1,0	–
Татары	1,4	2,2	–	2,4	2,4	–
Якуты	–	0,2	–	0,1	0,1	–
Нерусские	32,2	38,7	43,9	47,6	46,4	46,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источники указаны в ссылке 2.

Таблица 5. Дерусификация органов власти
в союзных республиках в 1926–1989 гг.

Народ	Индекс репрезентативности				Доля этноса в управлении, %			
	1897	1926	1979	1989	1897	1926	1979	1989
РСФСР, русские	1,11	1,10	1,00	1,01	89,3	81,8	82,4	81,6
нерусские	0,55	0,70	1,00	0,97	10,7	18,2	17,6	18,4
Украинская, украинцы	0,73	0,66	0,97	–	53,3	55,0	70,0	–
русские	3,23	2,75	1,14	–	38,9	23,0	25,1	–
Белорусская, белорусы	0,70	0,69	0,93	–	30,7	57,5	72,5	–
русские	4,50	2,18	1,50	–	42,0	16,6	19,0	–
Молдавская, молдаване	0,25	–	0,81	–	10,2	–	50,4	–
русские	2,33	–	1,71	–	76,0	–	22,5	–
Грузинская, грузины	0,67	1,08	1,11	1,11	50,2	69,5	76,5	79,2

русские	5,24	1,91	0,66	0,66	32,5	8,0	5,2	4,3
Армянская, армяне	0,83	1,14	1,05	1,03	39,3	94,5	94,4	97,0
русские	3,52	0,50	0,49	0,75	23,4	1,2	1,4	1,3
Эстонская, эстонцы	0,62	–	1,12	1,00	52,4	–	66,9	58,5
русские	3,72	–	0,81	0,98	28,3	–	25,1	31,2
Литовская, литовцы	0,40	–	1,00	0,98	11,9	–	77,3	75,9
русские	5,09	–	1,28	1,33	48,4	–	13,0	13,3
Латвийская, латыши	0,36	–	1,04	0,95	15,9	–	51,9	46,8
русские	4,17	–	1,00	1,06	29,6	–	34,6	36,5
Казахская, казахи	0,23	0,42	1,45	–	16,2	24,7	41,5	–
русские	3,46	2,74	0,90	–	77,8	51,2	40,7	–
Узбекская, узбеки	0,28	0,60	0,96	0,96	15,8	40,6	61,1	64,6
русские	11,83	6,19	1,20	1,25	49,7	49,2	17,3	13,6
Туркменская, туркмены	0,20	0,36	1,01	–	10,6	25,7	62,8	–
русские	4,09	6,35	1,16	–	69,6	46,2	19,9	–
Таджикская, таджики	0,87	0,55	1,07	–	23,8	40,4	56,7	–
русские	11,83	13,00	1,25	–	49,7	35,0	18,3	–
Киргизская, киргизы	0,15	0,35	1,17	–	11,7	24,1	47,4	51,0
русские	6,82	4,38	1,05	–	78,1	45,9	33,4	–
Азербайджанская, азерб.	–	0,84	1,04	1,03	–	49,0	77,9	83,3
русские	3,35	1,43	0,86	0,79	84,3	17,5	8,4	5,3
СССР без РСФСР, русские	2,89	1,67	1,11	1,02	40,5	27,9	23,7	20,5
нерусские	0,69	0,87	0,97	0,99	59,5	72,1	76,3	79,5
СССР, русские	1,43	1,22	1,07	1,06	67,8	64,8	59,1	53,1
нерусские	0,61	0,76	0,91	0,93	32,2	35,2	40,9	46,9

Источники указаны в ссылке 2.

Таблица 6. Представители титульного этноса
среди руководителей высшего звена
в народном хозяйстве в 1926–1989 гг., %

Этнос	1926	1959	1989	Изменение, 1926–1989
РСФСР, русские	82,6	81,0	77,3	–5,3
Украинская, украинцы	40,4	57,9	79,0	+38,6
Белорусская, белорусы	40,6	59,3	77,7	+37,1
Молдавская, молдаване	–	21,9	50,0	+27,9 ^a
Армянская, армяне	93,1	92,4	99,4	+6,3
Грузинская, грузины	58,2	72,7	89,3	+31,1
Эстонская, эстонцы	–	74,4	82,2	+7,8 ^a
Латвийская, латыши	–	50,1	63,1	+13,0 ^a
Литовская, литовцы	–	71,4	91,5	+20,1 ^a
Узбекская, узбеки	19,8	34,4	67,6	+47,8
Казахская, казахи	10,6	19,3	39,5	+28,9
Туркменская, туркмены	9,9	32,0	71,8	+61,9
Киргизская, киргизы	6,9	20,3	55,1	+48,2
Таджикская, таджики	22,9	30,1	66,3	+43,4
Азербайджанская, азербайджанцы	17,8	49,0	93,8	+76,0

^a В 1959–1989 гг. Источники указаны в ссылке 2.

Таблица 7. Население союзных республик в 1950–2019 гг.,
прогноз на 2025–2075 гг. и суммарная рождаемость
в 1958, 1991 и 2018 гг.

Республики	Населения, млн						Суммарная рождаемость ^a		
	1950	1991	2019	2025	2050	2075	1958	1991	2018
Мусульманские республики									
Азербайджан	2,9	7,2	10,0	10,5	11,1	10,2	5,08	2,90	1,80
Казахстан	6,6	16,8	18,4	19,8	24,0	26,7	4,50	2,72	3,00
Таджикистан	1,5	5,4	9,1	10,6	16,2	21,6	3,98	5,01	3,80

Туркмения	1,2	3,7	5,9	6,4	7,9	8,5	5,18	4,09	3,20
Узбекистан	6,3	20,7	33,3	35,6	42,9	44,3	5,11	4,20	2,50
Киргизия	1,7	4,4	6,4	7,0	9,1	10,5	4,39	3,58	3,28
Христианские республики									
Армения	1,4	3,6	3,0	3,0	2,8	2,4	4,69	2,59	1,60
Белоруссия	7,7	10,2	9,5	9,4	8,6	7,9	2,80	1,79	1,90
Грузия	3,5	5,5	3,7	3,9	3,5	3,0	2,59	2,07	2,10
Латвия	1,9	2,7	1,9	1,8	1,5	1,3	1,94	1,85	1,61
Литва	2,6	3,7	2,8	2,6	2,1	1,8	2,63	2,01	1,63
Молдавия	2,3	4,4	3,5	4,0	3,4	2,6	3,55	2,28	1,16
Российская Федерация	101,4	148,3	146,8	145,1	135,8	127,9	2,63	1,73	1,58
Украина	36,6	51,6	42,2	42,3	35,2	28,5	2,30	1,77	1,50
Эстония	1,1	1,6	1,3	1,3	1,2	1,0	1,95	1,80	1,67
СССР	180,7	291,6	299,8	305,4	307,5	300,2	–	–	–
Динамика населения республик, 1950 г. = 1									
Россия	1,0	1,5	1,5	1,4	1,3	1,3	–	–	–
Христианские республики	1,0	1,5	1,4	1,4	1,2	1,1	–	–	–
Мусульманские республики	1,0	2,9	4,1	4,4	5,5	6,0	–	–	–
Доля населения республик в населении СССР, %									
Россия	56	51	49	48	44	43	–	–	–
Христианские республики	88	79	72	70	63	59	–	–	–
Мусульманские республики	11	20	28	29	36	41	–	–	–

^a Среднее число рождений на одну женщину. Источник: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_por.php (дата обращения: 14.01.2022)

Примечания

¹ *Миронов Б.Н.* Дезинтеграция СССР в историографии: развал или распад // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 132–147.

² Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 т. СПб., 1905. Всесоюзная перепись населения 1926 г.: в 56 т. М., 1928–1930. Т. 18–34; Всесоюзная

перепись населения 1959 г.: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. ЦСУ СССР. Оп. 336. Д. 2871–2949; Всесоюзная перепись населения 1979 года: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 7466–7510; Всесоюзная перепись населения 1989 года: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 2570–2578.

³ Источниковедческий анализ переписей и методика их обработки применительно к нашей задаче рассмотрены в: *Миронов Б.Н.* Этническая дискриминация при формировании органов государственной власти СССР // *Новейшая история России.* 2021. Т. 11, № 1. С. 149–173.

⁴ *Миронов Б.Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 152–164.

⁵ Там же. С. 121–139.

⁶ *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну»: в 3 т. 2-е испр. изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1. С. 150–156.

⁷ *Назарбаев Н.А.* Без правых и левых: Страницы автобиографии, размышления, позиция: Ответы на вопросы изд-ва. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 178.

⁸ Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-voisproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze/> (дата обращения: 06.11.2021).

⁹ Back in the USSR? // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/back-in-the-ussr-> (дата обращения: 15.01.2022).

¹⁰ Не угадаете, кто из бывших республик больше всего хочет обратно в СССР. URL: <https://newsland.com/community/129/content/ne-ugadaete-kto-iz-byvshikh-respublik-bolshe-vsego-khochet-obratno-v-sssr/7166107> (дата обращения 15.01.2021); Жалеют ли о распаде СССР в постсоветских странах спустя 25 лет – соцопрос. URL: <https://eurasia.expert/zhaleyut-li-o-raspade-sssr-spustya-25-let-sotsopros/> (дата обращения 04.01.2022).

¹¹ *Булгаков М.Б.* Экономические взаимосвязи народов // *Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия* / отв. ред. Трепавлов В.В.; Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2003. С. 173; *Пихоя Р.Г.* Почему распался Советский Союз? // *Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза* / отв. ред. Г.Н. Севостьянов, сост. С.М. Исхаков. М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2005. С. 409; *Чеботарева В.Г.* Россия: донор или метрополия? // *Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития* / под общей ред.: Заславская Т.И., Арутюнян Л.А. М.: Интепракс, 1994. С. 340–345; *Ясин Е.* Фантомные боли ушедшей империи // *После империи* / под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 12.

¹² *Миронов Б.Н.* Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 292–300.

¹³ *Казанцев А. А.* Центральная Азия: комплексный кризис и сценарии будущего // *Россия и мусульманский мир.* 2016. № 7. С. 51-66; № 8. С. 51-70; *Он же.* Эпидемия коронавируса и ситуация в Центральной Азии // *Российский Совет по международным делам*, 7 мая 2020 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsentralnaya-aziya-tendentsii-regionalnogo-razvitiya/> (дата обращения 10.01.2022).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ
МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

М.Ф. Румянцева

Междисциплинарный подход к интерпретации
исторического источника в «Методологии истории»
А.С. Лаппо-Данилевского

Аннотация. Предмет исследования – междисциплинарность в интерпретации исторического источника в концепции А.С. Лаппо-Данилевского. Проанализировано обращение к работам филологов, лингвистов, фольклористов; а также рецепция юридического опыта при интерпретации актовых источников. Показано, что интерпретация материального образа предмета потребовала обращения к трудам по археологии. Автор приходит к выводу о том, что корреляция метода интерпретации и научных дисциплин, к которым апеллирует Лаппо-Данилевский, не прослеживается: ученый использует результаты исследований других наук скорее для иллюстрации собственных размышлений, чем для формирования своей концепции, поэтому есть смысл говорить не о междисциплинарности, а об историческом источнике как о фундаментально полидисциплинарном объекте исследования в понимании Лаппо-Данилевского.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, методология истории, интерпретация исторического источника, психологическая интерпретация, техническая интерпретация, типизирующая интерпретация, индивидуализирующая интерпретация, полидисциплинарность.

Предварительные замечания. Постановка проблемы

Сто лет назад непопулярный нынче классик сформулировал основной принцип междисциплинарности: «для того, чтобы объединиться, надо решительно размежеваться». В течение XIX в. определяется дисциплинарный статус исторической науки, а на рубеже XIX–XX вв., на фоне методологических поисков в условиях кри-

зиса позитивизма, намечаются междисциплинарные связи методологии истории.

Предмет настоящего исследования – роль и характер междисциплинарности в исследовании А.С. Лаппо-Данилевским (1863–1919) проблемы интерпретации исторического источника, ключевой проблемы его «Методологии истории»¹.

До начала исследования необходимо сделать *два предварительных замечания*.

Первое – чисто источниковедческое: с точки зрения источниковедения историографии, «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского – это не эпистемологический трактат, а пособие к лекциям, читанным автором в Санкт-Петербургском университете в 1909/1910 и 1910/1911 уч. гг. Проблема интерпретации исторического источника рассматривается автором в оригинальной (в отличие от первой, обзорной) части курса, где он излагает свою методологию источниковедения. В перспективе интересно было бы сопоставить опыт вовлечения в рассмотрение проблем методологии истории трудов по разным смежным (и не только) дисциплинам в первой, обзорной, и второй, оригинальной, частях лекционного курса, – сопоставить перечень упоминаемых авторов и характер обращения к их трудам², попытаться выявить доступность приводимых в лекционном курсе примеров студенческой аудитории.

Второе – из области исторического метода: критика (подразумевается критика исторического источника) и интерпретация в пропедевтиках второй половины XIX – начала XX в. – основные процедуры в системе методологии истории, но если критика исторического источника в пределах классической модели науки не вызывает вопросов, то процедура интерпретации не определена, ее место в структуре методологии истории и ее объект варьируются от исторического факта в историческом построении до непосредственно исторического источника. Но здесь важно подчеркнуть, что у Лаппо-Данилевского, в отличие от прочих пропедевтик – от И.Г. Дройзена до Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, – интерпретация, будучи процедурой источниковедческого анализа, предшествует критике исторического источника, что, на мой взгляд, является одним из маркеров перехода от классической к неклассической модели исторической науки³.

Итак, А.С. Лаппо-Данилевский – в системе методологии источниковедения – разрабатывает целостное учение об интерпретации исторического источника, включающее определение самого понятия, а также четыре метода интерпретации: психологический, технический, типизирующий (систематический и эволюционный) и индивидуализирующий. Рассмотрим характер междисциплинарности в работе Лаппо-Данилевского – его обращение к трудам

из смежных областей гуманитарного и социального знания при анализе каждого из методов. Конечно, объем статьи не позволяет детально проанализировать характер обращения к работам из других областей знания⁴, поэтому ограничимся выявлением диапазона этих областей и рассмотрим несколько примеров.

Интерпретация исторического источника: определение понятия

По А.С. Лаппо-Данилевскому, «...интерпретация состоит в общезначимом научном понимании исторического источника»⁵.

Рассуждения о самом понятии интерпретации Лаппо-Данилевский начинает с обращения к недавно опубликованным работам своих современников – психологов: «Понимание и осмысление» (1903, *Verstehen und Begreifen*) австрийского психолога Германа Свободы (1873–1963, H. Swoboda) и «Психология толкования» (1904, *Psychologie der Deutung*) немецкого психолога / философа-неокантианца Теодора Эльзенханса (1862–1918, Th. Elsenhans). Заметим, что в начале XX века психология только проходила период своего становления как самостоятельной науки, постепенно отделяясь от философии. Рассуждая о гипотетически-дедуктивном и эмпирически-индуктивном методах интерпретации Лаппо-Данилевский апеллирует к весьма популярной в начале XX в. «Логике» Вильгельма Вундта (1832–1920), которая примечательна трендовой для этого времени связью с психологией.

Говоря об исторической интерпретации и систематизации ее методов, автор не оставляет без внимания классиков герменевтики и филологической критики – от протестантского богослова XVI в. Маттиаса Флациуса (1520–1575), продолжая этот ряд немецкими учеными-филологами Фридрихом Августом Вольфом (1759–1824), Фридрихом Шлейермахером (1768–1834), Георгом Антоном Фридрихом Астом (1778–1841), Августом Бёком (1785–1867), Хейманом Штейнталем (1823–1899), Фридрихом Вильгельмом Блассом (1843–1907) и заканчивая своим современником историком-методологом Эрнстом Бернгеймом (1850–1942). Очевидно, что это тот ряд, в который Лаппо-Данилевский ставит свое учение об интерпретации. Труды этих авторов Лаппо-Данилевский не называет, – они должны быть известны студентам Санкт-Петербургского университета.

Если концепции и подходы философов-герменевтиков и представителей филологической критики, практика которой была фундаментом источниковедческого анализа в XIX в., А.С. Лаппо-Данилевский задействует в качестве философско-методологического основания своей работы, то труды юристов автор использует для примеров сложности интерпретации актовых источников,

он пишет, что интерпретация «...нужна во всех тех случаях, когда источник вызывает разноречивое понимание, что особенно заметно в спорах сторон, обуславливающих возникновение юридической интерпретации того акта, который укрепляет их сделку»⁶. Здесь автор ссылается на сравнительно недавно опубликованную работу французского юриста J. Gauguier⁷ «Интерпретация юридических актов» (1898).

Понимание методов интерпретации, предложенное предшественниками, не устраивает А.С. Лаппо-Данилевского. Он считает, что оно «слишком мало связано с принципами общей методологии источниковедения и преимущественно имеет в виду одни только различия в технике работы»⁸.

Методы интерпретации исторических источников

А.С. Лаппо-Данилевский придает особое значение психологической интерпретации, утверждая, что «без психологического истолкования нельзя приступать к интерпретации любого источника, памятника вещественного, письменного и т. п.»⁹.

«Психологическое истолкование ... исходит из понятия о чужом сознании, обнаружившемся в данном продукте, и применяется ко всякому реальному объекту, значение которого не может быть установлено с чисто “механической” точки зрения...», – пишет А.С. Лаппо-Данилевский и подчеркивает, что само понимание материального объекта как исторического источника есть результат психологического истолкования его материального образа¹⁰. В этой, важнейшей для Лаппо-Данилевского, части работы автор, приводя собственные размышления, редко апеллирует к трудам других ученых. Он подтверждает преемственность со Шлейермахером в том, что касается «принципа единства чужого сознания», вступает в легкую полемику с «Философией искусства» (1880) Ипполита Тэна (1828–1893), для примера привлекает справочник «Археология искусства»¹¹ (1895) немецкого филолога-классика Карла Ситтля (1862–1899, K. Sittl). Что касается этого справочника, то современники давали ему низкую оценку, как весьма поверхностному и неполному. Не буду пытаться здесь интерпретировать этот факт, отмечу только, что Лаппо-Данилевский, наряду с известными, проверенными, признанными классическими в своей предметной области трудами, обращался и к работам, на мой взгляд, явно случайным для его исследования, допускал неточные ссылки и цитирование. В целом, складывается впечатление, что он неотступно следовал за своей мыслью, стремясь не столько фундировать, сколько проиллюстрировать ее. Но это пока еще поверхностное наблюдение, конечно же, нуждается в тщательной разработке¹².

Выйти за пределы философской герменевтики и филологической критики А.С. Лаппо-Данилевскому пришлось, когда он перешел от психологической интерпретации продуктов индивидуального творчества к продуктам творчества коллективного. Методолог убежден, что сформулированные им «принципы и приемы психологической интерпретации» применимы и к интерпретации произведения коллективного творчества: «историк, – пишет Лаппо-Данилевский, – исходит ... из того же понятия о некотором единстве коллективного сознания, когда рассуждает о “народе”, как о творце данного произведения, когда выясняет его “народный характер” и т. п.»¹³. Отметив «большую сложность и меньшую определенность коллективного сознания», Лаппо-Данилевский для выявления принципов установления коллективного субъекта / автора произведения народного творчества обращается в первую очередь к только что опубликованному фундаментальному труду В. Вундта «Психология народов» (1911, *Völkerpsychologie*), а также к работам английских фольклористов – «Наука о волшебных сказках» (1891) Эдвина Сидни Хартленда (1848–1927, E. Hartland) и «Руководство по фольклористике» (1890) и «Фольклористика как историческая наука» (1908) Джорджа Лоуренса Гомма (1853–1916, G.L. Gomme). Неоднократно Лаппо-Данилевский обращается и к труду русского языковеда Александра Афанасьевича Потебни (1835–1891) «Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка» (Харьков, 1894). Лаппо-Данилевский ссылается на эту работу, называя ее «Из лекций по теории словесности» и ошибочно относя к 1864 г. Если неточность даты можно признать лишь неточностью, то сокращение названия ведет к расширительному пониманию проблематики вовлекаемой в исследование работы, такое «секвестирование» названий было свойственно Лаппо-Данилевскому и в ряде случаев вело не только к расширительному толкованию, но и к искажению смысла¹⁴.

Для более контрастного выявления сложностей психологической интерпретации произведений коллективного (народного) творчества А.С. Лаппо-Данилевский сопоставляет понимание намерений их автора с близкой ему проблематикой интерпретации юридических актов, в которых имеется минимум два контрагента – каждый со своими намерениями. И здесь автор обращается к трудам французских юристов – уже упоминавшейся работе J. Gauguier и произведению G. Dereux¹⁵ «Толкование частных правовых актов» (1905).

Психологическая интерпретация изображающего источника, в отличие от обозначающего, по мнению Лаппо-Данилевского, «сводится ... к пониманию не столько материала, сколько той формы, которая придана образующей его материи: исходя из представ-

ления о продуктивной деятельности человека, реального отношения живого, свободного творчества человека к материи, историк усматривает осязаемый результат такого отношения в “форме” источника...»¹⁶. Это заставляет автора обратиться к трудам по археологии – работе Никодима Павловича Кондакова (1844–1925) «Русские клады» (СПб., 1896. Полное название «Русские клады: исследование древностей великокняжеского периода»), и даже геммологии – «Драгоценные камни для лечебного ношения и других лечебных целей» (1907) английского автора W.T. Fernie.

Таким путем психологическая интерпретация материального образа исторического источника подводит нас к *техническому методу интерпретации*. А.С. Лаппо-Данилевский утверждает, что, отнеся материальный объект к историческим источникам путем первоначального психологического истолкования, далее историк «может интерпретировать источник, т. е. судить о его смысле и назначении, и по техническим средствам ..., т. е. по тем специальным приемам, которыми автор воспользовался для осуществления своего произведения и благодаря которым он придал ему тот, а не иной специфический вид»¹⁷. Соответственно, «техническая интерпретация сводится к истолкованию тех технических средств, которыми автор воспользовался для обнаружения своих мыслей и благодаря пониманию которых можно приблизиться и к пониманию смысла или назначения его произведения»¹⁸.

Естественно, что разработка метода технической интерпретации потребовала обращения к литературе по археологии – от обобщающих работ и учебников до работ по металловедению: «Исследования доисторической археологии» (1890) Кристиана Хостмана (1829–1889, Chr. Hostmann) и «Руководство по греческой археологии» (1883) Леона-Максима Коллиньона (1849–1917, M. Collignon), «Доисторические времена в Швеции» (использует французское издание 1895 г. «Доисторические времена в Швеции и других скандинавских странах») шведского археолога и историка культуры Оскара Аугустина Монтелиуса (1843–1921), «Медь и ее сплавы в доисторические времена» (1906) Уильяма Голанда (1842–1922, W. Gowland) и статья по металловедению М. Matignon «Экспериментальные науки и археология» (1909); из российских авторов – труд Николая Алексеевича Головкинского (1834–1897) «Древние остатки человека в Казанской губернии» (1868).

А.С. Лаппо-Данилевский апеллирует также к произведению Теодора Липса (1851–1914) «Эстетика» (1903–1906) и абсолютно новаторской работе Вильгельм Оствальда (1853–1932) «Основы культурологии» (1909).

Но наиболее существенное место в этой части исследования занимает литература по истории письма – традиционной вспо-

могательной исторической дисциплине палеографии, правда, понятой для начала XX в. весьма расширительно. Автор обращается, например, к работе английского физиолога Уильяма Гьерри Прейера (1841–1897, W. Preyer) «Психология письма» (немецкое издание 1895 г. «О психологии письма: с особым учетом индивидуальных различий в почерке»).

От технического метода интерпретации А.С. Лаппо-Данилевский переходит к *типизирующему методу*. В процессе типизирующей интерпретации историк «исходит из понятия о том культурном типе, к которому источник относится, и сообразно с ним понимает его содержание»¹⁹. Лаппо-Данилевский различал систематическую и эволюционную типизирующую интерпретацию в зависимости от того, рассматривать ли культуру «в виде некоей системы ее элементов или в виде некоей стадии ее эволюции, т. е. принимать ли во внимание “состояние культуры” или “период культуры”»²⁰.

Вполне логично, что исследование типизирующей интерпретации потребовало обращение не столько к специальным областям знания, сколько к обобщающим работам по истории и истории культуры, например «Феодализм в древней Руси» (1907) Н.П. Павлова-Сильванского (1869–1908) и «Истоки современной Франции» (1875–1893) Ипполита Тэна (1828–1893), трудам по истории Древнего Рима Мари Луи Гастона Буассье (1823–1908, G. Boissier).

А.С. Лаппо-Данилевский неоднократно обращается к трудам своих коллег – «Учебнику...» Эрнста Бернгейма и «Исследованиям...» Ньюма-Дени Фюстеля де Куланжа (1830–1889), а также к его статье «Анализ исторических текстов» (1887).

Особо стоит отметить, что при исследовании типизирующей интерпретации А.С. Лаппо-Данилевский востребует литературу по языковедению, например, лекции Федора Ивановича Буслаева (1818–1897) «История русского языка и словесности» (1868)²¹, работу немецкого языковеда Отто Шредера (1855–1919, O. Schrader) «Сравнение языков и первобытная история» (1890).

Здесь же автор задействует работы по фольклористике и юриспруденции, к которым уже обращался при психологической интерпретации, добавляя исследование британского (шотландского) этнографа Эндрю Лэнга (1844–1912, A. Lang) «Золушка [Cinderella] и распространение сказок» (1893).

Завершает систему интерпретации исторического источника *индивидуализирующий метод*, поскольку «при истолковании источника, – утверждает А.С. Лаппо-Данилевский, – нельзя упускать из виду личность, которая породила его и запечатлела в нем индивидуальные особенности своего творчества ... лишь благодаря понятию о личности автора можно усмотреть и реальное единство его произведения»²².

Приступая к анализу индивидуализирующей интерпретации, автор обращается в первую очередь к классическому труду Шарля Огюстена де Сен-Бёва (1804–1869) «Литературные портреты» (1820-е – 1830-е гг.). В этой части своей работы Лаппо-Данилевский много внимания уделяет анализу литературных текстов, отсылаясь, например к «лексиконам» произведений Цезаря (Н. Meusel, 1886–1893), Тацита (А. Ferber, A. Greef, 1903), Мольера (L. Livet, 1896–1897), Шекспира (Al. Schmidt, 1886). Но в целом, при рассмотрении индивидуализирующей интерпретации А.С. Лаппо-Данилевский ссылается, по преимуществу, на труды историков и философов, ранее уже задействованных в его размышлениях: Г. Буасье, Н-Д. Фюстеля де Куланжа, Э. Бернгейма, Ф. Шлейермахера, В. Вундта и других.

Выводы

Практически не прослеживается корреляция между методом интерпретации и той областью знания, к которой обращается А.С. Лаппо-Данилевский (кроме, возможно, археологии при технической интерпретации).

А.С. Лаппо-Данилевский редко апеллирует к классическим произведениям, он предпочитает использовать труды современников, реже – ученых второй половины XIX в., обращаясь к литературе на немецком, английском и французском языках.

А.С. Лаппо-Данилевский использует результаты исследований других наук скорее для подкрепления/иллюстрации собственных размышлений, чем для формирования своей концепции.

Можно ли подход А.С. Лаппо-Данилевского к интерпретации исторического источника назвать междисциплинарным? Полагаю, что в строгом смысле – нет. Речь должна вестись, скорее, о полидисциплинарности, об историческом источнике как основе / общем объекте социального и гуманитарного знания и, соответственно, об историческом источнике как о фундаментально полидисциплинарном объекте исследования.

Примечания

¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб.: Тип. В. Безобразов и Ко, 1910-1913. Вып. 1-2.

² Эта работа начата в исследовании: *Вальц М.П.* Рецепция идей немецких ученых в работе А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории»: автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2015. 25 с.

³ Подробнее см.: *Румянцева М.Ф.* Интерпретация vs критика исторического

источника в пропедевтиках рубежа XIX–XX вв. как маркер перехода от классической к неклассической модели науки // Могушество памяти: всемирная история и ее исследователи: международная научно-образовательная онлайн конференция: сборник статей и сообщений. Казань: Издательство Казанского университета, 2022. (в печати)

⁴ См., например: *Румянцева М.Ф.* Идеи и концепции психологии в «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского // «Стены и мосты–VI»: практика междисциплинарных исследований в истории / Г.Г. Ершова (отв. ред.), Е.А. Долгова (сост.). М.: РГГУ, 2018. С. 188–196.

⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: [в 2 т.]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т. 2. С. 65.

⁶ Там же. С. 66.

⁷ Позволю себе (1) не транслитерировать фамилии авторов, неизвестных в русском варианте их фамилии, чтобы избежать путаницы с учетом того, что правила транслитерации в течение последнего века неоднократно менялись; (2) не приводить оригинальные написания фамилий авторов, хорошо известных.

⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология... М., 2010. Т. 2. С. 69, примеч.

⁹ Там же. С. 68, примеч.

¹⁰ Там же. С. 70.

¹¹ У Лаппо-Данилевского «Археология». Неточные / неполные названия часто встречаются в подстрочных примечаниях «Методологии истории».

¹² См.: *Вальц М.П.* Указ. соч; *Румянцева М.Ф.* Идеи и концепции...

¹³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории... М., 2010. Т. 2. С. 82.

¹⁴ См., например: *Румянцева М.Ф.* Идеи и концепции...

¹⁵ Сам Лаппо-Данилевский при последующем упоминании транслитерирует фамилию этого автора как Дерэ.

¹⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории... М., 2010. Т. 2. С. 86.

¹⁷ Там же. С. 90-91.

¹⁸ Там же. С. 91.

¹⁹ Там же. С. 111.

²⁰ Там же. С. 112.

²¹ У Лаппо-Данилевского «Лекции», автор ошибочно назван В. Буслаев.

²² *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории... М., 2010. Т. 2. С. 137.

Н.Л. Пушкарева, И.М. Пушкарева

Методология эмоциональной рефлексивности при анализе текстов, сообщенных мужскими и женскими информаторами

Аннотация. Гендерная антропология ставит под сомнение достаточность сложившейся интерпретации общества и заставляет придавать значение новым методам, которые ранее не признавались научными. Совокупность таких приемов и методов складывается в методологию, основанную на желании сопереживать изучаемому объекту и отвергать хладнокровие и отстраненность (на которых настаивало традиционное гуманитарное научное знание). Сопереживание – эмоциональная рефлексивность – связывает новых теоретиков реконструкции прошлого со сторонниками этнографического метода включенного наблюдения и гуманной социологии. В статье излагаются истоки и особенности рождения нового методологического подхода, его связь с новой волной женского движения в мире во второй половине XX века, обоснованы различия мужского и женского подходов к самому сбору информации, перечислены основные составляющие новой методологии – основное внимание ключевым информаторам, а именно женщинам; необходимость и развитие умение уделять основное внимание ранее молчавшим и депривированным социально-половым группам (женщинам), анализировать особенные судьбы, уделяя внимание своим сопереживанием всему необычному и соотнося рассказанное с собственной судьбой и своими эмоциями. Объяснено, для чего нужна такая «историоризация себя», обозначенность времени и места в случае фиксации высказывания и соотнесение с личной биографией (как способ избежать суждения, диктуемого привилегированной позицией). Нарративный анализ с

© Пушкарева Н.Л., Пушкарева И.М., 2023

Подготовлено в рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом, грант № 22-28-01428 («Женская история как основа российского социального оптимизма», рук. – проф. Н.Л. Пушкарева).

позиций эмпатии обнаруживает то, чего нет у исследователя, желающего видеть процессы лишь со стороны и, следовательно, условно-объективно, объяснено, в чем именно новая методология полезно дополняет классические способы добывания научного знания.

Ключевые слова: гендер, методы познания, женская история, гендерная антропология.

Женские исследования в истории – это программа получения знаний о мире и людях с междисциплинарных позиций, а главное – это способ артикулировать женскую точку зрения на исторические события, на наше прошлое. До недавнего времени и женщины, и мужчины вынужденно смотрели на мир именно с мужской перспективы, поскольку все теории о нашей природе и поведении были созданы учеными-мужчинами. Когда же собственный опыт женщин поместился в центр познавательного процесса, это позволило поставить новые аналитические вопросы, развить оригинальные теории и тем самым внести существенный вклад в понимание нас самих и нашего мира. Благодаря готовности увидеть прошлое в женской перспективе, исходя из женской системы ценностей в последние полвека множатся исследования социального статуса женщин, явлений половой дискриминации в публичной и частной сфере, разнообразных гендерных предрассудков, существовавших и существующих в социуме, литературе и образовании. Казалось бы, традиционные гуманитарные дисциплины – психология, история, антропология – всегда изучали не только мужчин, но и женщин. Но, если разобраться, можно заметить большие пробелы, заблуждения и неточности в полученных научных знаниях. Желанием дополнить имеющийся опыт получения наших знаний о прошлом и продиктованы наши размышления о том, есть ли способы понять социальный опыт женщин прошлого, если мы полагаемся все время прежде всего на документальные материалы, оставленные мужчинами и о мужском опыте.

Пути пополнения знаний о прошлом путем включения в них социального женского опыта, нового отношения к работе с источниками (которые было предложено постоянно разделять на созданные мужчинами и созданные женщинами) начали обсуждать историки еще до Второй мировой войны. Первый призыв написать «историю женщин», выделив во всеобщей истории отдельные «истории полов» прозвучал в 1933 г. на VII Международном конгрессе историков. Именно там заслушан доклад польской исследовательницы Л. Харевичовой «Возможно ли написать специальную историю женщины?». В прениях по докладу говорилось о необходимости создания работ по истории социального положения женщин в разных странах в различные эпохи. Л. Харевичова гото-

вила к изданию монографию о женщине польского средневековья, но ее выходу в свет помешала война и смерть исследовательницы в фашистском застенке¹.

Направление женской истории обрело понятийный аппарат в 1950–1960-е гг., а окончательно оформилось на Западе примерно 40 лет назад. В оборот гуманитарных наук благодаря американцам Джону Мани и Роберту Столлеру² был введен концепт социально-культурных проявлений половой принадлежности (гендера), и с начала 1970-х гг., в Западной Европе и США началось сближение теоретического феминизма, феминистской эпистемологии и истории³. Феминистская критика социальной науки заставила увидеть в отношениях мужчин и женщин на протяжении веков множество моделей господства и подчинения, различных гендерных порядков с неравным распределением благ и престижа по признаку пола⁴.

Позаимствовав множество понятий именно из социальной психологии, феминистские методологи активно стали использовать понятие гендерной рефлексии в социуме и *рефлексивности отдельной личности*. Под последним имеется в виду *устойчивое личностное состояние, определяющее особый тип взаимодействия индивида с другими людьми при наличии в сознании субъекта ценностного, личностно-значимого образа-модели полоролевого поведения и нацеленности на его выполнение*. Концепт гендерной рефлексивности при работе с историческими источниками оказывается необходим, когда исследователь ставит задачу уделить большее внимание всем видам и типам документов, созданных женщинами. Эта задача порождает необходимость постоянной готовности задуматься, кем был создан тот или иной текст, человеком какого пола?

Это удлинняет и усложняет анализ собранного материала, но именно этот подход обогащает картину прошлого, делает ее объемной. Методология гендерной рефлексивности ставит под сомнение объективность сложившейся (это значит: «мужской») – интерпретации прошлого, критикует преимущественное право лидеров традиционной науки означать, классифицировать, интерпретировать эмпирические данные, считая одни из этих данных важными и репрезентативными, а другие – малозначимыми, второстепенными. Новый подход, заставляющий учитывать половую принадлежность автора текста, – это новый инструмент для понимания прошлого, заставляющий учитывать мнение отдельных, подчас незначимых для прежней истории людей, какими были безмолвные, вечно малозаметные (если читать источники) женщины.

Один из примеров, связанных с историей пережитой нашей страной Великой Отечественной войной и участием в ней женщин. Мы знаем, что в ней участвовало примерно 800 тыс. женщин, что

около 8% личного состава составляли женщины (в партизанском движении – 9,8%)⁵. А вот какова была мотивация женского добровольчества? Если судить по официальным документам и СМИ, то мотивом был патриотический порыв, сконструированный еще в предвоенные годы, отчасти – стремление отомстить за погибших родственников или мужа, последовать примеру родителей и реализовать семейный этический кодекс⁶. А анализ устных женских рассказов о войне позволяет выявить и другие мотивы – женщины вспоминают, что ими двигало чувство самосохранения, стремление выжить, сердечная привязанность к командиру и вспыхнувшее вопреки войне чувство⁷. Мужчины об этом не говорят. Но значит мы пишем тогда совсем иную историю, иную картину войны, и именно изучение табуированных ранее для печати тем (скажем, связанных с историей сексуального поведения)⁸ открывает ранее не изученные ее стороны – и это уже будет реинтерпретация известного⁹.

Еще одним методическим подходом женской и гендерной истории является ориентация *не на экспертов в какой-либо среде, а на рядовых, обычных женщин* как повествовательниц о бытовом, обыденном, что иной раз и не замечается. Они интересней, выбирают не только культурно маркированные ситуации и процессы, но готовы рассказать о любом фрагменте повседневности, уводя от основной линии, от структуры опросника-гайда, неожиданно для аналитика поднимая темы, которые тот не замечал. С этим приемом смыкаются задачи обретшей в последнее время в исторических исследованиях прием «устной истории», которая дополняет найденное ученым в архивах или публикациях. Когда употребляется понятие гендерного аспекта устной истории, гендерной экспертизы прозвучавших и записанных текстов, то предполагается, что аналитик будет не просто фиксировать принадлежность того или иного текста мужчине или женщине, но сможет это знание использовать для получения более углубленной информации. Такой результат возможен, если аналитик признает социальное неравенство полов и их иерархическое соподчинение, отрицает взаимодополнительность мужчин и женщин. Таким образом вытекает *желание и исследовательская задача сопереживать изучаемому объекту*. Это желание связывает сторонниц направления женской и гендерной истории со сторонниками этнографического метода «включенного наблюдения», биографического метода, плотного (или насыщенного описания) и «гуманной социологии»¹⁰. Шведская исследовательница М. Хиден, обосновывая различия мужского и женского подходов к самому сбору информации, обратила внимание и на его последствия: мужчины акцентировали внимание на цели («почему/зачем он так делал»), в то время как женщины подчеркивали обстоятельства («как он бил ее») и последствия акта, как физические, так

и эмоциональные¹¹. Таким образом, выявились совершенно разные пласты в рассказах об одном и том же.

Специфика качественных методов (или качественного подхода) в социологии, который может быть смело использован историками, – в том, что его сторонники имеют дело с идеографическим, – с теми символами и знаками, которые обозначают индивидуальную неповторимость данной жизненной истории, индивидуальный рассказ о себе, индивидуальный текст, индивидуальные совокупности практик. Сторонницы направления женской и гендерной истории идут дальше. В их исследованиях идеографического так же присутствует акцент на теме неповторимости, индивидуальности, но он – иной, поскольку *преодолевает arrogance (надменность) обычного социологического описания отдельных судеб силой своей эмпатии*. Традиционная социология и антропология требуют объективности – а историк женщин, гендерный антрополог утверждает: сопереживание, эмпатия – способ познания, и познания более глубокого, чем обычная работа считающего себя объективным, хладнокровным исследователя. Ведь обычный исследователь индивидуального может себе позволить наблюдать за сценой социального театра как бы из «царской ложи», с исторически безопасного расстояния. Он может себе позволить писать о жизни своих соотечественников как о «чужих» (именуя современника «homo soveticus», а жизнь, его окружавшую, называть «советским зверинцем», будто он сам – не в этой общей истории, будто история вокруг не него – не встроена в его собственную жизнь, будто у него самого как бы нет биографии).

Исследовательница, разделяющая стремление к пониманию и вчувствованию, такого не допустит¹². Она прежде всего историоризирует саму себя – обозначая время и место в пространстве и на шкале времени, в котором совершается исследование, *высказываясь* в качестве участника (-цы) и не пытаясь вещать с позиций «абсолютно объективного исследователя», демиурга Великой науки. Она – переживает и тем она отлична от обычного аналитика. Все сообщенное информантами, *соотносится ею с личной биографией*; обращение же к собственному жизненному пути доступно каждому – и тому, кто наблюдает социум извне, и тому, кто в нем живет. И потому она поостережется считать себя принадлежащей «совка» или «советского зверинца»: ведь в этом «зверинце» проведена большая часть ее единственной и неповторимой жизни¹³.

Каждый человек обладает этой памятью о своих мелочах, воспроизведение ее приносит *радость обретения действительности* (хранившееся в дальних уголках памяти, неожиданно воскрешенное совпадениями, вычитанными из источника или услышанными в устной истории, – всплывает на поверхность, даря исследователю

радость). Это соотнесение личного и извлеченного из источника – та дополнительная информация, которую годами избегали сообщать историки, пишущие на темы, которые их глубоко волновали. Однако, уверяют феминистские теоретики, говоря о себе, рассказывая жюри академическому сообществу о своих проблемах, исследовательницы учатся оказывать поддержку и друг другу.

Сверхзадачей любого социального исследования является изучение сети социальных связей (а не просто суммы казусов, отдельных судеб). Гендерные антропологи и гендерные историки, работающие с материалами устных жизненных рассказов, стараются выявить *специфику повторяющихся форм человеческих взаимодействий*. Вот почему изучение женских эго-документов, женских жизненных сценариев предпринимается, чтобы увидеть, как за кажущимися случайностями жизни, очень индивидуальными жизненными путями и предстающими добровольными решениями скрываются социально-структурирующее начало. В чем сложность использования устных женских (или мужских) историй – рассказов о себе и своем времени, какой бы суперсовременный понятийный аппарат мы ни вовлекали в свое дело? Сложность – в балансе описательности и проблематизации. Как формализовывать полученную информацию, систематизировать и проблематизировать собранный материал? Зачем историку эта сумма казусов и уникальных жизней отдельных мужчин или женщин? Тут есть простое правило. Любой элемент повседневной культуры достоин исследовательского внимания, *если он встречается неоднократно (не менее трех раз)* в условиях полевых наблюдений или у разных информантов, в разных записанных источниках. Но и мелкое, случайное – оно столь же важное и требует интерпретации в не меньшей мере, чем уже неоднократно «обкатанное» в известных моделях.

В заключение подчеркнем значимость междисциплинарных методов работы женских историков и гендерных антропологов, среди которых методология эмоциональной рефлексивности при анализе текстов, сообщенных мужскими и женскими информаторами, занимает, как мы поняли, особое место и полезно дополняет классические способы добывания научного знания.

Примечания

¹ Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 197.

² Money J. Linguistic resources and psychodynamic theory // British Journal of Medical Sexology. 1955. Vol. 20. P. 264–266; Stoller R. Sex and Gender: on the Development of Masculinity and Femininity. New York, 1968; McIntosh M. Der Begriff “Gender” // Argument. Bd. 190. Berlin. 1991. S. 845–860 (esp. 845–846).

³ Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007.

⁴ *Connell R.* Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics. Stanford, Calif, 1987.

⁵ *Fürst J.* Heroes, Lovers, Victims – Partisan Girls during the Great Fatherland War: an analysis of documents from the spetsotdel of the former Komsomol Archive // *Minerva: Quarterly Report on Women and the Military*, 2000. Vol. XVIII. № 3–4. P. 38–75.

⁶ *Никонова О.Ю.* Женщины, война и «фигуры умолчания» // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3 (40–41). С. 5.

⁷ *Алексиевич С.* У войны – не женское лицо. Минск: Мастац. літ., 1985. С. 25–27.

⁸ *Темкина А.* Динамика сценариев сексуальности в автобиографиях современных российских женщин: опыт конструктивистского исследования сексуального удовольствия // *Гендерные тетради / Под ред. Клецина А.* Вып. 2. СПб, 1999. С. 20–54.

⁹ *Gluck S.B., Patai D.* (eds.) *Women's Words. The Feminist Practice of Oral History.* Routledge, 1991.

¹⁰ *Hammersley M., Atkinson P.* *Ethnography: principles in practice.* London, 1983; *Plummer K.* *Documents of life: An introduction to the problems and literature of a humanistic method.* London, 1983.

¹¹ *Ярская-Смирнова Е.Р.* Нарративный анализ в социологии // *Социологические исследования*. 1997. № 3. С. 57.

¹² *Devault M.L.* Talking and Listening from Women's Standpoint: Feminist Strategies for Interviewing and Analysis. *Social Problems*. Vol. 37. № 1. February 1990. P. 96–116.

¹³ *Козлова Н.Н.* Опыт социологического чтения «человеческих документов», или размышления о значимости методологической рефлексии // *Социологические исследования*. 2000. № 9. С. 27.

Коммуникация – полезная категория отечественного исторического и историографического анализа?

Аннотация. В статье рассматриваются результаты рецепции коммуникатологического дискурса в поле современной профессиональной историографии. Анализируются стратегии выстраивания современной российской истории и профессиональной историографии как «коммуникативных проектов» в условиях когнитивной неопределенности и транзитивности социально-гуманитарного знания и познания.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативно-коммуникационный проект историографии, эпистемология неопределенности, дивергентные сферы.

Введение. Предпосылки

«Коммуникативная революция» с начала нулевых распространилась практически на все наиболее известные направления современного российского социального и гуманитарного знания. Наличие собственного или в достаточной степени адаптированного представления о возможностях и границах применимости коммуникативной теории в различных областях обществознания привело к появлению и институционализации множества соответствующих типов научного знания и способов познавательных практик¹. «Коммуникативный поворот», произошедший также и в современной отечественной историографии, нуждается сегодня в критическом анализе реализованных эпистемологических сдвигов. Необходима также и оценка достигнутых результатов, полученных в следовании приемлемой презумпции на осмысление коммуникативной природы исторического.

Новая модель историографии, выстраиваемая сегодня на перспективных и определяющих принципах неоклассической науки, активно апробирует и «седиментирует» (термин П. Бергера и

Т. Лукмана²⁾ актуальную коммуникатологическую проблематику, что позволяет обратиться к анализу имеющихся наиболее значимых интеллектуальных результатов данной рецепции у историков, рассмотрев определяющие контуры выстраиваемого ими дискурса и его познавательно-проективные возможности.

В рамках данной статьи я попытаюсь критически рассмотреть ряд определяющих аспектов рецепции коммуникатологической проблематики в поле отечественной исторической и историографической науки.

Коммуникация и история: от «прошлого–в–себе» к «прошлому–в Другом/Ином»

Только к середине XX в. история стала постепенно восприниматься как знание медиумов и средств коммуникации во времени и пространстве прошлого. «До конца XIX века, — пишет теоретик медиа Джон Дарем Питерс, — никто не выделял коммуникацию в качестве самостоятельного предмета исследования, отличного от таких областей, как транспорт, книгоиздание, обмен, язык или речь»³⁾.

В классической позитивистской и неклассической (советской) историографии до конца 1980–х гг. «средства коммуникации» отождествлялись с получением исторической информации из соответствующих источников и артефактов, которые вначале нужно было обнаружить, подвергнуть содержащиеся в них сведения тщательному источниковедческому анализу, а затем хранить или при необходимости транслировать полученное знание в концептуальном осмыслении буквальная проработка прошлого.

Базовый референт коммуникативных связей историка с интересующим прошлым, помимо неукоснительного соблюдения принципа историзма, интерессубъективно определялся получением истинного и объективного научного описания исторической действительности. Источник как непосредственно воспринимаемое и прозрачное «окно в прошлое» бытия истории был одновременно и доступно-ясным историку средством коммуникации с ним, а также необходимо содержательным и незамутненным сообщением-описанием о том, «как оно было на самом деле». «Коммуникативность» здесь понималась исключительно как принадлежность активности субъекта познания (историка, а затем и «профессионального сообщества») по отношению к самодостаточным и самоочевидным репрезентативным средствам коммуникации с прошлым (различным типам источников), через которые он в качестве «нейтрального наблюдателя» созерцал «прошлое-в-себе» (как «для себя»). И это понимание сложилось еще до момента обособления и

развития особой сферы социально-гуманитарной эпистемологии – теоретической коммуникативистики, и до оформления в целом устойчивой коммуникатологической проблематики в качестве самостоятельной области и направления знания научно-исторического знания и познания.

Дальнейшие кризис позитивизма, влияние неокантианства и развернувшийся «великий Спор о методе», эволюция логического позитивизма, философии жизни, герменевтики и феноменологии привнесли в понимание прошлого важный критерий – *интенциональность*, что не могло не повлиять на развитие исторической науки в XX в. и, прежде всего, на отношение к «средствам коммуникации» (познания прошлого через источники) в истории, в которые уже активно интегрировалась проблематика исторической эпистемологии, ставящая вопрос о постижении истории как о специфике «прошлого-в-Другом/Ином». Вместе с усложнением представлений о коммуникативной природе исторического и, прежде всего, потерей «прозрачности» в отношении источников познания прошлого, связанной с его индивидуализацией, она по сути остается неизменно субъектной относительно наблюдателя-историка и наблюдаемого им – исторического опыта не сводимых друг к другу «сознаний» различных эпох.

Важно при этом отметить, что к середине XX в. наряду с доминирующим коммуникативным пониманием социально-исторической действительности в зарубежной философии, социологии, психологии и политике прошлого в центре внимания исследователей оказалось *системно-коммуникационное* измерение исторического. Относительно длительным апогеем развития данной интеллектуальной установки в связи с последовавшим за ним кризисом в мировой социологии 1970–х гг. явилась теория социетальности Т. Парсонса, которая в своей основе предлагала тщательно и тотально обоснованную системно-коммуникационную парадигму понимания сути рациональной структуры социального действия, лежащую в основании современного социума. Ее дальнейшая продуктивная критика (Р. Мертон⁴) привела в конечном счете к интеллектуальным прорывам, сделанным Ю. Хабермасом⁵ (теория коммуникативного действия) и Н. Луманом⁶ (новый виток применения системной теории и использования коммуникативной теории).

Выход на понимание качественно нового аспекта коммуникативности – выделение коммуникационной природы социально-политического, исторического и т. п., – задавался применением системного подхода к имеющейся структуре общественных процессов, в основе которых в результате переинтерпретировалось и исходное представление о коммуникации как сфере «человеческого общения». Коммуникативность расширялась за счет прори-

совки (различения) и выделения в ней коммуникационного начала, которое отсылало к преимуществам и акценту на *технологичности*, важности четкого определения типа канала коммуникации, на «внешнее» оформление сообщительной коммуникации.

Данное, подчеркиваю, принципиальное различие коммуникативной и коммуникационной природы исторического зачастую никак не учитывается сейчас отечественными историками, и как следствие, при разработке и проблематизации рассмотрения современной истории и определения статуса актуальной историографии как одинаково «коммуникативных проектов», отсутствует ясность в их содержательных характеристиках, остается не совсем понятным сам смысл и необходимость их различать.

«Коммуникативное, следовательно, коммуникационное»⁷

Определение *коммуникативный* чаще означает атрибуцию субъектов различных типов «связности» социальных взаимодействий в подсистемах общей системы общества (группы, объединения, ассоциации, сообщества и т. д., в широком смысле слова – это «общественность» отношений между людьми и представляемыми ими институциями). При этом коммуникативный подход в историческом исследовании обычно конкретизирует и развивает данную проблематику применительно к историческим формам комплексных репрезентаций различных содержаний и форм проявления увиденной исследователями «общественности» в перспективе развития разных этапов исторического процесса. В этом смысле наиболее известная реализация коммуникативного подхода к историческому процессу – предложенная Ю. Хабермасом периодизация хронологической сменяемости «пяти типов обществности»⁸.

Фактически оставаясь в статусе неклассической модели научной рациональности, современная российская историческая наука использует понимание «коммуникации» лишь как очевидное наличие и постоянное присутствие исключительно «живых» индивидуальных мыслительных взаимодействий⁹ в науке, в русле общего и формально-обыденного представления о том, что внутри и вне производства знания само-собой происходит какая-то деятельность и поэтому, собственно, научные коммуникации априори присутствуют также и исторической науке в целом¹⁰.

Работ отечественных историков, которые бы использовали в качестве теоретического и методологического арсенала *современную* теорию коммуникации практически нет¹¹, что лишний раз доказывает, насколько «территория историка» сейчас во многом интеллектуально локализована и обусловлена профессиональной

культурой «ad hoc» ученого–архивиста–источниковеда классического периода развития науки¹².

Между тем сегодня ученые все чаще и радикальнее осуществляют деконструкцию самой исходной интеллектуальной платформы, на которой применение коммуникативного подхода и использование понятия коммуникации попросту абсолютизируются. В частности, например, говорится, что изначально заложенный в основание коммуникативной программы «интерсубъективизм» лишает ее преимуществ претендовать сегодня на единственность и универсальность сильной теории¹³. О коммуникационной природе исторического на страницах профессиональных российских изданий историки предпочитают сегодня не рассуждать и эпитеты коммуникационный и коммуникативный употребляют в качестве синонимов¹⁴.

Прояснение понятий *коммуникационный* и *коммуникативный* напрямую связано с тематизацией одного из первостепенных вопросов – возможности(ях)выстраивания не только истории как коммуникативного проекта (данная работа ведется уже более 100 лет), но в большей степени обсуждение того, как использовать коммуникативно-коммуникационную проблематику проектирования применительно к современной историографии?

Ряд размышлений в этом плане, как мне представляется, может приблизить нас к определению некоторых «горизонтов ожидания» при решении данного вопроса.

Первое. Понимание того, что современное историческое знание развивается преимущественно как историография и что критический анализ понятия «историографической революции» Б.Г. Могильницкого¹⁵ обозначает, прежде всего, принципиальный переход от, собственно, замкнутой на себе и универсалистской коммуникативной обоснованности исторического – к осознанию двойственности исходных данных оснований, добавляющих к коммуникативности – *коммуникационные характеристики историографии как гуманитарной технологии*¹⁶. Поэтому в качестве перспективы или своеобразной антиципации¹⁷ развития современной историографии будут выступать не только коммуникативные, но и (а, может, преимущественно) коммуникационные качества и характеристики историографического процесса и его дальнейшие проективные возможности.

Второе. Дополнительным основанием перехода историографии к коммуникативно–коммуникационной проективности служат общие итоги произошедших в XIX – начале XXI в. «историографических революций» и определяются они прежде всего специфическим характером т. н. контингентных цепочек событий-интервенций (воздействием различных эпистемологических

«поворотов»)¹⁸, которые образуют «разрывы» в структуре самореферентной системы современной историографии, затрагивая и усложняя работу привычных (кумулятивных) механизмов воспроизводства профессиональных границ исторического знания и познания¹⁹.

Третье. Неопределенность – транзитивность – переходность историографического знания сегодня образует приемлемые *дивергентные сферы* (вместо узко понимаемых конвергентных «междисциплинарных связей») в пространстве представлений о выстраивании т. н. коммуникатологического дискурса современности. В этом смысле стратегический поиск коалиций различных медиумов современности может привести к успешной реализации одного из вариантов коммуникативно-коммуникационного проекта историографии²⁰.

Важность осмысления коммуникативно-коммуникационной природы историографического обусловилась несколькими обстоятельствами последнего десятилетия: выход книги Б.Г. Могильницкого, где он говорит о трех историографических революциях²¹, дискуссия о парадигмах в отечественной историографии, открытая статьей омских историков С.Б. Криха и О.В. Метель²², которая вызвала в профессиональных кругах едва уловимый интерес, но привела к очередному «переключению гештальта» в восприятии знаменитой концепции американского философа Т. Куна²³, а также многочисленные переводы трудов Н. Лумана²⁴, в которых его понимание системы «общества общества» опиралось на идеи аутопоэзиса и коммуникации у У. Матураны и Ф. Варелы²⁵.

Итак, кратко охарактеризуем, на какие «реперные точки» опирается коммуникативно-коммуникационный проект современной историографии

Уточняя принципиальный характер протекания историографической революции во второй половине XX в., Б.Г. Могильницкий выделяет три ее базовых этапа:

1. «сциентизация истории», направленная на преодоление «идиографических познавательных стратегий»;
2. борьба с предыдущей познавательной стратегией под влиянием постмодернизма и как результат – «повороты к субъективности» и микроистории;
3. «критика постмодернизма», методологический плюрализм и, как следствие, «усиление неопределенности историографической ситуации» на фоне непрекращающегося поиска «целостного осмысления истории в единстве ее объективных и субъективных начал на путях методологического синтеза».

Следует особо подчеркнуть, что содержательные характеристики «историографических революций» раскрываются здесь преимущественно с «интерналистских» позиций – эпистемологически и самореферентно данный концепт применяется «изнутри» исторической профессии и кодирует состояние современной исторической науки как результат свершившейся в конце XX – начале XXI в. «третьей» историографической революции. В динамике описания самих этапов трех революций в историографии отчетливо наблюдается их общая соизмеримость и кумулятивность в масштабах «коммуникативного проекта» мировой истории историографии. Понятие «историографическая революция», таким образом, фиксирует исключительно внутреннюю позицию *наблюдателя–историографа* в системном анализе истории историографии и создает своего рода «диспозитив» (М. Фуко), внутри которого иные (условно говоря, «after–post–модернистские») «революции» и трансформации доминирующих эпистем (различные интеллектуальные «повороты») в науках социогуманитарного профиля оказываются лишь внешним фоном историографических перемен. Результаты структурного сопряжения с этим относительно внешним влиянием различных «поворотов к субъективности» не затрагивают в целом существующий статус строго научной системы исторической науки («поиск методологического синтеза»), а лишь только усложняют работу механизмов воспроизводства ее неизбежно и парадигмально существующих границ (критика постмодернизма, неустойчивость методологических доминант и *отсутствие определенности* в современной историографии).

Определяющая роль профессиональных сообществ в развитии науки, высказанная Т. Куном²⁶, переосмысливается в идеях Умберто Р. Матураны и Франсиско Х. Варелы как «аутопоэзная организация»²⁷ всего живого, т. е. как представление о процессе самовоспроизводства автономных *профессиональных сообществ*, которые на уровне социального сопряжения внутри себя приобретают *коммуникативные* характеристики, а в структурном сопряжении внешнего взаимодействия между собой как сообществами – координируются *коммуникационно*²⁸. В их критике «метафоры коммуникационного канала» оказывается ключ к пониманию возникающих у читателей Куна вопросов, – «парадигма или много парадигм?», – и становится понятным введение в ответ на критику книги «Структура научных революций» термина «дисциплинарная матрица».

По сути, парадигмальный взгляд реализует как раз представление о том, что наука как парадигма просто *не способна увидеть себя*, и поэтому ей необходима «фигура» *наблюдателя*. В варианте «много парадигм» (например, две или три историографические парадигмы у С.Б. Криха и О.В. Метель и их критиков²⁹), мы имеем много

наблюдателей, для которых другая парадигма никак структурно не детерминирована, она им вовсе неочевидна своей внутренней динамикой и как следствие несет в себе внутреннюю неопределенность. Именно выход в *дисциплинарную матрицу* означает здесь смещение акцента от значимости того, «что *передается*» (коммуникативный аспект) к важности понимания «что происходит с тем, кто *воспринимает передаваемое*»³⁰ (аспект коммуникационный). И именно поэтому здесь возникает, как бы сказал Н. Луман, необходимость в инстанции «наблюдателя второго порядка» (медиума коммуникации), для которого уже вполне *очевидно* различимы коммуникативно-коммуникационные связи и результаты структурных сопряжений матричного соотношения парадигм как ее внутренних компонентов.

Все чаще отмечается, что именно когнитивная неопределенность в социальных и гуманитарных науках похожа не на результат свершившейся революции, а на ряд удачных эпистемологических *вторжений–интервенций*. В результате последних происходит асимметричное столкновение различных самореферентных научных систем, которые осуществляют практику переструктурирования друг друга (начинают «видеть» друг друга). Именно в данном аспекте можно говорить о мощных интеллектуальных событиях–интервенциях в характере общего революционного изменения структуры историографического, исход которых предопределил *истончение* самореферентной замкнутости системы научной истории историографии и переход ее к поиску новых проектных коммуникативно– коммуникационных «мощностей».

Историография как коммуникативно-коммуникационный проект на пути к эпистемологии неопределенности

Проективность, проектность и проект – определения, которые характеризуют рефлексивную деятельность субъекта в отношении темпоральности, интеллигибельности и результативности реализации его замысла на различных стадиях восприятия, целеполагания и практического воплощения поставленной задачи/проблемы с целью дальнейшей возможности управлять конечными объектами проектирования после его завершения. При этом особо отмечается, что само «распространение принципов проектирования на научное исследование как таковое ... приводит к изменению типа объектов, которыми оперирует наука и изменению структуры научного познания» (С.А. Радионова³¹). В данном аспекте понятие «коммуникативно-коммуникационный проект» в дополнение к проектной деятельности исследователя и ее результатам значительно увеличивает первоначальную неопределенность используемых преоб-

разовательных механизмов. Как раз то, на что в окончательном виде и был рассчитан проект в результате проектирования будет не только принципиально изменено, но и обретет принципиально иные нетождественные очертания и контуры, нежели были до его осуществления, и по сути приведет к увеличению первоначальной неопределенности (возврат к «проекту» советской историографии или поиску неоклассического «номологического синтеза» (С.Н. Розов³²) в современности).

Когнитивная неопределенность в целом является базовой атрибуцией и современной историографической революции, наряду с поиском новых подходов и средств для теоретического и методологического синтеза в характере развития исторической эпистемологии. В самих поисках обновленной модели междисциплинарных оснований и связей интегративных проекций объединения социальных и гуманитарных наук мы также встречаем понятие *транзитивность*, которое выходит на первый план понимания и осмысления данных процедур в науке как принципиальной переходности³³.

В коммуникативно-коммуникационной парадигме в целом мы можем констатировать вслед за Н. Луманом, что коммуникация порождает коммуникацию и не гарантирует стабильные очертания смыслов, поскольку является рискованным предприятием и сохраняет реальные возможности в любой момент сорваться. И это, на наш взгляд, еще один аргумент в пользу понимания принципиально коммуникативно-коммуникационной природы проектирования историографического.

Современные размышления о междисциплинарности в социальных и гуманитарных науках носят отчетливо парадоксальный характер, который некоторые ученые связывают с осуществляемой «кросскультурной революцией» и появлением новых типов соответствующих наук (наряду с когнитивной нейронаукой, называется, например, кросскультурная психология, которая для специалистов-психологов является ярчайшим примером мультидисциплинарности, объединяющей методы генетики, экономики, эволюционной биологии, нейронауки и т. д.). В ближайшие десятилетия горизонт развития наук социогуманитарного профиля мыслится большинством ученых, безусловно, как «междисциплинарный тренд», в ходе которого будет по-новому выглядеть и сама организационная форма взаимодействия ученых (особый тип «транспрофессионализма»). Однако наряду с существующими и в большинстве своем оптимистическими оценками – в ситуации перспективных для различных наук «поворотов» к междисциплинарности видятся и серьезные недостатки: «вызовы транзитивности»³⁴, то есть неопределенности, которые, не только переформатируют

структуру и парадигматику научного знания на основании «трансдисциплинарности», но и смещают сам вектор его социально-культурного развития – от представлений о трансгендере до выработки стратегий и практик трансгуманизма. Именно приоритеты микширования, гибридизации, смешанных концепций и исследовательских стратегий все чаще ученые фиксируют термином трансдисциплинарность³⁵.

На фоне данных и множества других представлений о качестве, поисках и критике междисциплинарности в исследовательских практиках современных ученых, я предлагаю иной взгляд на данный феномен. Во-первых, как на выработку определенных *дивергентных научных сфер* научного знания и познания, которые базируются на принципиально иной основе: понимании того, что единство профессиональных сообществ проистекает из их различий и особой коммуникационной природы взаимодействия, т. е. признание дифференциации в качестве базовой основы интеграции; на вызовах особого типа «непереходности» (нетранзитивности) в сложных системах и видах деятельности того отличительного, что является для них определяющим. Во-вторых, на выработке т. н. «эпистемологии неопределенности» как особого типа научного познания многообразия различного. В-третьих, на расходящихся и одновременно сосуществующих представлениях о режимах историчности, целеполагания и качественно отличных субъективных проекциях современности.

Заключение

Таким образом, складывается устойчивое представление о том, что многие проблемы существования современных научных профессиональных сообществ достаточно созвучны с тем коммуникатологическим дискурсом, который выстраивался после кризиса социологических и философских институциональностей (или же по Ж.-Ф. Лиотару «метанарративов»³⁶). После преодоления и критики теорий рационального и социального действия, деконструкции различных «социетальных» порядков в структуре описания современных обществ.

Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, аутопоэзис У. Матураны и Ф. Варелы и последующая рецепция их идей в работах Н. Лумана, собственно, развитие теории и философии коммуникации в трудах Мануэля Кастельса, Карла Отто Аппеля, Джанни Ваттимо и многих других в изучении того, что связывают с коммуникатологическим дискурсом стали очевидны, «*переводимы*» и необычайно востребованы, когда изменились привычные контуры классической (институциональной) модели рациональности и произошел переход в поле коммуникативной (процессу-

альной) рациональности научной постнеклассики. Не удивительно поэтому, что коммуникативная теория все еще претендует сегодня на статус *континуальной «онтологии»* понимания и упорядочивания почти что всех смыслов современности, но, как мы показали выше, здесь нужно учитывать двойственность ее оснований (коммуникативных и коммуникационных).

Дальнейшая и позитивная задача рецепции коммуникатологической проблематики в поле современной историографии – разработка коммуникативно-коммуникационных характеристик историографической определенности – видится мне как вполне приемлемая и интеллектуально значимая перспектива ближайшего будущего в определении новых горизонтов исторической эпистемологии и в характере бытования и сосуществования различных профессиональных научных сообществ.

Примечания

¹ Так, например, в книге Эма Гриффина приводятся 31 (только «базовые!») коммуникативные теории и соответствующие им практики (*Гриффин Эм. Коммуникация: теории и практики / Пер. с англ. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», Науменко А.А., 2015*).

² *Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Изд-во «МЕДИУМ», 1995. С. 113–116.*

³ *Питерс Д.Д. История как проблема коммуникации // Неприкосновенный запас. 2014. №3 (95). С. 95–108.*

⁴ *Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. С. 64–104.*

⁵ См.: *Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001.*

⁶ См., например: *Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.*

⁷ В формулировке данного раздела статьи мною использовано название книги С.В. Лещева (*Лещев С.В. Коммуникативное, следовательно, коммуникационное. М.: Эдиториал, УРСС, 2002*)

⁸ *Рядишская М.В. Коммуникативный подход // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 221–222.*

⁹ *Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Изд-во «Социально-гуманитарного знания», 2005. С. 58, 79, 92, 96, 101, 131, 143, 256, 287.*

¹⁰ В историографическом плане можно назвать монографию Л.А. Сидоровой, посвященную, как было заявлено в авторской аннотации, «межличностным коммуникациям трех поколений советских историков», но по сути проводящую изучение истории исторической науки России середины XX в. «с позиций генерационного анализа». *Сидорова Л.А. Советская историческая*

наука середины XIX века: синтез трех поколений историков. М.: Наука, 2008. С. 2, 261.

¹¹ Исключение в понимании и осознании всей сложности проблематики коммуникативной природы историографического может составить «омская школа» современных историографических исследований. См. напр.: *Корзун В.П.* Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // *История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков.* Сб. ст. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 290–302.

¹² Относительное усложнение данной проблематики можно найти в книге: *На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг.* / отв. ред. Г. Альтхоф и М.А. Бойцов; пер. с нем. М.А. Бойцова; пер. с польск. М.В. Дмитриева. М.: Политическая энциклопедия, 2016.

¹³ *Павленко А.Н.* Является ли «коммуникативная программа» обоснования знания универсальной? // *Вопросы философии.* 2009. № 11. С. 111.

¹⁴ Данная установка, как известно, долгое время реализовывалась в учебном процессе российской высшей школы под названием «Коммуникативная история России». Традиционно в курсе рассматривались «контекст и контент российских коммуникаций IX–XX вв., их виды и уровни, давалась характеристика устноречевых, письменноречевых, электронных, визуальных и невербальных коммуникаций в России, раскрывались современные научные подходы к целостному моделированию российских коммуникаций, их периодизации и типологизации, анализировались основные вехи их истории, глубоко и подробно раскрывался характер авторитарной и тоталитарной коммуникации России в XX в., в особенности современной российской коммуникации» (Программа «Коммуникативная история России» кафедры истории России нового времени ФИПП ИАИ РГГУ / сост. доц., к. и. н. Е.Ю. Наумов).

¹⁵ *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века: курс лекций. В 3–х вып. Вып. 3. Историографическая революция. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008.

¹⁶ *Лукьянов Д.В.* Историографическое знание и гуманитарные технологии современности // *Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии:* Науч.-практ. мат.-лы. СПб.: ООО «Книжный дом», 2007. С. 74–102.

¹⁷ Антиципация (от лат. *anticipatio* – предвосхищаю) — представление о результате того или иного процесса, возникающее до его реального достижения и служащее средством обратной связи при построении действия.

¹⁸ *Лукьянов Д.В.* Контингентные изменения структуры историографических революций // *Мавродинские чтения - 2018: Всеросс. науч. конф., посвященная 110-летию со дня рождения профессора В.В. Мавродина.* Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский гос. ун-т, 29–31 октября 2018 г. СПб.: Нестор–История, 2018. С. 564–568.

¹⁹ *Лукьянов Д.В.* «Структура» и «события» историографических революций // «Будущее нашего прошлого: новые подходы к интерпретации исторического знания». Москва, 13 декабря 2017. РГГУ. (эл. издание).

²⁰ *Лукьянов Д.В.* Дивергентные сферы современных научных революций: медиография и историография в коалиции медиумов современности // *Стены и мосты-VII: Междисциплинарность: что от историка требует, что дает и чего лишает?* Сб. тр. междунар. науч. конф. РГГУ. М.: РГГУ, 2019. С. 80–89.

²¹ См.: Могильницкий Б.Г. Указ. соч.

²² Крих С.Б., Метель О.В. Две парадигмы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 159–166.

²³ Лукьянов Д.В. О пользе «коммуникатологического» понимания концепции научных революций Томаса Куна // Вестник РГГУ. 2017. № 3(9). Сер.: «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». С. 65–73.

²⁴ Луман Н. Указ. соч.

²⁵ См.: Матурана У., Варела Ф. Древо познания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

²⁶ Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2015. С. 269.

²⁷ Матурана У., Варела Ф. Указ. соч. С. 40.

²⁸ Там же. С. 172.

²⁹ Крих С.Б., Метель О.В. Указ. соч.; Базанов М.А. Две «парадигмы» и предметное поле историографических исследований: запоздалый ответ С.Б. Криху и О.В. Метель // Историческая экспертиза. 2015. № 2(3). С.55–63; Крих С.Б., Метель О.В. Снова о двух парадигмах: предварительный ответ М.А. Базанову // Историческая экспертиза. 2016. №1(6). С. 195–199; Исаев Д.П. К вопросу о парадигмах в историографии (по поводу одной дискуссии) // Новое прошлое / The New Past. 2017. № 2. С. 92–102.

³⁰ Матурана У., Варела Ф. Указ. соч. С. 173.

³¹ См.: Радионова С.А. Проект // Новейший философский словарь. Мн.: Книжный дом, 2003.

³² Розов С.Н. Возрождение номотетики основания и перспективы исторической макросоциологии // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / Отв. ред. М.А. Кукарцева. М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2011. С. 272.

³³ Типичны в этом смысле ряд книг, которые множат когнитивную неопределенность. П. Берк «Что такое культуральная история?», книга до странности инклюзивная в отношении исторической науки и историографии, заканчивается нетривиальным пассажем о «трудности ответа на вопрос, что такое культуральная история», и о «дисциплине в себе», а также «необитаемом пространстве между дисциплинами» (Берк П. Что такое культуральная история? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 206, 214.). Стоит упомянуть в этом ряду и книгу Ричарда Лахмана, в которой тематизируется проблематика социологии истории и констатируется, что «Историческая социология не имеет какого-то своего отдельного предмета». (Лахман Р. Что такое историческая социология? М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 217).

³⁴ Интервью с М.С. Гусельцевой о будущем психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 4 (12). С. 225.

³⁵ Там же. С. 235.

³⁶ См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна: Пер. с фр. М.; СПб.: Алетейя, 1998.

А.Б. Стрельченко

Социальная психотерапия в период деструктивных социальных эпидемий

Аннотация. Нынешний цивилизационный кризис сопровождается чередой деструктивных социальных эпидемий. В их числе – химические зависимости, деструктивные психологические зависимости, панические информационные пандемии. Механизмом формирования ДСЭ является вирусная информация, получившая широкое распространение в связи с революционными преобразованиями в способах генерации, усвоения и обмена информацией. Вирусная информация в значительной степени трансформирует психику человека, и эта трансформация приводит к снижению его резистентности перед вызовами кризисных времен. В то же время, благодаря такому свойству психики человека как пластичность, часть населения обладают необходимыми ресурсными возможностями для эффективной адаптации к кризисным условиям. Установлена природа этих ресурсов, есть понимание и инструментарий для их формирования у менее устойчивой части населения.

Ключевые слова: кризис, социальная эпидемия, информационная пандемия, социальная психотерапия.

В 2017 г. на очередной конференции «Стены и мосты» проф. Г.Г. Ершова спрогнозировала сроки начала нынешнего цивилизационного кризиса¹. И блестяще обосновала свой прогноз.

Исходя из приводимых Г.Г. Ершовой доказательств следует, что текущие кризисные времена не являются артефактами цивилизационного развития. Текущий кризис является восьмым системным кризисом нашей антропосистемы. Его особенностью является то, что предсказать даже общие тенденции развития событий не берутся даже такие авторитетные эксперты, как математик Вернер Виндж² и футуролог Рэймонд Курцвейл³.

По словам проф. Г.Г. Ершовой: «...процесс развития антропосистемы приблизился к некому моменту не только технологической, но и социальной сингулярности, когда система практически исчерпала ресурсы развития по законам прежней модели»⁴.

Этот «некий момент» имеет разные названия: «эпоха перемен», «системный кризис», «новая нормальность» и т. д. Одно из модных его названий – VUCA-эпоха. Это акроним, объединяющий четыре понятия, которые характеризуют нынешнее время: Volatility – непостоянство; Uncertainty – неопределенность; Complexity – сложность; Ambiguity – неоднозначность. Пришел он к нам от американских военных, занимающихся стратегическим планированием в период ведения боевых действий. Можно предположить, что мы имеем цивилизационный кризис с «открытым финалом». К обсуждению того, что это значит, мы еще вернемся.

Влияние VUCA-эпохи на психику человека связано со снижением его адаптационных ресурсов. Так, по данным репрезентативных исследований последних лет, до 25% населения планеты находятся в отчетливом антиресурсном полюсе, а еще до 70% населения – в зоне ресурсной нестабильности⁵.

Снижение адаптационных ресурсов приводит к развитию заболеваний. В кризисе одной из важнейших адаптационных поведенческих стратегий является интуитивный поиск способов пополнения своих истощаемых адаптационных ресурсов. Человек ищет, и находит. Прежде всего те, для овладения которыми не надо напрягаться: алкоголь, наркотики, психологические зависимости. Так возникают деструктивные социальные эпидемии.

По мнению проф. А.Л. Каткова, под деструктивными социальными эпидемиями (ДСЭ) «понимается общее обозначение кризисных социальных явлений, масштабы и темпы распространения которых, а также привносимые ими негативные последствия представляет прямую угрозу человеку, обществу и существующему социальному порядку»⁶.

Можно констатировать широкое распространение следующих видов ДСЭ:

- химические зависимости – алкоголизм, наркомании, токсикомании, лекарственная зависимость;
- деструктивные психологические зависимости – игромания, компьютерная зависимость, вовлечение в религиозно-экстремистские и иные тоталитарные секты;
- панические информационные пандемии, включая недавний коронавирусный эксцесс и нынешние политические события.

И это сказывается не только на нынешнем уровне здоровья наших сограждан, но и влечет за собой «прогрессирующее сни-

жение генетического качества популяции в каждом следующем поколении»⁷.

Механизмом формирования ДСЭ является вирусная информация. Так уж получилось, что в последние десятилетия произошло стремительное и необратимое изменение нашей реальности – внешней (культура, экономика), и внутренней (сознание). Произошло это за счет революционных преобразований в способах генерации, усвоения и обмена информации.

Ярким проявлением этих преобразований является феномен «клипового мышления». Это один из адаптационных механизмов приспособления к изменившейся реальности: «Лучше ни во что глубоко не вникать, а скользить по событийной поверхности» – этакий «информационно-рефлекторный серфинг». В этой связи вспоминается всем известный и горячо любимый в определенном возрастном периоде персонаж сказки Алексея Толстого – Буратино: «Мысли у него были маленькие-маленькие, коротенькие-коротенькие, пустяковые-пустяковые» (Толстой А.Н. Золотой ключик, или Приключения Буратино).

«Клиповое мышление» не может явиться механизмом эффективной адаптации человека к изменившейся реальности. Так как оно не формирует у человека навыка мыслить. Оно способно ослабить или даже полностью «отключить» способность человека к критическому осмыслению стрессогенной ситуации, что вызывает у него паническую реакцию. Вирусная информация в значительной степени трансформирует психику человека, и эта трансформация приводит к снижению его резистентности перед вызовами кризисных времен.

Однако, ситуация отнюдь не безнадежна. Психика человека обладает замечательным свойством – пластичностью. Именно благодаря психопластичности, с одной стороны, имеет место воздействие вирусной информации и возникновение ДСЭ. Но, в тоже время мы видим, что часть наших сограждан способны сохранять свой ресурсный потенциал и противостоять стрессу и панике. Именно эта часть наших сограждан обладает теми ресурсами, которые дают им устойчивость в кризисе.

Осталось установить природу этих ресурсов и определиться с тем, как их формировать у менее устойчивой части населения. Этим как раз и занимается новое стратегическое направление в отечественной психотерапии – Социальная психотерапия⁸.

Социальная психотерапия опирается на ресурсы человека. Говоря о ресурсах, необходимых для адаптации к неблагоприятным факторам среды, целесообразно обратиться к понятию здоровья, и, прежде всего, – к психическому здоровью.

В концепции Социальной психотерапии есть несколько вариантов определения психического здоровья. Одно из них следующее:

под психическим здоровьем понимается возможность психики человека обеспечить эффективную самоорганизацию, безопасность и устойчивое его развитие в агрессивной среде благодаря высокому уровню развития определенных психических свойств, состояний и процессов⁹.

Перечень ключевых психических свойств, о которых говорится в вышеприведенном определении, включает в себя:

- полноценное завершение личностной идентификации;
- полноценно сформированные:
 - конструктивный (идентификационный) жизненный сценарий;
 - устойчивый мотивационный комплекс, направленный на реализацию конструктивного жизненного сценария;
 - навык свободного и ответственного выбора;
 - свойство внутреннего локуса-контроля;
 - потребность в эффективной самоорганизации;
- наличие специфических (помимо соответствующих возрасту знаний-умений-навыков), ресурсов, необходимых для реализации конструктивного жизненного сценария;
- наличие адекватной информированности об агентах, агрессивных и деструктивных по отношению к основным (идентификационным) жизненным сценариям.

Из указанных составляющих психического здоровья, исходя из обсуждаемой темы, целесообразно выделить одну – потребность в эффективной самоорганизации.

Как известно, в схеме иерархии индивидуальных потребностей А. Маслоу высшим уровнем достижений человека является самореализация. Однако, в условиях агрессивной среды этого мало. Надо еще и действовать, и действовать правильно. Правильность действий в сложных условиях определяется эффективной самоорганизацией. Люди, которые обладают необходимыми адаптационными ресурсами, умеют и могут осуществлять процесс самоорганизации.

Согласно Общей теории психотерапии¹⁰, к классической пирамиде потребностей следует добавить сверху еще один уровень, высший – уровень самоорганизации. Наличие у человека этого уровня позволяет ему произвольно регулировать все нижележащие уровни. И уже не его кишечник и надпочечники определяют его поведенческие реакции, а он сам, его личностное «Я» формирует поведенческие стратегии, которые обеспечиваются работой и кишечника, и желез, и всех остальных функциональных систем. В таком случае, базой в иерархии потребностей становится уровень самоорганизации.

Для того, чтобы достичь этот высший уровень человеку требуется пройти все био-психо-социо-духовные ступени личностного развития. Это как в песочных часах: происходит перетекание определенного объема, после достижения определенного количества которого, формируется новое качество. Кто-то может пройти этот путь сам, кому-то могут помочь профессионалы: психотерапевты и психологи в рамках Социальной психотерапии.

Под термином «Социальная психотерапия» понимается:

- самостоятельная научно-практическая дисциплина, разрабатывающая и реализующая специфические методы взаимодействия специалиста с пациентом или группой, направленная на эффективное совладание с проблемной ситуацией, мобилизацию ресурсов психики и всего организма на преодоление ее последствий;
- масштабная практика использования высокоэффективных технологий: психотерапевтических, консультативных, тренинговых, воспитательных, образовательных и прочих, особенно в отношении населения с высокими рисками вовлечения в деструктивные социальные эпидемии;
- кластерный принцип организации и взаимодействия трех основных секторов социальной сферы (образование, здравоохранение, социальная помощь) и трех основных сфер профессиональной деятельности: психолого-психотерапевтической, профилактической и аддиктологической.

В основе Социальной психотерапии лежит Общая теория психотерапии. Нами проработаны все составляющие, позволяющие считать это направление полноценной научно-практической дисциплиной, имеющая необходимые для этого составляющие: объект, основной предмет, технологии и т. д. Эффективность предлагаемой модели Социальной психотерапии показала себя в ходе пандемии коронавирусной инфекции и показывает свою эффективность сейчас, в работе с пострадавшим населением. Такая работа строится по следующим направлениям:

- каскад технологий работы с актуальными мишенями (выраженное состояние страха, тревоги, беспокойства);
- кластер специальных психотерапевтических программ, направленных на работу по повышению устойчивости к агрессивному влиянию среды, особенно для групп с повышенным риском вовлечения в ДСЭ;
- полимодальная психотерапии пациентов с относительно тяжелыми соматическими расстройствами.

В заключении следует еще раз подчеркнуть.

1. В истории человеческой цивилизации это не первый, и, наверное, не последний цивилизационный кризис. И у человечества есть опыт выхода из этих кризисов с переходом на новый, более высокий уровень развития.
2. Специфика нынешнего кризиса и природа возникновения и проявления массовых ДСЭ нам понятна, а, значит мы можем им противодействовать.
3. Психопластичность, как важнейшая особенность личности человека, является с одной стороны, важным механизмом, а с другой стороны, основной точкой приложения в формировании адаптационных ресурсов для преодоления кризиса.
4. Научно-практический инструментарий Социальной психотерапии создает все условия для повышения адаптационных возможностей наших сограждан в эти непростые времена.

О значении «открытого финала» нынешнего цивилизационного кризиса.

Для нас это означает, что именно от нас с вами во многом зависит, что мы получим на выходе из него. Еще выдающийся советский физиолог академик П.К Анохин, в своей теории функциональных систем установил, что при четко поставленной цели наш мозг организует работу всех органов и систем организма так, чтобы обеспечить достижения этой цели¹¹.

То есть, чем четче и конкретнее мы сформируем понимание того, в каком светлом будущем хотим жить мы и наши дети, тем больше вероятность того, что наши цели будут достигнуты. И здесь возникает одно предположение, навеянное памятной конференцией «Стены и Мосты» пятилетней давности, и осмысленное с позиций Общей теории психотерапии. Для этого следует снова обратиться к схеме проф. Г.Г. Ершовой¹².

Из схемы видно, что более 115 веков человечеством владел гностический принцип мировосприятия. В ту, так называемую гностическую, «недифференцированную» (от «Логоса») эпистемологическую эпоху, Вселенная, космос, мир, реальность, душа, дух, бог, психика, разум и т. д., – являются единым целым, мерой которого является время. И за эти 115 веков историческая наука выделяет только четыре цивилизационных кризиса.

Цивилизация развивалась. Требовались новые методы получения «объективных» знаний – ясные и понятные для всех. В основе этих новых методов должен был лежать новый принцип обработки информации. Этим принципом стала логостическое эпистемологическое мировосприятие. Началась диссоциированная эпистемологи-

ческая эпоха. Она характеризуется, прежде всего, разделением целостного гностического знания на научные знания (Логос) и религиозное мировоззрение (Веру). Условным началом этого периода можно считать XVI в. Мы продолжаем жить в этой эпохе. За пять веков человечество пережило тоже примерно четыре цивилизационных кризиса. Как вам такое соотношение: 5 веков и 115 веков – 1:23?

Что мы имеем в результате мы все прекрасно знаем. Может быть нам пора соединить Гностическое и Логостическое мировосприятие в ассоциированную эпистемологическую платформу, сформировав более гармоничную картину мира? «Открытый финал» текущего кризиса дает нам такую возможность. Социальная психотерапия дает нам научно-обоснованный инструментарий для реализации этой возможности. Однако следует помнить, что возможности можно и упустить, а будут ли новые возможности в будущем, если мы упустим эти?

Примечания

¹ *Ершова Г.Г.* Проблемы адаптации и дезадаптации в период смены эпох // Социокультурные ресурсы человека как способ активной адаптации: поведенческие стратегии в условиях социального стресса: Сб. ст. / Отв. ред. Г.Г. Ершова; И.Н. Косиченко (сост.); Центр междисциплинарных гуманитарных исследований; Российский государственный гуманитарный университет. М.: Академический проект, 2017. С. 9–30.

² *Vinge V.* The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era // Whole Earth Review. 1993. Vol. 4. URL: <https://edoras.sdsu.edu/~vinge/misc/singularity.html> (дата обращения: 09.09.2022).

³ *Kurzweil R.* The Age of Intelligent Machines. Cambridge; Boston, 1990. P. 446.

⁴ *Ершова Г.Г.* Указ. соч.

⁵ *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2017. 208 с.

⁶ *Катков А.Л.* Социальная психотерапия как ответ профессионального сообщества на феномен деструктивных социальных и биологических эпидемий Новейшего времени. URL: <https://oppl.ru/2020-vyipusk-4/al-katkov-sotsialnaya-psihoterapiya.html> (дата обращения: 09.09.2022).

⁷ Там же.

⁸ *Катков А.Л., Макаров В.В.* Стратегия развития профессиональной психотерапии в Российской Федерации 2021–2030. URL: <https://innopsycon.kz/ru/publikatsii/strategiya-razvitiya-professionalnoj-psihoterapii-v-rossijskoj-federatsii-2021-2030> (дата обращения: 09.09.2022).

⁹ *Катков А.Л.* Общая теория психотерапии: Том 1. М.: Ridero, 2022. 650 с.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Анохин П.К.* Очерки по теории функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 225 с.

¹² *Ершова Г.Г.* Указ. соч.

Культурально-антропологическая модель
в историко-правовой науке:
как в мире правовых явлений появился человек

Аннотация. Историко-правовая наука до сих пор в целом позитивна, несмотря на наличие многочисленных методологических разработок, основанных на постнеклассических моделях. Она не стремится раздвинуть свои границы в рамках междисциплинарности. Современная культурально-антропологическая модель в праве, которая заимствуется из истории, культурологии, антропологии, социальной психологии пытается учесть представления людей о мире правовых явлений, эмоциональную и познавательную составляющие правосознания, психические процессы, которые способствуют или препятствуют постижению реальности и выстраиванию картины мира. Её возможности для развития юриспруденции подвергаются анализу в настоящем исследовании.

Ключевые слова: культурально-антропологическая модель, история государства и права, методологические подходы в праве.

Необходимо признать кризисное состояние нынешней историко-правовой науки, оказавшейся без ориентира, в качестве которого ещё в начале 2000-х гг. назывался человек. Тогда выход виделся в том, чтобы ввести в общую юриспруденцию новую «особую отрасль, обращённую непосредственно к человеку, его правовому бытию»¹. Сегодня вопрос стоит более остро: человек должен появиться в самой правовой науке, стать её центром, вокруг которого выстраивались бы основные юридические концепты. Это приводит к тому, что «ранее казавшиеся очевидными понятия «человек», «общество», «власть», «право», «государство» проблематизируются»². Встаёт вопрос о новой методологии, позволяющей с иного ракурса взглянуть на предмет исследования.

Историко-правовая наука оказывается в трудном и отчасти неудобном положении. Формально причисленная к юриспруденции, она не может не считаться со своими корнями, уходящими вглубь истории. Не зря историки считают, что история государственно-правовых явлений и феноменов лежит в рамках изучения их науки. Такое историческое наследие вынуждает историко-правовую науку «посягать» на отдельные участки, разрабатываемые другими социальными и гуманитарными науками (социальной психологии, политологии, социологии и даже искусствоведения, культурологии, фольклористики и т. п.).

Однако общая юриспруденция до недавнего времени не позволяла истории государства и права выходить за установленные границы. Несмотря на то, что идеи, положенные в основу культурной антропологии права, начали разрабатываться уже во второй половине XIX – начале XX вв. (например, Г. Мэйн, Б. Малиновский, в России – М.М. Ковалевский, Л.И. Петражицкий и др.), они продолжали оставаться маргинальными, хотя и небезыntenесными оригинальными учениями, не сведёнными в систему. Подробно периодизацию эволюции антропологии права рассматривает Н. Рулан в своей классической работе³. До начала XXI в. юриспруденция оставалась позитивной наукой, и это касается не только России. «Позитивистское правопонимание основано на методологии позитивизма ..., суть которого состоит в ограничении предмета познания лишь сферой фактического, позитивного знания (что предполагало отказ от рассмотрения метафизических вопросов, связанных с раскрытием сущности исследуемых явлений) и в сведении способа познания лишь к чувственному восприятию, позволяющему фиксировать эмпирические факты и устанавливать эмпирические закономерности»⁴. Нужно признать, что множество интересных работ в области антропологии права были написаны в XX в. не-юристами и не представляют собой единый корпус, на который можно опираться сегодня.

Между тем историки накапливают знания в этой сфере. Проблема заключается в том, что между науками, несмотря на объявленную междисциплинарность, пока не наведены мосты, а это означает, что некоторые понятия, уже давно существующие в праве, «переизобретаются» историками. Это вносит некоторую сумятицу в понятийный аппарат, когда мы говорим об одном и том же, но только на разных языках. Историки права также не спешат заимствовать некоторые результаты или понятия, разработанные в соседней науке, в силу своей закрытости и нежелания размывать границы наук.

Трудным для юристов был переход к пониманию того, что «право не является изолированным феноменом, а напротив, оно

часть повседневной жизни человека и общества»⁵. Историки гораздо раньше обнаружили несправедливость утверждений юристов-позитивистов о том, что следует представлять себе «правовую систему как набор определенного числа фиксированных норм и институтов, обеспечивающих их исполнение. Законы предстают закрепленными правовыми нормами, чье действие, распространяющееся на всех членов общества, гарантируется репрессивными механизмами государства»⁶. В действительности это утверждение, например, могло облегчить исследовательскую работу с государством, возникшим в Новое время в Европе, но ничего не давало при изучении средневековой государственности. Более того, она в трудах историков права нередко представала как «не-государство», а её властные регулирующие установления как «не-право».

Только постнеклассическая парадигма, раскрываемая, в первую очередь, в трудах И.Л. Честнова, стремится сформировать более целостный взгляд на предмет исследования. Им показано, в частности, что в современной ситуации развития методологической базы правовых исследований возможны три выхода из состояния кризиса: «1) поиск аргументов в пользу одного типа правопонимания, который заключается в убеждении всех остальных в своей правоте; 2) попытка соединить «лучшие стороны» всех существующих типов правопонимания; 3) поиск «нового пути» – иного типа правопонимания, которого сегодня еще нет»⁷.

Сегодня невозможно даже представить себе, что в научной методологии будет превалировать какая-то одна, пусть даже «классическая», теория, объясняющая причины всех явлений и сущность основополагающих феноменов. Поэтому первый из предложенных путей можно считать бесперспективным. Более вероятным представляется развитие правовой науки по второму или третьему пути, поскольку они вытекают один из другого. Второй – это простое объединение разных методологий с упором на выявление общих черт. Оно может привести к созданию непомерно широких понятий, что не будет способствовать разрешению конкретных исследовательских задач, а приведёт в область чистого философствования. Третий путь предполагает, на наш взгляд, понимание того, что государство, право, государственно-правовые системы, правовые цивилизации, правовые отношения и т. п. – это многомерные феномены, которые более эффективно изучаются, с точки зрения разных подходов, в том числе, с использованием новых постнеклассических подходов в праве.

Таким подходом можно считать антропологический или более широко культурально-антропологический. Его концептуальную основу в юриспруденции разрабатывает, например, Ю.А. Веденеев⁸. «В рамках антропологической интерпретации права, формируется

и принципиально новый подход к конструированию современных правовых норм, где учитываются психологические и биологические состояния личности, морально-этические, духовно-нравственные ценности человека, конкретная система условий, в рамках которой находится человек, вступающий в правоотношения»⁹.

В праве появляется человек и сразу же занимает значимое – центральное – место. «Антропологический «поворот» <...> полагает человека во всех его проявлениях, прежде всего, как существа социокультурного, центром социальности и, тем самым, правовой системы. Именно человек создает правовую реальность, он же ее воспроизводит своими действиями и ментальной (психической) активностью»¹⁰. В чём видится проблема существующих подходов и почему нам нужен человек в праве?

С точки зрения позитивистского взгляда, нас вообще не интересует, как и почему, в каких условиях был принят тот или иной нормативно-правовой акт, а самое главное, – как воспринимался людьми; почему законы исполняются или не исполняются. В этой парадигме история – это линейное поступательное, всегда прогрессивное развитие. Именно позитивистская история по существу безальтернативна, её всеоправдывающим афоризмом является слоган о том, что история не имеет сослагательного наклонения. Историческому процессу оказывается свойственна предсказуемость и даже ретросказуемость, которая позволяет выстраивать историко-правовые модели на основе выявленных всеобщих законов истории, что, кстати, очень удобно при изучении эволюции глобальных социальных систем. Но единичное, случайное, удивительное, загадочное, непонятное, хаотичное, непредсказуемое в такой модели игнорируется. Учёные-позитивисты, как показали М. Блок и А. Про, намеренно устранили гуманистическое начало из науки, поскольку оно не позволяло рационально объяснять многие феномены и явления, вносило лишнюю суету¹¹.

В такой парадигме субъект исследования теряет своё значение, потому что всё происходит помимо него. Он лишается возможности взаимодействовать со своим объектом, не может вступать в диалог с людьми, которые жили когда-то, потому что изучать приходится процессы. Люди вообще, и те, кто жил когда-то, и современный исследователь, отчуждаются от исторического процесса. Понятие культурного контекста не учитывается, уровень правосознания и правопонимания, особенности правовой картины мира не принимаются во внимание, на что автором было обращено особое внимание при выборе основополагающего методологического подхода в рамках проведения научного исследования¹². Именно с помощью культурально-антропологической методологии «возможна углубленная многоаспектная интерпретация археологических арте-

фактов, насыщающая их «плотью и кровью», «вдыхающая в них жизнь»¹³.

Но исследователь не абстрактный субъект – он обладает особыми характеристиками. Например, историк и историк права, хотя и очень близки, будут изучать развитие государственно-правовых систем по-разному. То же можно сказать и об объекте, на который направлено их внимание. К тому же государство и право не существуют без человека. История без людей – это дегуманизированный механизм¹⁴. Если мы представим себе мир без людей, то мы с большой степенью вероятности можем утверждать, что до человека ни государство, ни право не существовали. Не человек – атрибут государства и права, а они являются творениями человека, его способами существования (одним из способов существования, как можно заметить), то есть, по сути, социальными конструктами, поскольку «объективность конструируется людьми, их социальными представлениями, опосредованными историческим и социокультурным контекстом»¹⁵.

Бытие государства и права – это поведение человека при встрече с неким государственно-правовым институтом, осознании его содержания, эмоциональной оценкой и принятием решения о том, как поступить в связи с поступившей информацией. Сущность каждого из указанных компонентов будет различна в разных цивилизационных образованиях. Культурально-антропологическая перспектива в рассмотрении государственно-правовых феноменов и явлений позволила показать, что государство и право не естественны и объективны, а субъективны и во многом даже случайны, контекстуальны, преходящи. Они демонстрируют, как, когда и почему люди объединяются, создают такие инструменты регулирования общежития и создания эффективной коммуникации, как государство и право. Государство и право – это ещё способ формирования ощущения единства, группы, взаимной поддержки для обеспечения комфортного и безопасного существования.

Историк права, возвратив в свою науку человека при использовании культурально-антропологического подхода, получил методологию реконструкции и моделирования исторических государственно-правовых систем и политико-правового пространства, государственно-правовой мифологии, правосознания на всех уровнях – от официального и профессионального до обыденного. Этот подход позволяет высветить маргинальные периферийные пространства и разглядеть их обитателей. Даже простое чтение хроник приобрело новые перспективы, позволило задавать источникам множество новых вопросов, вступая в диалог с давно ушедшими людьми. Теперь важность собственно содержания дополняется возможностями расшифровать в тексте отражения культурного

пространства, которое является источником политико-правовых идей и пересекающихся картин мира. «Культуральная методология права акцентирует внимание на внутренней, психической составляющей правовой реальности. Именно ментальные процессы, составляющие содержание культуры, которая, в свою очередь, их обуславливает, выступают одновременно и содержанием правовой реальности»¹⁶.

Сегодня историк права осознаёт, что правовой источник содержит не так много знания о политико-правовой реальности эпохи, а её интерпретацию, основанную на особенностях правосознания его авторов. Что верно интерпретировать норму права и познать её во всей многомерности, нужно отвлечься от текста источника и зайти в реальную политическую жизнь общества. И наоборот: изучая культуру, в том числе, произведения литературы, живописи, фольклор, можно приблизиться к пониманию сущности государственных и правовых институтов, поскольку в них не может быть того, чего уже не было в культуре, в сознании человека, в его способе воспринимать мир государственно-правовых явлений. «Создавая императив ценности человека над публичными правовыми началами, антропология права обеспечивает гибкий научный подход к интерпретации сущности правовых систем мира»¹⁷.

Настоящая история права, на наш взгляд, должна учитывать не только объективные механизмы становления и эволюции государственно-правовых систем, но и субъективные переживания и ценности, которые формируют правовое сознание и способствуют процессу конструирования государства и права.

Примечания

¹ Ковлер А.И. Антропология права. М.: Изд-во «НОРМА-ИНФРА-М», 2002. С. 20.

² Честнов И.Л. Постклассическое правопонимание: основные характеристики // Право и государство. 2017. № 1-2. С. 13.

³ Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Изд-во «НОРМА», 2000.

⁴ Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Российская академия правосудия, 2012. С. 32.

⁵ Смихула Д. Историческое развитие антропологии права // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-razvitie-antropologii-prava> (дата обращения: 27.11.2021).

⁶ Горбун Г.С. Антропология права и «антропологический поворот» в истории права // VOX MEDII AЕVI. 2015. № 2-3 (13-14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropologiya-prava-i-antropologicheskii-povorot-v-istorii-prava> (дата обращения: 27.11.2021).

⁷ Честнов И.Л. Современные типы правопонимания: феноменология, герменев-

тика, антропология и синергетика права. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2002. С. 7.

⁸ См., например: *Веденеев Ю.А.* Антропология права: между социокультурными традициями и нововведениями // *Lex Russica*. 2016. № 9(118). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropologiya-prava-mezhdu-sotsiokulturnymi-traditsiyami-i-novovvedeniyami> (дата обращения: 27.11.2021).

⁹ *Агафонова Е.А.* О предмете антропологии права // *Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова*. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predmete-antropologii-prava> (дата обращения: 27.11.2021).

¹⁰ *Честнов И.Л.* Постклассическое правопонимание: основные характеристики... С. 14.

¹¹ См.: *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. С. 12; *Про А.* Двенадцать уроков по истории. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000.

¹² См., например: *Калинина Е.Ю.* Эволюция формы государства в современной Испании: дис. ... канд. юридич. наук. СПб., 2005.

¹³ *Шенталин А.А.* О роли юридической антропологии в изучении генезиса права и государства // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-yuridicheskoy-antropologii-v-izuchenii-genezisa-prava-i-gosudarstva> (дата обращения: 27.11.2021).

¹⁴ См.: *Калинина Е.Ю.* Антропологический поворот в развитии методологии изучения исторической эволюции правового сознания в XX–XXI вв. // *Философия и методология истории: сб. ст. VI Всероссийской научной конференции / отв. ред. С.Г. Калашников*. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2015. С. 298–306.

¹⁵ *Честнов И.Л.* Перспективы и проблемы социокультурной антропологии права: ответ на критические замечания // *Lex Russica*. 2016. № 6. С. 227.

¹⁶ *Честнов И.Л.* Культуральное измерение права: общая характеристика // *Российское государствоведение*. 2018. № 3. С. 8.

¹⁷ *Агафонова Е.А.* О предмете антропологии права...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балкова Елизавета Алексеевна, магистрант Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; balkova.elis@gmail.com

Булычева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; bulychevalena@yandex.ru

Долгова Евгения Андреевна, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; medievalis@list.ru

Ершова Галина Гавриловна, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; ga.gav@mail.ru

Каиль Максим Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России Смоленского государственного университета, г. Смоленск; mvkail@mail.ru

Калинина Елена Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург; bellaflor@mail.ru

Косиченко Иван Никитович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; kosichenko.i@rggu.ru

Крылова Анастасия Андреевна, кандидат исторических наук, заместитель директора Московского областного архивного центра, Московская область, г. Пушкино; quidquam@mail.ru

Лукьянов Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; lukadmiv@mail.ru

Лярский Александр Борисович, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург; lam732007@yandex.ru

Миронов Борис Николаевич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; mironov1942@yandex.ru

Молодчикова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; tatiana20emr@gmail.com

Мухин Олег Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета, г. Томск; himan1@rambler.ru

Пушкарева Ирина Михайловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва; pushkarevy@mail.ru

Пушкарева Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. Центром гендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва; pushkarev@mail.ru

Румянцева Марина Федоровна, кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва; mf-r@yandex.ru

Стрельченко Андрей Борисович, доктор медицинских наук, врач-психотерапевт, действительный член и официальный преподаватель международного уровня Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги, аккредитованный специалист СРО «Союз психотерапевтов и психологов», психотерапевт Европейского реестра психотерапевтов, г. Москва; strelchenkoab@gmail.com

Суккина Людмила Борисовна, доктор исторических наук, кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой подготовки кадров высшей квалификации Института программных систем им. А.К. Айламазяна Российской академии наук, г. Переславль-Залесский; lbsukina@gmail.com

Шабунина Анастасия Константиновна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва; shabunina@bk.ru

Maldonado Repetto Adrián, Dr., director del Centro de Estudios Mayas Yuri Knórosov, Mérida, México; adrianmaldonadorepetto@hotmail.com

Стены и мосты: Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: Сборник статей [Материалы Международных научных конференций. Москва, 27-28 мая 2021 г., 26-27 мая 2022 г.] / Отв. ред. Г.Г. Ершова; Сост. Е.А. Долгова. М.: РГГУ, 2023. 218 с.

ISBN 978-5-7281-3297-4

Сборник объединяет статьи, подготовленные на основе докладов IX и X Международной научной конференции «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях», состоявшихся в Российском государственном гуманитарном университете в 2021 и 2022 гг. В центре внимания авторов – проблема творческого (научного) воображения исследователя. Особое внимание уделяется не только смелым гипотезам и идеям, но и их реализации на практике – конкретным примерам исследований, строгости методики и особенностям работы с источником.

Книга предназначена для историков и представителей других дисциплин, обращающихся в своих исследованиях к исторической проблематике.

УДК 930(063)

ББК 63я431

Научное издание

Стены и мосты

Междисциплинарные подходы
в исторических исследованиях

Сборник трудов
Международной научной конференции

Корректор *С.А. Хохрякова*
Компьютерная верстка *И.Н. Косиченко*

Отпечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 17.05.2023
Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 13,8.
Тираж 500 экз. Заказ № 1744

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru